

II-10.
D-151.

РЕПЕРТУАРЪ

И

ПАНТЕОНЪ,

ИЗДАВАЕМЫЙ

И. ПЕСОЦКИМЪ.

7958.7010
8567

ГОДЪ ВОСЬМОЙ
1846.

ТОМЪ ПЯТНАДЦАТЫЙ.

ГОСУДАРСТВЕН. АКАДЕМ.
Ленинградская Театральная
БИБЛИОТЕКА
имени А. С. Пушкина
ТЕАТРА ДРАМЫ

С. ПЕТЕРБУРГЪ,

Въ Типографіи Штаба Отдѣльнаго Корпуса Внутренней Стрѣжи.

1846.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ,

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ Ценсурный Комитетъ
узаконенное число экземпляровъ. — С. Петербургъ, 20 Іюля 1845 года.

Ценсоръ А. Никитенко.

РЕПЕРТУАРЪ ПАНТЕОНЪ.

№ 8.

СОДЕРЖАНІЕ.

1846.

I. Встрѣча, разсказъ въ стихахъ
<i>А. Григорьева</i>	211	IX. Одетъ да не тотъ. Оригиналь-
ный водевиль въ двухъ дѣй-
ствіяхъ. <i>М. И. Э</i>	326
II. Овятъ она! Стихотвореніе <i>А.
П. Славина</i>	235	X. Какъ дорожуй восторгами встрѣ-
чи. Стихотвореніе <i>А. Брже-
скаго</i>	357
III. МАТЕРІАЛЫ ДЛЯ ИСТОРІИ ТЕАТРА.
Госпожа Клеронъ	236	XI. Путешествіе Апраксинскаго куп-
ца и благополучное возвраще-
ніе. Фарсъ-водевиль въ трехъ
дѣйствіяхъ. Сочиненіе <i>П. Г.</i>	358
IV. К***. Стихотвореніе <i>А. Гри-
горьева</i>	241	XII. Малодна. Стихотвореніе <i>А. С.</i>	398
V. Альбомъ-обличитель. Оперетта
въ двухъ дѣйствіяхъ, передѣ-
ланная съ французскаго <i>П. И.
Куликовскаго</i>	243	XIII. Смѣсь. Докторскій халатъ. <i>Раз-
сказъ</i> .—Актриса, или двѣ встрѣ-
чи. Быль. (<i>Изъ записокъ земле-
лѣтца</i>).—Изъ школьныхъ запис-
сокъ.—Анекдоты и Мелочи	399
VI. Визитъ сосѣду. Стихотвореніе
<i>К. Сазонова</i>	287		
VII. Мадлена. Повѣсть <i>Жюль Саудо</i>	289		
VIII. Эмѣ перуэзъ. Стихотвореніе <i>А.
С.</i>	325		

ТЕАТРАЛЬНАЯ ЛѢТОПИСЬ. (ЮЛЬ.)

I. ИНОСТРАННЫЕ ТЕАТРЫ.—Париж-
скіе. Первое представленіе Бет-
ти, паломничаго балета.—
Первое представленіе Sport et
Turf, Gentilhomme. — Mon voisin
d'omnibus, комедія въ стихахъ.—
Les quatres Reines, комедія-во-
девиль Полема и Лорансена.	36	Розанъ, водевиль.—Дидюшка
Болтушка, водевиль.—Необык-
новенное путешествіе гостин-
нодворскаго купца, фарсъ-воде-
виль.—Бородинская годовщи-
на.—Новыя композиціи г. Ка-
жнскаго. — Черный день на
Черной рѣчкѣ, оригинальная
комедія.—Горе отъ ума.	39
II. РУССКІЕ ТЕАТРЫ		Каменно-Островскій театръ.
Французскіе спектакли.—Davis
ou le bonheur d'être fou, комедія
водевиль.—Un bal du grand
monde.	44
1) С. ПЕТЕРБУРГСКІЕ.		2) ПРОВИНЦІАЛЬНЫЕ ТЕАТРЫ. Театръ
въ Ярославѣ.	49
Александринскій театръ. Вели-
кодушіе или Рекрутскій наборъ,
драма.—Дѣвица отшельница,
водевиль.—Дѣвушка морякъ,
водевиль.—Возвращеніе г. Мар-
тынова.—Дебютъ М-ле Руссе,
въ балетѣ: Двѣ волшебницы.—
Бенефисъ г. Григорьева 2.—		III. РАЗНЫЯ ИЗВѢСТІА	55

ВЪ КНИЖНОМЪ МАГАЗИНѢ
ИВАНА ГЕВЕНА

На Невскомъ проспектѣ, у Казанскаго моста, въ
домѣ г-жи Энгельгардтъ

Поступили въ продажу слѣдующія книги:

(Цѣны на серебро.)

РУССКАЯ Исторія Н. Устрялова, изд. 3-е, два тома съ 5-ю картами и 36-ю планами. Спб. 1845 года, цѣна 1 р., вѣс. за 1 ф.

СТО Русскихъ Литераторовъ, изданіе книгопродавца А. Смирдина, томъ 3-й. Спб. 1845 г., цѣна 7 р. 15 к., вѣс. за 4 ф.

НОВОСЕЛЪЕ, изданіе А. Смирдина, часть 3-я, Спб. 1846 г., цѣна 3 р., вѣс. за 3 ф. Тоже части 1-я и 2-я, изданіе 2, Спб. 1845, цѣна 5 р., вѣс. за 5 фунтовъ.

ВЧЕРА и СЕГОДНЯ, Литературный Сборникъ, составленный графомъ В. А. Солмогубомъ, изданный А. Смирдинымъ, книга 1-я и 2-я, Спб. 1845—1846 г., цѣна 3 р., вѣс. за 2 ф., отдѣльно каждая книжка по 1 р. 50 к., вѣс. за 1 ф.

ИЗБРАННЫЯ Слова Массильйона, Епископа Клермонскаго, перевелъ Иванъ Ястребцовъ, 3-е пересмотренное изданіе, 2 тома, Спб. 1845 г., цѣна 3 р., вѣс. за 3 ф.

ЗАМѢТКИ За границею въ 1840 и 1843 годахъ, Ф. П. Л., Спб. 1845 г., цѣна 1 р. 50 к., вѣс. за 2 ф.

МОЯ ИЛИ НИЧЬЯ! или Клятва Двухъ Соперниковъ, повѣсть. (1769 — 1772). Сочиненіе О. Г., 2 части, Спб. 1846, цѣна 1 р., вѣс. за 1 ф.

РУЧНАЯ Книга Русской Опытной Хозяйки, составленная К. Авдѣевой, изд. 5-е, 2 части, Спб. 1846 г., цѣна 2 р., вѣс. за 2 ф.

МНРЗА Хаджи-Баба Исфгани. Сочиненіе Моріера, вольный переводъ барона Брамбеуса, изд. 2-е, 4 части, Спб. 1845 г., цѣна 4 р., вѣс. за 3 ф.

МОСКОВСКІЙ Литературный и ученый Сборникъ, Москва 1846 г., цѣна 3 р., вѣс. за 3 ф.

ВЕКФИЛЬДСКІЙ Священникъ, романъ Оливера Гольдсмита,

ВСТРѢЧА.

РАЗСКАЗЪ ВЪ СТИХАХЪ.

Посвящается А. Фета.

I.

Опять Москва, — опять былая
 Мелькаетъ жизнь передо мной,
 Однообразная, пустая,
 Но даже въ пустотѣ самой,
 Хандры глубоко безъотрадной
 Въ себѣ таящая залогъ —
 Хандры, которой Русскій Богъ
 Души, до жизни слишкомъ жадной
 Порывы дерзкіе сковаль —
 Зачѣмъ? Онъ лучше, вѣрно, зналь,
 Предвидя гордую замашку
 Жить черезъ-чуръ ужъ на-распашку,
 Перехвативши на лету
 И переживъ почти за-даромъ,
 Что братья старшіе въ поту
 Чела, съ терпѣніемъ и жаромъ,
 Вѣка трудились добывать,

II.

Одни верхушки, какъ извѣстно,
 Достались намъ отъ странъ чужихъ.
 И что-же дѣлать? Стало тѣсно
 Намъ въ граняхъ, ими отлитыхъ.
 Мы переходимъ эти грани,
 Но не уставши, какъ они:
 Отъ ихъ борьбы, отъ ихъ страданій
 Мы взяли слѣдствія одни.
 И русскій умъ понять не можетъ,
 Что ихъ и мучить и тревожить,
 Чего имъ рушить слишкомъ-жалъ...
 Ему, стоящему на граняхъ,
 Съ желаньемъ жизни, съ мощью въ дланяхъ,
 Яснѣй невѣдомая даль,
 И видитъ онъ орлинымъ окомъ
 Въ своемъ грядущемъ недалекомъ
 Мету со всѣмъ иной борьбы —
 Иракла новые столбы.

III.

Теперь-же — зритель равнодушный
 Паденья старыхъ пирамидъ,
 Съ зѣвотой праздною и скучной
 На мѣрь съ просонья онъ глядитъ,
 Какъ сидѣнь-Муромецъ отъ скуки,
 Лежитъ да ждетъ, сложивши руки...
 Зачѣмъ лежитъ? чего онъ ждетъ?
 То знаетъ Богъ... Онъ воззоветъ
 Къ работѣ спящій духъ народа,
 Когда урочный часъ придетъ!
 Не даромъ Царственного рода
 Скалы недвижны въ немъ оплотъ...
 Не даромъ бдятъ неспящимъ окомъ,
 Надъ нимъ преемники Петра! —
 Придетъ та славная пора,

Когда въ ихъ подвигѣ высокомъ
Завѣты Господа пойметъ
Избранный Господомъ народъ!..

IV.

И пусть покамѣсть онъ зѣваетъ,
Въ затылкѣ роется подчасъ,
Хандрить, лѣниво протираетъ
Съ просонья пару мутныхъ глазъ.
Такъ много силъ подѣ лѣнью праздною
Затаено, какъ кладъ, лежить,
И въ той хандрѣ однообразной
Залогъ грядущаго сокрытъ, —
И въ пѣсни грустно-полусонной
Лѣниво вялой, монотонной
Порывъ размахисто-живой
Сверкаетъ молніей порой.
То жажда лѣсу, вольной воли,
Размѣровъ новыхъ бытія —
Та пѣснь, о родина моя,
Предчувствіе великой доли!..
Проснешься ты, — твой часъ пробьетъ,
Избранный Господомъ народъ!

V.

Съ тебя снадутъ оковы лѣни,
Сонливость праздною пустоты;
Вождемъ племенъ и поколѣній
Къ высокой цѣли встанешь ты.
И просіяетъ свѣтомъ око
Зане — кто зракъ раба пріялъ,
Тебя надъ царствами высоко,
О Русь, поставить предъизбралъ.
И воспаритъ орелъ державный,

• • • • •
• • • • •

.
.
.
.
.
.
.

VI.

Но въ срокъ великаго призванья,
Все также степь свою любя,
Ты помянешь, народъ избранья,
Хандру, вскормившую тебя,
Какъ нянька старая, бывало...
Ты скажешь : — Добрая хандра
За мною по пятамъ бѣжала,
Гнала бывало со двора,
Въ цыганскій таборъ, въ степь родную
Иль въ европейскій Вавилонъ,
Размыкать грусть-кручину злую,
Разсѣять неотвязный сонъ. —
Тогда тебѣ хандры старинной,
Быть-можетъ, будетъ даже жаль:
Такъ степняка беретъ печаль
По сторопѣ своей пустынной;
Такъ первый я — люблю хандру,
И, вѣроятно, съ ней умру.

VII.

Люблю хандру, люблю Москву я,
Хотѣлъ-бы снова цѣлый день
Лежать съ сигарою, тоскуя,
Браня родную нашу лѣнь;
Или, безъ дѣла и безъ цѣли,
Пуститься рыскать по домамъ,
Гдѣ всѣ мнѣ страшно надоѣли,

Гдѣ надоѣлъ я страшно самъ,
И гдѣ — приличную осанку
Принявши, — съ новостью въ устахъ,
О политическихъ дѣлахъ,
Всегда прочтенныхъ на изнанку,
Меня встрѣчали... или вкось
И вкривь — о вѣчномъ Nichts и Alles
Рѣшали споры. Такъ велось
Въ Москвѣ, бывало, — но остались
Въ ней, вѣроятно, скука тажъ,
Вопросы тѣ-же, таже блажь.

VIII.

Опять проходитъ предо мною,
Тѣней китайскихъ длинный рядъ,
И снова брошенъ я хандрою
На театральный маскарадъ.
Театръ кончается: лакеи
Толчками всѣ разбужены,
Лѣнны, вялы и сонны,
Ругая барскія затѣи,
Тихонько въ двери ложь глядятъ,
И картъ засаженныхъ колоды
Въ ливренъ прячуть.... Переходы
И лѣстницы уже кипятъ
Толпой, бѣгущею заранѣ
Ко входу выбратся, — она
Ужъ насладилась сполна,
И только шупаетъ въ карманѣ,
Еще-ль фуляръ покамѣстъ цѣль,
Или сосѣдъ его поддѣль?

IX.

А между-тѣмъ, на сценѣ шумно
Роберта-дьявола гремитъ
Тріо послѣднее: кипятъ

Странаніемъ, тоской безумной,
 Борьбою страшной... Вотъ и онъ,
 Проклятемъ неба пораженъ,
 И величавъ, какъ образъ мѣдный,
 Стоитъ недвижимый и блѣдный,
 И словно вопль несется звукъ
 «Gieb mir mein Kind, mein Kind zurück!!»
 И я... какъ прежде, я внимаю
 Съ невольной дрожью звукамъ тѣмъ
 И снова полонъ, боленъ, пѣмъ,
 Рукою трепетной сжимаю
 Другаго руку.... И готовъ
 Опять летѣть въ твои объятія —
 Ты, съ кѣмъ мы долго были братья,
 Пѣвецъ хандры, пѣвецъ снѣговъ!...

X.

О, гдѣ-бы ни былъ ты, и чтó-бы
 Съ тобою ни было, — но намъ,
 Я вѣрю твердо, по-поламъ
 Пришлось на часть душевной злобы,
 Разъубѣжденія въ себѣ,
 Вражды ко псамъ святаго храма,
 И, знаю, вѣришь ты борьбѣ
 И добродѣтели Бертрама,
 Какъ въ годы прежніе... И пусть
 Насъ раздѣлили эти годы,
 Но въ часъ, когда больная грусть
 Про свѣтлыя мечты свободы
 Напомнить намъ, — я знаю, — вновь
 Тогда является предъ нами
 Былая, общая любовь,
 Съ ея прозрачными чертами,
 Съ сияньемъ дѣвственнымъ чела,
 Чиста, какъ лучъ, какъ лучъ свѣтла!

XI.

Но вотъ раздался хоръ финальный,
Его не слушаетъ никто,
Пустѣютъ ложи: занято
Вниманье знати театральной
Совѣмъ не хоромъ: балъ большой
Въ извѣстномъ домѣ; торопливо
Спѣшатъ кареты всѣ домой
Иль подвигаются лѣнливо.
Пустѣетъ кресель первый рядъ,
Но страшно прочіе шумятъ....
Стоять у рампы Бертрамисты
И не жалѣютъ бѣдныхъ рукъ,
И вновь усталого артиста
Зоветь ихъ хлопанье и стукъ
И васъ — (о страшная измѣна!)
Васъ, петербургская Елена,
Съ восторгомъ — не одинъ зоветь
Московской сцены патриотъ.

XII.

О да! склонился передъ вами,
Искусствомъ дивнымъ увлеченъ,
Патриотизмъ; онъ былъ смѣшенъ,
Какъ это знаете вы сами.
Предъ вами въ прахъ и строгій судъ
Парижа палъ —
Такъ что-же вамъ до черни праздной,
До мѣстныхъ, жалкихъ всѣхъ причудъ?
Когда, волшебница, въ Жизели
Эфирнымъ духомъ вы летѣли
Или Еленою — змѣей
Вились съ вакхическимъ забвеньемъ,
Своей изваянной рукой
Зова Роберта къ наслажденьямъ,
То съ зампрающей тоской,

То съ дикимъ страсти упоенемъ —
 Вы были жрицей! Чтѣ для васъ
 Нетрезвой черни праздный гласъ?

XIII.

Смолкають крики постепенно,
 Все тихо въ залѣ, — убрался
 И бертрамисты, но мгновенно
 Отъ кресель очищаютъ низъ,
 Партеръ сливается со сценой,
 Театръ не тотъ ужъ вовсе сталъ —
 И декораций перемѣной
 Онъ обращенъ въ громадный залъ,
 И отовсюду облитъ свѣтомъ,
 И самый полъ его простой,
 Хотя не совсѣмъ глядитъ паркетомъ,
 Но все-же легкою ногой
 По немъ скользить хотъ въ полкъ шумной
 Съумѣютъ дамы... Но увь!
 Не знать красавицамъ Москвы
 Парижа орги безумной.

.

XIV.

Ужъ полночь било... масокъ мало,
 За то — довольно много шляпъ...
 Вотъ онъ, цыганекій запѣвало
 И атаманъ — son nom m'échappe...
 Одно я знаю: все имѣнье
 Давно растративъ на цыганъ,
 Давно ужъ на чужой карманъ
 Живетъ, по общему онъ мнѣнью,
 А вотъ — философъ и поэтъ
 Въ кафтанѣ, въ мурмолкѣ старинной...
 Съ физиономією длинной,

Иссохшій весь во цвѣтъ лѣтъ,
 И цѣломудренный и чинный...
 Но здѣсь ему какая стать?
 Увы — онъ ходитъ наблюдать:
 Забавы умственной, невинной
 Пришелъ искать онъ на балу,
 И для того засѣлъ въ углу.

XV.

Вотъ Гегелисть — филистеръ вѣчной,
 Славянофиловъ лютый врагъ,
 Съ готовой рѣчью на устахъ,
 Какъ Nichts и Alles безконечной,
 Въ которой четверть лишь ему
 Ясна немного самому.
 А вотъ — глава Славянофиловъ —
 Евтихій Стахьевичъ Панфиловъ,
 Съ славянски-страшною ногой,
 Со ртомъ кривымъ, съ подбитымъ глазомъ,
 И весь какъ-бы одной чертой
 Намазанъ русскимъ богомазомъ.
 Съ нимъ рядомъ маленькій идетъ
 Московскій мистикъ, пожимая
 Ему десницу, напередъ
 Перчатку впрочемъ надѣвая...
 Но это кто, какъ властелинъ,
 Передъ толпой прошелъ одинъ?

XVI.

Онъ головой едва киваетъ
 На многихъ дружескій привѣтъ, —
 Ему философъ и поэтъ
 Съ смущеньемъ руку пожимаетъ.
 Въ замѣну получаетъ онъ
 Одинъ сухой полупоклонъ,
 Да нагло-рѣзкій, нагло-длинный

На синій охабень старинный
 Насмѣшки злобной полный взглядъ,
 И дико пятится назадъ
 Предъ нимъ Слафянофиль сердитый,
 Нечесанный и неумытый....
 Но прямо онъ идетъ къ нему
 Съ улыбкою великодушной,
 Дивится онъ его уму —
 Потомъ, зѣваетъ равнодушно
 Лишь только тотъ разинулъ ротъ —
 И дальше чрезъ толпу идетъ.

XVII.

Кто онъ? — вы спросите читатель, —
 Кто онъ? — Во первыхъ, мой герой,
 Потомъ — хорошій мой пріятель
 Сергѣй Петровичъ Моровой.
 Родясь полу-аристократомъ
 Не много съ лѣвой стороны —
 Онъ, говоря витіеватымъ
 Казеннымъ слогомъ, въ дни весны,
 Хандрою мучась безпощадной,
 Свой миллионный капиталъ
 Въ четыре года промоталъ,
 И наслажденій вѣчно жадный
 Кругомъ въ долгахъ, еще живетъ
 Какъ прежде — весело, покойно,
 Пустыхъ не вѣдая заботъ,
 И думая, что недостойно
 Съ умомъ и волею людей
 Передъ судьбой упасть своей.

XVIII.

.

 Не одного ужъ извои дома

Его призналъ степенный градъ ;
 И не одинъ, дотолѣ мирный,
 Семейный кругъ разстроилъ онъ,
 И не одинъ рогато-смирный
 Супругъ покоя имъ лишилъ.
 Его бранятъ и проклинаятъ,
 Онъ — давній ужасъ всѣхъ старухъ,
 И между-тѣмъ, — таковъ ужъ духъ! —
 Его радушно принимаютъ
 Во всѣхъ порядочныхъ домахъ
 Богоспасаемаго града,
 Гдѣ онъ на всѣхъ наводитъ страхъ,
 И въ немъ Москва — скандалу рада,
 Хотя по сказкамъ — шулеръ онъ,

.

XIX.

Лукавство вкрадчиваго змѣя
 И математика разсчетъ,
 И мѣдный лобъ, который лжетъ
 Спокойно, гордо, не краснѣя,
 И обаятельная рѣчь,
 И злость насмѣшки страшно ѣдкой,
 Всегда губительной и мѣткой,
 И — способъ вѣрный въ сѣть увлечь, —
 Владѣнье вѣчное собою,
 Вотъ что герою моему
 Дало влияние надъ толпою,
 Всегда покорною уму.
 Онъ къ людямъ не скрывалъ презрѣнья —
 Но ихъ природу онъ постигъ,
 И нагло требовалъ отъ нихъ,
 Какъ отъ рабовъ, повиновенья, —
 И, самъ не зная почему,
 Покоренъ каждый былъ ему.

XX.

Его побѣдамъ нѣтъ и счета,
 Какъ говорить молвы языкъ, —
 Но отъ любви ужъ онъ отвыкъ,
 И любить только изъ разчета
 Или изъ прихоти; за то
 Въ искусствѣ дивномъ обольщенья
 Съ нимъ не сравняется никто,
 И онъ избыткомъ пресыщенья
 И сердца хладомъ ледянымъ,
 И зоркимъ взглядомъ, вѣчно-вѣрнымъ,
 И равнодушно — лицемѣрнымъ,
 Терпѣньемъ старческимъ своимъ,
 Царить надъ женскою толпою....
 Надъ ней лишь только тотъ одинъ
 Всевластный, гордый властелинъ,
 Кто отжилъ жизнью молодою
 И чуетъ хладъ въ своей крови,
 И только требуетъ любви.

XXI.

Его расчетъ былъ слишкомъ-вѣренъ,
 И планъ разсчитанъ напередъ.
 Въ себѣ вполне онъ былъ увѣренъ
 И зналъ, что въ прахъ онъ не падетъ
 Холодно-гордой головою
 Ни предъ какою красотою
 Иль чистотой, — ни предъ какимъ
 Порывомъ дѣвственно-святымъ.
 Давно отвыкъ онъ удивляться,
 Давно не вѣрилъ ничему,
 Давно не могъ онъ предаваться
 Порыву самъ ни одному,
 И, тактикъ, вѣчно-равнодушный,
 Въ порывѣ каждомъ видѣлъ онъ
 Открытыя слабыхъ лишь сторонъ

Да слишкомъ-длинный, слишкомъ-скучный
Манёвровъ и усилий рядъ,
Чему онъ вовсе не былъ радъ

XXII.

И тихо, вѣрно, постепенно
Умѣлъ до цѣли онъ дойти,
И выжидалъ почти смиренно,
Пока, сокрытая въ груди,
Страсть жертвы бѣдной, незамѣтно
Пробьетъ послѣдній свой оплотъ,
Пока безумно, беззавѣтно
Она на грудь его падетъ.
Но и тогда, собой владѣя,
Онъ принималъ холодный тонъ,
И сострадательно жалѣя
Читалъ ей проповѣди онъ;
Онъ не любилъ ловить мгновенья,
Онъ безгранично-роковой
Хотѣлъ преданности одной,
А не безумнаго забвенья.
Притомъ — упрековъ не любилъ,
И нервами разстроень былъ.

XXIII.

Совсѣмъ инымъ его видали
Съ *девяткой* строгой и сухой,
И съ рѣзвой, свѣжей, молодой,
Еще невѣдавшей печали
Благоухающей душой.
Любовью пламенной и томной,
И маской чуть-ли не святой,
И рѣчью тихою и скромной
Ловилъ онъ первую;
.
.
.

Но былъ съ другою онъ другой:
 Онъ съ ней свободно обращался,
 Бралъ на руки, какъ пожилой,
 Надъ ней, какъ надъ дитей, смѣялся,
 И постепенно, день-отъ-дня,
 Вливалъ въ нее струю огня

XXIV.

Взгляните, вотъ онъ, гордый, стройной,
 Во фракъ англійскомъ своемъ,
 Вполнѣ комфортномъ и простомъ,
 Съ физиономією знойной,
 Съ бездонной пропастью очей,
 Какъ ночь таинственная темныхъ,
 И обаятельныхъ и томныхъ,
 И полныхъ пламенемъ страстей,
 Съ его лѣниво-беззаботной
 Походкой, съ вѣчною хандрой,
 И съ рѣчью вялой — неохотной,
 Но проницательной и злой.
 Взгляните: вотъ, толпу раздвинувъ,
 Онъ въ уголъ устремилъ лорнетъ,
 Отъ коего спасенья нѣтъ —
 И взглядомъ масокъ рой окинувъ,
 Уже вдали узналъ одно,
 Съ зеленой вѣткой домино.

XXV.

Подходитъ онъ, — но какъ-то робко,
 И странно руку подаетъ
 То домино ему; — идетъ
 Съ нимъ неохотно и пеловко,
 А онъ свой беззаботный видъ
 Хранить по-прежнему; играя
 Цѣпочкой, что-то говоритъ
 Спокойно, строго, и сгарая

Подъ маской злостью и стыдомъ,
Его молчать ужъ умоляютъ.
Но съ сожалѣннемъ незнакомъ,
Онъ тихо проповѣдь читаетъ,
За сплетню сплетней платить злой,
И дамы маленькую руку
Онъ щиплетъ въ кровь своей рукой.
Потомъ, окончивъ эту муку,
Уходитъ, поклонившись ей,
Влюбленной спутницѣ своей

XXVI.

Идетъ онъ дальше... Пискомъ шумнымъ
Знакомыхъ масокъ окруженъ,
Болтаемъ ихъ неостроумнымъ
И сплетнями скучаетъ онъ.
Уже зѣвать онъ начинаетъ,
Готовъ отправиться домой;
Но вотъ, одно его рукой
Изъ домино овладѣваетъ.
Онъ смотритъ долго — кто оно
Таинственное домино?
И видитъ только, изъ-подъ маски
Блестятъ полуденные глазки.
Она воздушна и мала,
Ея рука блѣдна, бѣла,
И кончикъ ножки изъ-подъ платья —
Изъ общихъ дамскихъ ногъ изъятье.
И долженъ онъ сознаться въ томъ,
Что съ нею вовсе незнакомъ.

XXVII.

Была пора — и я когда-то
Любилъ безумно маскарадъ....
Годамъ, миновавшимъ нѣтъ возврата,
Но память ихъ будить я радъ.

И снова вы передо мною,
 Съ своей живою красотою,
 Царица масокъ пронеслись!...
 Въ ухахъ какъ-будто раздались
 И ваша рѣчь, и смѣхъ вашъ звонкой,
 И остроумно-милый вздоръ,
 Блестящій, свѣтскій разговоръ
 И прелесть шутки вашей тонкой.
 Философъ jusqu'au bout de doigts,
 Какъ вы меня назвали сами,
 Завѣты мудрости едва
 Не забывалъ я вовсе съ вами,
 Чуть не терялъ я головы,
 Когда шутили только вы!...

XXVIII.

Но я увлекся.... О героѣ
 Я позабылъ моемъ. Идутъ
 Они давно ужъ вмѣстѣ двое
 И разговоръ живой ведутъ;
 Но равнодушный постоянно
 И вѣчно-дерзкій, мой герой,
 Сергѣй Петровичъ Моровой,
 Невольно ожилъ какъ-то странно,
 И маски лепетъ внемлетъ онъ
 Съ живымъ участием.... Неужели
 Онъ также можетъ быть влюбленъ?
 О нѣтъ, о нѣтъ — но въ-самомъ-дѣлѣ,
 Полузагадочная рѣчь,
 И тонъ таинственный намека
 Опять могли его увлечь
 Къ тому, что ужъ давно, далеко,
 Къ его забытымъ юнымъ днямъ,
 Къ его любви, къ его мечтамъ?...

XXIX.

И тщетно онъ припоминаетъ
 Событій прошлыхъ длинный рядъ, —
 Такъ много ихъ! Но узаряетъ
 Его одно — и странный хладъ
 При мысли той бѣжитъ невольно
 По тѣлу... судорожно ей
 Жметъ руку онъ рукой своей;
 И, кажется, довольно-больно;
 Но также весело она
 Хохочетъ, та-же рѣчь живая
 Въ устахъ, то страстная, то злая...
 Она причудливо-странна,
 И околдованъ обаянъемъ,
 Ей молча внемлетъ Моровой,
 И вновь уносится душой
 Къ своимъ былымъ воспоминаньямъ.
 Но вотъ изъ рукъ его змѣей,
 Скользнувши къ домино другой,

XXX.

Она исчезла... изумленный
 Остался онъ; за нею вслѣдъ
 Встревоженный, почти смущенный
 Идти онъ хочетъ; но лорнетъ
 Въ углы онъ тщетно направляетъ, —
 Она исчезла, словно сонъ...
 И самъ онъ плохо довѣряетъ,
 Тому, что здѣсь не грезить онъ.
 Какъ? неужели это снова
 Она, погибшая давно?...
 То не она.... твердитъ одно
 Ему разсудокъ, но готово
 Повѣрить сердце даже въ вздоръ...
 Но этотъ лепетъ, этотъ взоръ,
 Какъ пламя яркій, долгій, нѣжный,

Но этотъ страстный и мятежный,
 Причудливый и злой языкъ?...
 Онъ знаетъ ихъ.... онъ къ нимъ привыкъ!

XXXI.

Предъ нимъ опять старинной сказки,
 Волшебной сказки вьется нить,
 Опять ребяческія ласки
 Въ лобзанья страсти обратитъ
 Онъ жаждетъ.... Пылкій и богатой,
 Препятствій онъ не хочетъ знать.
 Но не объятія разврата
 Онъ ищетъ златомъ покупать.
 Нѣтъ! вызывать въ душѣ невинной
 Потребность жить, любить, страдать, —
 Вотъ цѣль его.... и въ вечеръ длинной,
 Когда заснетъ старушка мать,
 Онъ начинаетъ по-немногу
 Змѣиной хитростью рѣчей
 Въ душѣ неопытной страстей
 Будитъ безумную тревогу,
 И краску перваго стыда
 Стогать лобзаниемъ тогда.

XXXII.

Ея ланиты рдѣютъ жаромъ,
 Она дрожитъ въ его рукахъ,
 Опалена страстей пожаромъ,
 И сердце ей стѣсняетъ страхъ.
 Но равнодушно передъ нею
 Онъ держитъ зеркало.... она
 Взглянуть боится... сожжена
 Стыдомъ и страстію своею....
 Но онъ спокоенъ, онъ — глядитъ
 Ей прямо въ очи, говоритъ
 Свободно.... Жарко ей, неловко,

И темнорусая головка
 На грудь склоняется къ нему....
 Прерывисто ея дыханье,
 И внятенъ страстный вздохъ ему,
 И жаркихъ персей колыханье —

XXXIII.

И что-жъ потомъ? Увы! укоромъ
 Встаетъ прошедшее предъ нимъ, —
 Ребенка грустнымъ, скорбнымъ взоромъ,
 Старухи камнемъ гробовымъ....
 Поражена стыдомъ разврата,
 Ребенокъ бѣдный, умерла
 Или исчезла ты куда-то?
 А онъ! ужели ты была
 Одною искреннею страстью
 Въ эгоистически-сухой
 И пресыщеніемъ больной
 Душъ его? Ужели счастью
 Съ тобой одною вѣрилъ онъ?
 И вотъ опять твой дѣтскій лепетъ
 Услышанъ имъ — и пробужденъ
 Въ его душѣ бывалый трепеть;
 Но ты-ли точно? иль обманъ
 Ему на-мигъ судьбою данъ?

XXXIV.

Стоить онъ грустный и суровый,
 Сложивши руки на груди
 И смотреть — по народъ все новый,
 Наперед и назад;
 Одинъ лишь атаманъ цыганскій,
 Пріятель карточный его,
 Известный публикѣ Рыганскій,

Проходить мимо: «Отъ-чего
Ты нынче невеселъ?» съ вопросомъ
Казеннымъ подступаетъ онъ,
И рѣзкимъ взглядомъ огромятъ,
Ворча уйдти ужъ хочетъ съ носомъ.
Но вдругъ, припомня что-то въ мигъ
Опять къ нему онъ добродушно:
«Не зналъ я вѣхъ проказъ твоихъ,
Ты ходишь съ ней!» Но равнодушно,
Досаду скрывши, Моровой
Въ отвѣтъ махнулъ ему рукой.

XXXV.

«А чудо женщина, ей Богу,
Цыганокъ лучше!» продолжалъ,
Одушевляясь по-немногу
Неумолкающій нахаль:
«Да, кто она? скажи пожалуй!»
Спросилъ спокойно Моровой.
«Эге! — ну, славный-же ты малый,
Не знаешь Кати!..» Какъ чумой,
Мгновеннымъ хладомъ пораженный,
Сергій Петровичъ отступилъ,
И страшнымъ словомъ огромятый,
Истолкованья не просилъ.
Довольно!.. Все ему понятно...
Сказали гнусныя уста
Ея названье.... Чистота
Ея погибла невозвратно!..
И дальше онъ скорѣй спѣшитъ,
Растерзанъ и почти убитъ.

XXXVI.

Она погибла.... Кто-жъ виною?
Не самъ-ли ты, кто разбудилъ

Въ ея груди начало злое?

.

Она погибла ... Боже мой!

И зналъ другой ея объятъ!

Молчить онъ... но въ груди больной

Стѣсняетъ страшный стонъ проклятъ.

И тихо, медленно идетъ

Подъ тяжкимъ бременемъ мученья,

И до дверей дошелъ... Но вотъ

Онъ чуетъ вновь прикосновенье

Руки иной къ рукѣ своей,

И вновь она, и вновь онъ съ ней...

XXXVII.

Она влечетъ его... послушно

Идетъ за нею онъ.. увы!

Гдѣ прежній гордо-равнодушный

Герой и властелинъ Москвы?

Онъ снова внемлетъ эти рѣчи,

Онъ снова, снова если-бъ могъ,

Упалъ у этихъ милыхъ ногъ,

Лобзалъ съ безумствомъ эти плечи....

Онъ забывается опять

Подъ этотъ лепетъ дѣтски-страстный,

Ужъ онъ не можетъ проклинать,

Ужъ онъ влюбленъ опять, несчастный!

Онъ позабылъ, что чуждыхъ устъ

Осквернена она лобзаньемъ,

Что мръ и пагъ ему и пусть,

И что испытанъ онъ страданьемъ.

Онъ снова вѣрять, снова онъ

Безуменъ, счастливъ и влюбленъ!

XXXVIII.

«Пускай погибла... что за дѣло?

Такъ судить свѣтъ.

.

.

.

.

. И есть родныя степи,

Въ степяхъ иное небо есть.

Туда, туда! Мы позабудемъ

Съ тобою свѣта жалкій судъ

Свободны, вольны, горды будемъ.

Такъ говоритъ онъ — жадно льнуть

Его болѣзненные взгляды

Подъ маски траурный покровъ...

Нетерпѣливый, онъ готовъ

Сорвать несносныя преграды...

Но вотъ далеко отъ людей,

Они въ фойе садятся съ ней.

XXXIX.

Упала маска, съ упоеньемъ

Онъ видитъ прежнія черты —

Печать не здѣшней красоты.

Она молчитъ, его молениямъ,

Его порывистымъ рѣчамъ,

Внимаетъ тихо, какъ, бывало,

Дитя покорное, внимала

Его властительнымъ словамъ.

Его она не прерываетъ,

Съ него не сводитъ влажный взоръ,

И, какъ бывало, понимаетъ

Его мольбу, его укоръ;

Въ его душѣ ей все понятно.

Но то, что было — то прошло,

Оно прекрасно и свѣтло,

Но, къ-сожалѣнью, невозвратно.
 Межь ними опытъ долгихъ лѣтъ...
 И говоритъ она въ отвѣтъ:

XI.

«Безумецъ, съ вѣчной волей рока
 Оставь надежду враждовать:
 На насъ лежитъ его печать
 На насъ обонхъ; пусть жестоко
 Рѣшенье воли роковой,
 Но — рока судъ не судъ людской.
 Печаленъ путь избранный мною,
 Но онъ, какъ всѣ — ведетъ къ покою...
 Намъ не дано съ тобой любить
 И мѣръ инымъ и лучшимъ видѣть,

.

XII.

Какъ жрица древняя, сіяла
 Она волшебной красотой,
 И мѣрно рѣчь ея звучала
 Какой то силою иной.
 Элады юной изваянемъ
 Ему казалася она...
 Предъ нимъ, передъ его рыданьемъ,
 Была она свѣтла, сильна...
 И гордо всталъ онъ... Молча руку
 Ей подалъ онъ, не на разлуку,
 На путь свободно-роковой,

На путь борьбы, хотя безславной,
 На путь, въ который равный съ равной
 Пошли они рука съ рукой...
 И вотъ ужъ снова предъ толпою
 Они идутъ спокойно двое,
 Равно презрѣнья къ ней полны,
 Равно судьбой осуждены.

XLII.

Они идутъ — для нихъ дорога
 Давно пустынна и равна.
 За ними — прожитаго много,
 Предъ ними смерти тишина....
 Имъ нѣтъ на завтра упованья;
 На нихъ печальное легло
 Всей безнадежностью сознанья,
 И пусть подъято ихъ чело
 Всегда не возмутимо-гордо
 Передъ ликомъ истины нагимъ,
 Но жизнь пуста обоимъ имъ,
 Хотя спокойно, тихо, твердо
 Рука съ рукой они идутъ,
 Отринувъ радость и страданья
 И сердца судъ, и свѣта судъ,
 И даже судъ воспоминанья....
 Имъ прозвучалъ ужъ судъ иной
 Своей послѣднею трубой...

А. ГРИГОРЬЕВЪ.

1846.
 Мартъ.

В. В. С—ВОЙ.

So shows a snowy dove trooping
with crous...

Shakespeare.

Опять она! вездѣ она со мною!
За-чѣмъ я встрѣтился съ тобой
Чудесный призракъ, — и пустой мечтою
Вновь отравленъ души покой?!..
За-чѣмъ? скажи.... Нѣтъ, ты не понимаешь, —
Ты не поймешь вопроса моего!
И — какъ ребенокъ — ты играешь,
Когда я нѣмъ отъ взгляда твоего...
Да, ты чиста, какъ снѣгъ неоскверненный
Стопой людей!.. Тебѣ-ли понимать
Тревоги сердца и — восторгъ смущенный,
И сладость о несбыточномъ мечтать?!...
Тебѣ все это ново, непонятно, —
А я, извѣдавшій сердца людей и міръ,
Я лепечу тебѣ застѣнчиво, невятно —
Не знаю самъ о чемъ, души моей кумирь!
Но — вѣрь, ты мнѣ свята! Передъ твоей улыбкой
Нѣмъбѣтъ все: и умъ, и полный нѣги взглядъ,
И разговоръ разсчитанный — и гибкой
Какъ сталь врага и — гибельный какъ ялъ....

А. СЛАВИНЪ.

Юля 2.
1846.

МАТЕРИАЛЫ ДЛЯ ИСТОРИИ ТЕАТРА.

Мадмуазель Клеронъ.

БИОГРАФИЧЕСКІЙ ОЧЕРКЪ АРСЕНІЯ ГУССЕ.

1-я эпоха жизни.

Есть существованія болѣе сложныя, болѣе романческія, болѣе невѣроятныя, чѣмъ любой воображаемый романъ, и первое мѣсто между ними занимаетъ жизнь актрисъ прошлаго столѣтія. Въ это время актрисы умѣли жить: это были стрекозы, которыя поютъ и пляшутъ лучшее время года, вовсе и не думая, что ноябрь приведетъ за собою стужу. Нынче актрисы слишкомъ затвердили эту басню старика Лафонтеня. Не одна изъ нихъ, какъ муравей, думаетъ объ осени, даже въ золотые дни весны. Какъ и всѣ моралисты, Лафонтень не приложимъ—въ отношеніи къ театру. На театрѣ права стрекоза, а не муравей.

За нѣсколько лѣтъ до смерти, мадмуазель Клеронъ написала свои записки, записки *загробныя*, потому что онѣ должны были появиться въ свѣтъ послѣ ея смерти. Но одинъ *невѣрный* другъ напечаталъ ихъ нѣмецкій переводъ. 28 термидора VI года, мадмуазель Клеронъ писала къ редактору *Публициста*: «Такъ какъ книга моя явилась въ чужой странѣ, то боясь не исполнить долга признательности къ публикѣ и долга почтенія къ націи, я рѣшаюсь сама напечатать этотъ отвѣтъ.» Подписано: *гражданка* Клеронъ.

Видя знаменитую артистку въ ея запискахъ, въ современныхъ журналахъ, въ перепискахъ, легко возсоздать вполнѣ всю ея жизнь такую, какою сдѣлали ее любовь и скука. И этотъ очеркъ — добросовѣстная этюда, въ которой ни разу не призваны на помощь золотыя крылья воображенія.

Мадмуазель Клеронъ (Клера Ипполита Лейри де Латюдь), родилась въ 1723, въ Конде, что въ Гено.

Любопытно видѣть, какъ мадмуазель Клеронъ сдѣлавшись разсудительною, серьезно смотритъ на свою жизнь, и дѣлаетъ по мѣстамъ глубокія замѣчанія. Она столько же важна подъ старость, сколько была безумно вѣтрена въ свои лучшіе годы: она слушаетъ свое сердце, свои воспоминанія, и вовсе объ этомъ не думая, берется за перо и начинаетъ писать, донскивается тайнаго смысла своей жизни и старается отвѣчать на эту загадку. И послѣ одиннадцати размышленій достойныхъ Сократа, она доходитъ до слѣдующаго двѣнадцатаго: «Чтобы исполнить долгъ, налагаемый на меня разумомъ, чтобы быть въ состояніи судить самое себя, не должно ли восходить къ началамъ всего. Что я? чѣмъ я сдѣлалась? что я могла сдѣлать? Провидѣнію угодно было, чтобы я родилась отъ женщины свободной, бѣдной, слабой и ограниченной. Несчастіе предшествовало у меня рожденію.»

И старая Ипполита Клеронъ, со всею серьезностью Жанъ Жака, принимаетъ въ основаніе это положеніе, начиная разсказывать свою жизнь. Въ разсказѣ ея такъ и дышитъ философія того времени; видно, что она часто бывала на ужинахъ энциклопедистовъ. Слогъ ея напоминаетъ ея игру, она сохраняетъ постоянно торжественный, театральнй тонъ. Въ этихъ странныхъ запискахъ, которыя, вмѣсто того, чтобы описывать, только маскируютъ ее, не найдете вы ни одного слова паивнаго, ни одного слова отъ сердца.

И между тѣмъ, она любила. Въ молодости она гуляла подъ старыми ивами рука объ руку съ своимъ милымъ Дю Рувре,—она, любившая молчаніе лѣсовъ; таинственный шопотъ листьевъ, за чѣмъ она забыла радости сердца и радости природы? Такъ развѣ только можно объяснить это противорѣчіе: сойдя съ театра, она стала заниматься ботаникой и дѣлая природа начала казаться ей системою.

И такъ мы знаемъ уже, какъ родилась мадмуазель Клеронъ; ея мать не только имѣла несчастье быть бѣдна, но была еще въ добавокъ — зла и суевѣрна до бѣшенства. Бѣдная Ипполита, одиннадцати лѣтъ вовсе не знала радостей дѣтства. Это была маленькая Сандрильйона блѣдная, худая, у которой для развлечения были только двѣ книги: катихизисъ и молитвенникъ.

Мадамъ Клеронъ, чтобы избавиться отъ дочери въ извѣстные часы дня, назначенные для визитовъ, заперала ее въ маленькую комнату безъ мебели. Что тамъ дѣлать? Шить — говорила мать. Но Ипполита, которая родилась актрисею, какъ другія родятся горничными, никогда не могла взять иглы въ руки. Въ этой печальной комнатѣ — ей оставалась полная свобода мечтать, но что бы мечтать, нужно имѣть воображеніе, надобно, какъ говорилъ одинъ философъ; видѣть, читать, слышать. Ипполита до сихъ поръ слышала только сказки о мертвецахъ и видѣла только печальный домашній бытъ своей матери. «Что если бы я отворила окно?» сказала она по предчувствію. Она не могла этого сдѣлать: въ отчаяніи она встала на стулъ, и прислонилась лицомъ къ стеклу. Такъ какъ она жила въ четвертомъ этажѣ, она не могла видѣть прохожихъ, потому она смотрѣла на крыши и на сосѣднія окна.

Вдругъ отворяется противъ нея большое окно, волшебный видъ поражаетъ ее послѣпяетъ: тамъ жила знаменитая мадмуазель Данжвиль. Она брала урокъ танцованья, она вся была окружена обаяніемъ природы и молодости. «Я вся перешла въ глаза, я не потеряла изъ виду ни одного ея движенія. Она была окружена своимъ семействомъ. По окончаніи урока, всѣ стали ей аплодировать, а мать — обняла ее. Эта противоположность ея участи съ моею, проникла меня глубокой горестью — слезы не позволили мнѣ ничего болѣе видѣть. Я соскочила со стула, и когда мое сердце успокоившись, позволило мнѣ взойти опять, все уже исчезло....

Она съ начала подумала, что это была мечта. Она начала говорить сама съ собою: она была счастлива и печальна, увидавши, что не вездѣ жизнь проходитъ съ матерью, которая бьетъ свою дочь. Ей еще хотѣлось плакать — но скоро, безсознательно, она начала прыгать, подражая пируетамъ мадмуазель Данжвиль. Она нашла средство веселиться.

Маленькая комната, куда ее заперали, стала для нея теперь раемъ. Она каждый день въ ней запиралась. Какъ только ключъ поворачивался въ замкъ, «я чувствовала — говоритъ она, крылья, которыя меня увлекали, не знаю куда.» Танцуя, она подбѣгала къ окну: она съ наслажденіемъ видѣла развивающуюся грацію мадмуазель Данжвиль: она думала, видѣла въ ней самое себя.

Однажды вечеромъ, когда у матери ея были гости, она наклонилась къ уху человѣка, который любовался ея болтовней, какъ щебетаньемъ птички. «Скажите мнѣ, сударь, есть ли женщины, которыя всю жизнь свою проводятъ въ танцахъ?...» Да — комедіантки, за чѣмъ вы у меня спрашиваете объ этомъ? «она тихонько рассказала ему о томъ, что видѣла въ эти два дня.» Понимаю, сказала гость: «это мадмуазель Данжвиль, которая живетъ напротивъ.» Этотъ человѣкъ оборотился тогда къ г-жѣ Клеронъ: «Сударыня, я сегодня вечеромъ везу Ипполиту въ комедію.» Въ комедію! вскричала мать, «это все равно, если-бы вы хотѣли ее вести въ адъ.» Успокойтесь, сударыня, зло уже сдѣлалось — вы сами показали Ипполитѣ комедію, запирая ее въ сосѣднюю комнату, потому что изъ окна видѣла ренетцію игры мадмуазель Данжвиль.

Едва только этотъ человѣкъ успѣлъ договорить, какъ Ипполита, увлеченная своими воспоминаніями, бросается на средину комнаты и копируетъ мадмуазель Данжвиль: никогда съ такимъ искусствомъ и вѣрностью не было произведено подражаніе. Всѣ были изумлены, сама мать, которая никогда не смѣялась съ своей дочерью, не имѣла силы сохранить свою серьезность. Въ этотъ же вечеръ успѣли убѣдить мать, чтобы завтра она отпустила дочь въ спектакль.

Во французской комедіи увидѣла впервые свѣтъ мадмуазель Клеронъ, какъ она сама рассказываетъ, ибо цѣлый свѣтъ не былъ ли для нея тамъ? Нельзя описать всей ея радости и восхищенія: она боялась сойдти съ ума. Черезъ три недѣли потомъ, эта маленькая дѣвочка, которой не было еще двѣнадцати лѣтъ, дебютировала въ итальянскомъ театрѣ, подъ покровительствомъ Дезе. Но знаменитый Томассенъ, которому нужно было выставить своихъ дочерей, скоро воспротивился успѣху миниатюрной актрисы. И повѣрять ли? Нужна была слишкомъ сильная кабалъ, для того, чтобы удалить ее изъ итальянскаго театра,

гдѣ всѣ любовались ея нѣжной красотой и ея граціей, которая была вмѣстѣ и изучена, и наивна. Она отправилась искать счастья въ другомъ мѣстѣ. «Меня ангажировали въ Руанскую труппу, которой управлялъ Лану, чтобы играть всѣ роли, сообразныя съ моимъ возрастомъ, пѣть и танцовать. Но мнѣ было все равно—я хотѣла только быть въ комедіи.»

Разсказавши этотъ первый періодъ своей жизни, актриса—философка останавливается, и дѣлаетъ размышленіе. «До сихъ поръ, мнѣ себя нечемъ упрекать—я не знаю ничего, я не могла ничего, слѣпо повинаясь року, котораго всю жизнь я была жертвою и избалованнымъ ребенкомъ.» Но понятно уже, что мадмуазель Клеронъ не могла избѣжать заблужденій и увлеченій.

К * * *

Была пора... Въ тебѣ когда-то,
 Какъ и во многихъ былъ готовъ
 Я признавать по духу брата,....
 Еще тогда себя за злато
 Не продалъ ты въ рабы рабовъ,

Еще тогда тоской стремленья,
 Тоскою общюю томимъ,
 Ты не чертилъ... *для примиренья*
 Обычно-глупаго теченья
 Желаньямъ бѣшеннымъ своимъ.

Была пора... но осквернили
 Мы оба праздною враждой
 Свое прошедшее и ты-ли,
 Иль я былъ правъ — мы оба были
 Рабами глупости смѣшной.

И вновь мы встрѣтились оба
 Свела случайно насъ судьба
 Давно ребяческая злоба
 Прошла... но видно ужъ до гроба
 Мы вѣчно будемъ два раба

Боясь узнать одинъ другаго,
Стыдяся взаимной клеветы,
Изъ-за тщеславія пустаго
Одинъ другому руку снова
Не подадимъ — ни я, ни ты.

Юля 20.

А. ТРИГОРЬЕВЪ.

||

АЛБОМЪ-ОБЛИЧИТЕЛЬ.

ОПЕРЕТТА ВЪ ДВУХЪ ДѢЙСТВІЯХЪ.

ПЕРЕДЪЛАННАЯ СЪ ФРАНЦУЗСКАГО

Н. И. КУЛИКОВЫМЪ.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

ПАВЕЛЪ ПАВЛОВИЧЪ САДОВСКІЙ, отставной полковникъ.

МАРЬЯ ПАВЛОВНА, дочь его, воспитанная въ деревнѣ.

ЕВГЕНІЯ НИКОЛАЕВНА БЕЦКАЯ, богатая наследница, подъ опекой у него.

ИВАНЪ МАРТЫНОВИЧЪ КРАПВКНИПЪ, сынъ губернскаго прокурора.

ЕВГЕНІЙ ПЕТРОВИЧЪ ЗОРСКІЙ, офицеръ, возвратившійся съ Кавказа.

ТРИФОНЪ, слуга Садовскаго.

Дѣйствіе происходитъ въ усадьбѣ Садовскаго въ двухъ верстахъ отъ губернскаго города.

ДѢЙСТВІЕ ПЕРВОЕ.

Театръ представляетъ приемную комнату въ деревенскомъ домѣ русскаго помещика, довольно-хорошо убранную, съ тремя дверьми, одна съ срединѣ, ведущая въ садъ, другая—на-право на третьемъ планѣ, и третья—на-лѣво на второмъ планѣ, тамъ-же на третьемъ планѣ окно, на-лѣво-же, близь аван-сцены столъ, кресло и стулья около стѣнъ.

ЯВЛЕНИЕ I.

ЕВГЕНІЯ одна, сидя у стола, рисуетъ; МАШЕНЬКА, входитъ тихо съ правой стороны.

ЕВГЕНІЯ (рисуетъ). Выразительность въ глазахъ.... вотъ такъ... прекрасно....

МАШЕНЬКА (смотря изъ за нее). Какой чудесный портретъ!

ЕВГЕНІЯ. Ахъ!... какъ ты меня испугала!...

МАШЕНЬКА. Женни, душечка, скажи: чей это портретъ?

ЕВГЕНІЯ. Ни чей.... это такъ, — фантазія.

МАШЕНЬКА. Поздравляю.... у тебя вкусъ недурень: какой хорошенькій офицеръ!... Жаль, что это только фантазія....

ЕВГЕНІЯ. Ты хочешь сказать: не худо-бы имѣть такого мужа?

МАШЕНЬКА (любуясь на портретъ). Признаюсь....

Л^о 1.

Вотъ чудное изображеніе!...

ЕВГЕНІА.

А правду надобно сказать,
Не должно-бъ волн намъ давать
Въ альбомахъ и въ воображеньи,
Мужей по вкусу рисовать,
Тутъ можно многимъ рисковать!

МАШЕНЬКА.

Да чѣмъ-же, ты здѣсь рисковала?

ЕВГЕНІА.

Какъ ты неопытна, ма сѣге,
Мечтаемъ мы: мужъ офицеръ,
Насъ выдаютъ за генерала!
Положимъ такъ, и чинъ великъ,
Да всякій генераль старикъ.

МАШЕНЬКА. Чтѣ ни говори, а я завидую твоимъ талантамъ: ты умѣешь рисовать, прекрасно поешь, ловко танцуешь и знаешь нѣсколько иностранныхъ языковъ.... вотъ что значитъ богатство и петербургское воспитаніе! А ты очень-богата, Женни.... вѣдь папенька опекунъ твой, — онъ часто говорилъ мнѣ объ этомъ; а я, дочь бѣднаго полковника, воспитанная въ деревнѣ, какой-то старушкой-пѣмкой, ничего не знаю, просто, деревенская дурочка, не ловкая, застѣнчивая.... похожа я на деревенскую дурочку?

ЕВГЕНІА. То-есть, не то что на дурочку.... а такъ.... За то ты предобрая!... а какъ хорошо вышиваешь по канвѣ, какія варишь варенья... чудо!

МАШЕНЬКА. Сладкое утѣшеніе въ бѣдности!... только съ вареньемъ-то не скоро найдешь мужа....

ЕВГЕНІА. Почему-же?... мало-ли охотниковъ до сладкаго? У меня есть на примѣтѣ одинъ человѣкъ, который любитъ полакомиться.... на-примѣръ, Иванъ Мартыновичъ, сынъ здѣшняго губернскаго прокурора.... А! а!

МАШЕНЬКА. Я знаю, что ты хочешь сказать.... онъ прикидывается влюбленнымъ.... Но такой чудакъ....

ЕВГЕНІЯ. Неправда.... правда, онъ немощко робокъ, молчаливъ — но сильныя страсти всегда таковы.... Вотъ, Освальдъ dans Corinne... Его молчаніе гораздо краснорѣчивѣе самыхъ страстныхъ объясненій.

МАШЕНЬКА. Какая коринна?

ЕВГЕНІЯ. Что?... ты не знаешь?... Скажите, она не знаетъ Corinne par madame de Staël!...

МАШЕНЬКА. Въ первый разъ слышу....

ЕВГЕНІЯ. Ахъ, какая въ деревнѣ-то необразованность!... не весь же день, ты, ma chère, солила грибы и варила варенья.... хоть въ промежуткахъ-то не читала-ли чего-нибудь?

МАШЕНЬКА. «Московскія Вѣдosti», да «Русскаго Инвалида» для удовольствія папеньки, особливо, когда печатали о побѣдахъ на Кавказѣ.

ЕВГЕНІЯ. Ахъ!... какъ-то отличается тамъ мой Евгеній?...

МАШЕНЬКА. Что?

ЕВГЕНІЯ (*спохватившись*). Нѣтъ, я говорю на счетъ романовъ, только они могутъ образовать сердце молодой дѣвушки.

МАШЕНЬКА. Романы.... а ты ихъ много прочла?

ЕВГЕНІЯ. Такъ немощко.... не больше ста....

МАШЕНЬКА. Что?... такъ вамъ въ пансіонѣ позволяли это.

ЕВГЕНІЯ. Какъ-же.... то-есть, мы сами себѣ позволяли — оно и лучше.... Вотъ видишь, ma chère, у насъ была гувернанткой дѣвица лѣтъ 35, немощко нарумяненная, но пречувствительная; она во-время нашихъ классовъ всегда бывало читаетъ, а во-время отдыха и по праздникамъ мы бывало украдемъ у нея романъ; и соберемся въ кружокъ.... Одна изъ старшихъ дѣвицъ, именно, Катенька, сестра Евгенія...

МАШЕНЬКА. Опять Евгенія.

ЕВГЕНІЯ. Надо тебѣ сказать, эта Катенька, мой истинный другъ!.. и какъ она читала: съ чувствомъ, съ толкомъ, съ разстановкой.. голосъ дрожить, сама плачетъ и мы всѣ рыдаемъ!...

МАШЕНЬКА. Тсъ!... папа идетъ!

ЕВГЕНІЯ. И ворчить по обыкновенію.

ЯВЛЕНІЕ II.

ТЪ-ЖЕ, и СЛДОВСКІЙ (*съ письмомъ въ рукахъ*).

СЛДОВСКІЙ (*за сценой*). Я этого желаю, требую.... (*Входя съ правой стороны*). Кой чортъ!... кажется, я хозяинъ у себя!

ЕВГЕНІЯ. Ну, буря!

САДОВСКИЙ. Что?

ЕВГЕНІЯ. Ничего, Павелъ Ивановичъ.... я смотрю на барометръ.

САДОВСКИЙ. Какая-же тамъ буря? онъ напротивъ, показываетъ хорошее время.

ЕВГЕНІЯ. То-есть, великую сушь.... А это близко къ бурѣ.

САДОВСКИЙ (ласковѣ). Ну, ну, ученая, не вывертывайся, понимаю, я въ дурномъ расположеніи духа.... ворчу, кричу... испугалъ васъ — тебя шалунья, и тебя моя дурочка, Машенька.... Что вы прикажете дѣлать? Вотъ письмо отъ нашего губернатора;—онъ хоть и дядя тебѣ, а все обращается съ нами не по родственному, а по губернаторски: «Я желаю, требую... чортъ возьми! Мы еще увидимъ... Безъ моего согласія это дѣло не сдѣлается!» (Успокоясь). Ну, что вы здѣсь подбывали?

МАШЕНЬКА. Это письмо отъ дяденьки?

САДОВСКИЙ. Да, его превосходительство удостоилъ написать ко мнѣ; но онъ не имѣетъ права приказывать: «я этого желаю, требую!... дьявольщина!» Ну, а нечего дѣлать, если ужъ онъ непремѣнно желаетъ.... Маша, вели приготовить комнаты въ павильонѣ.

ЕВГЕНІЯ. Вы ожидаете кого-нибудь?

САДОВСКИЙ. Да!

МАШЕНЬКА. Не дяденьку-ли?

САДОВСКИЙ. Нѣтъ!

ЕВГЕНІЯ (съ-стороны). Коротко и ясно... У! настоящій спарта-нецъ!

ЯВЛЕНИЕ III.

ТЪ-ЖЕ И КРАПИВКИНЪ (съ ружьемъ).

КРАПИВКИНЪ (выглядывая въ среднюю дверь). Можно войти?

САДОВСКИЙ. А! дружище!...

ЕВГЕНІЯ (смотря лукаво на Машу). Гмъ! сынъ губернскаго прокурора!

САДОВСКИЙ. Что за церемоніи, входи; для тебя всегда двери открыты.

КРАПИВКИНЪ (входитъ). Павелъ Ивановичъ, Марья Павловна, Евгения Николаевна, честь имѣю.... уфъ! измучился!

садовскій. Ты опять изъ города пѣшкомъ?

крапивкинъ. По обыкновенію... (*Взъ сторону, смотря на Машу*). Она кажется еще лучше съ-тѣхъ-поръ, какъ я началъ побаваться, удивительная, о, удивительная дѣвушка, Марья Павловна!

садовскій. Ну, здоровъ-ли? Какъ отецъ поживаетъ?

крапивкинъ. Денежки наживаетъ, — а я слава Богу! апетить прекрасный!

евгенія. Какъ идетъ ваша охота, Иванъ Мартыновичъ?

крапивкинъ. Я только убиваю время... (*Евгенія смотритъ сумку*). Видите, больше ничего не убилъ.

машенька. Такъ вы и сегодня не въ должности?

крапивкинъ. Я то въ должности? Должно вамъ сказать, Марья Павловна, что я и не знаю, что такое должность.

садовскій. А знаешь ли, что каждаго дворянина долгъ служить?

крапивкинъ. Знаю, вотъ папенька и служить долго, а я только считаюсь на службѣ.

садовскій. Дурно, братъ, дурно!... Иди по слѣдамъ отца.

ЛѢ 2.

Тебѣ совѣтую по дружбѣ

Служи... и ты свое возьмешь;

Къ военной ты негоденъ службѣ,

Такъ въ штатской далеко уйдешь.

Мы будущность твою предвидимъ,

Взойдетъ величія зоря:

И изъ губернскаго увидимъ,

Коллежскаго секретаря!..

крапивкинъ. Вы все смѣтаетъ Павелъ Павловичъ!

Коль вамъ признаться откровенно,

Я здѣсь у васъ воспитанъ самъ,

Пойду ли въ должность, непременно

Вдругъ за заставу да и къ вамъ.

И на охотѣ за частую

Гонюсь за зайцемъ-ли когда
Онъ въ-сторону, а я въ другую,
Онъ смотритъ въ лѣсъ, а я сюда!....

(Вздыхая, смотритъ на Машу). Это должно быть инстинктъ....
Ахъ, да!.... Скажите пожалуйста, тотъ еще не пріѣхалъ?

САДОВСКИЙ. Кто?

КРАПИВКИНЪ. Который къ вамъ ѣхалъ.

САДОВСКИЙ. Да кто такой?

КРАПИВКИНЪ (смотря на Машу). Ну тотъ, что вчера вечеромъ я встрѣтилъ въ городѣ; я хожу читать Пчелу въ гостинницу для пріѣзжающихъ; мнѣ хозяинъ и говоритъ, что пріѣзжій-то спрашивалъ ближайшую дорогу въ вашу усадьбу, и хотѣлъ сегодня утромъ отправиться къ вамъ. Или я всталъ раньше, или у меня ноги удивительныя.... а вѣдь онъ-то верхомъ.

САДОВСКИЙ. Чортъ тебя пойметъ, братецъ!

КРАПИВКИНЪ. Онъ военный, какъ вы же, носить усы.

ЕВГЕНІЯ (въ-сторону). Военный!

САДОВСКИЙ. И ты ни у кого не спросилъ, объ его имени?

КРАПИВКИНЪ. Позвольте, позвольте.. Я слышалъ, какъ его называли... Имя что-то знакомое;— еще я всю дорогу смѣялся.... такое глупое, точно женское.... Ахъ, да, вообразите! его зовутъ (Евгеніи) какъ васъ: Евгеніемъ! ха, ха, ха!

ЕВГЕНІЯ (въ-сторону). Евгеній!

САДОВСКИЙ. Зорскій?

КРАПИВКИНЪ. Да, да, Зорскій!

ЕВГЕНІЯ (въ-сторону). Это онъ!

САДОВСКИЙ (въ-сторону). Каково!... вслѣдъ за письмомъ! (Маша). Не забудь-же приготовить павильонъ!

ЕВГЕНІЯ (въ-сторону). Боже мой, что со мною дѣлается?

САДОВСКИЙ (въ-сторону). Чортъ возьми!.... Я не ожидалъ Зорскаго такъ скоро!

КРАПИВКИНЪ (въ-сторону, смотря на Машу). Всѣ смутились.... А она спокойна.... это придаетъ мнѣ бодрости.... удивительная, о, удивительная дѣвушка, Марья Павловна!

САДОВСКИЙ. Однако, другъ, послѣ твоего бѣга, у тебя-чай дявольскій аппетитъ? Пойдемъ-ка завтракать.

№ 3.

САДОВСКИЙ И КРАПИВНИЦЪ.

Такъ пойдемте-же скорѣе,
Скоро гость прїѣдетъ къ намъ;
Дождаться веселѣе,
До обѣда будетъ намъ.

ЕВГЕНІЯ И МАШЕНЬКА.

Такъ ступайте-же скорѣе,
Скоро гость прїѣдетъ къ намъ;
Дождаться веселѣе,
До обѣда будетъ вамъ.

КРАПИВНИЦЪ (подходя къ Машѣ).

Марья Павловна, позвольте...

МАШЕНЬКА.

Я покушала ямъ свѣтъ.

КРАПИВНИЦЪ (подстасля руку Евгеніи). Ну такъ...

ЕВГЕНІЯ.

И меня увольте

Не испортить бы обѣдъ

КРАПИВНИЦЪ (въ-сторону). Очень-радъ! (Показывая на Машу).

При ней ни къ бѣду

Не коснусь я ни къ вину,

Пожирать глазами буду

Марью Павловну одну.

КРАПИВКИНЪ И САДОВСКИЙ.

Такъ пойдите-же скорѣ,
Скоро гость прѣдетъ къ намъ
Дождаться веселѣ,
До обѣда будетъ намъ.

ЕВГЕНІЯ И МАШЕНЬКА.

Такъ ступайте-же скорѣ
Скоро гость прѣдетъ къ намъ
Дождаться веселѣ,
До обѣда будетъ вамъ.

(Садовскій и Крапивкинъ уходятъ на-право).

ЯВЛЕНІЕ IV.

ЕВГЕНІЯ И МАШЕНЬКА.

МАШЕНЬКА. Пойду отдать приказаніе....

ЕВГЕНІЯ. Ахъ, Машенька, милая Машенька! Какое удивительное происшествіе!

МАШЕНЬКА. Что ты?

ЕВГЕНІЯ. Это онъ!

МАШЕНЬКА. Онъ?.... кто?....

ЕВГЕНІЯ. И ты не догадываешься? Ну, онъ, чье имя я невольно произнесла нынче утромъ: Евгенийъ... Евгенийъ Петровичъ Зорскій!

МАШЕНЬКА. Такъ вы знакомы?

ЕВГЕНІЯ. Ахъ, ужъ я давно его ожидаю.... Да! узнай-же наконецъ — вѣдь это теперь не секретъ. Евгенийъ, братъ Катеньки, моей пансіонской подружки, онъ теперь съ Кавказа.... не знаю, получилъ-ли крестъ «за храбрость,» — а какія у него чудесныя усы!

МАШЕНЬКА (взвѣз альбомъ). Какъ на портретъ?

ЕВГЕНІЯ. Это я рисовала на память, посмотри, вотъ кто мнѣ нравится, вотъ кого я люблю!

МАШЕНЬКА. А онъ?

ЕВГЕНІЯ. Онъ обожаетъ меня!

Машенька. И признавался самъ?

Евгенія. Нѣтъ.

Машенька. Такъ писалъ къ тебѣ?

Евгенія. Нѣтъ!

Машенька. Да говорилъ-же, когда-нибудь съ тобою?

Евгенія. Нѣтъ, никогда!

Машенька. По-крайней-мѣрѣ, часто видѣлъ тебя?

Евгенія. Не знаю... развѣ въ толпѣ, когда бывалъ на экзаменахъ.

Машенька. Вотъ странная любовь.

Евгенія. Это все устроила Катенька, когда бывало у насъ зайдетъ рѣчь о замужствѣ, — а въ пансіонѣ часто объ этомъ говорятъ... Она мнѣ все хвалила своего брата, описывала прекрасныя качества его души, словомъ: онъ былъ всегда предметомъ нашихъ разговоровъ — и я невольно полюбила его!... Катенька безъ церемоніи предложила мнѣ руку своего брата, я приняла ее — и мы поклялись нашими дѣтьми, если только будутъ у насъ дѣти — породниться такимъ образомъ... и сдержимъ клятву... особливо я!.. О, я чувствую, что не въ силахъ измѣнить ей... нѣтъ, ни за что!.. Потомъ, когда мы разстались съ ней, она раньше вышла изъ пансіона; у насъ началась переписка, гдѣ она уведомляла меня, что поминутно говоритъ обо мнѣ своему брату, описываетъ ему мое лицо, ростъ, фигуру, все, все, до малѣйшей подробности... Ахъ, не смотри, та сѣге, чувствую, что я покраснѣла... Потомъ, когда онъ отправлялся на Кавказъ, то сказалъ Катенькѣ, что по возвращеніи, за честь почитать принять ее предложеніе — и вотъ онъ пріѣхалъ!..

Машенька. Понимаю, — онъ пріѣхалъ свататься?

Евгенія. Само собою разумѣется.

Машенька. Вотъ ужъ настоящій-то романъ?

ЕВГЕНІЯ.

№ 4.

Два года ждать мечтала и любя

Тутъ дѣвушка ни чьи не мила маски...

Она твердитъ невольно про-себя;

Ахъ!.. скоро-ль до развязки?

Все ждешь, грустишь, на сердце как свинецъ

И жизнь тогда безмысленна, какъ сказка...

Вдругъ слышишь вѣсть: онъ ѣдетъ наконецъ

Ахъ!.. скоро и развязка!..

Боже!.. что я слышу?..

Машенька (*идя къ окну*). Кто-то скачетъ во весь галопъ, и прямо къ намъ... офицеръ... Вотъ и развязка!

Евгенія (*у окна-эсе*). Это онъ!.. Я его узнаю... Евгений!.. Ахъ! поддержи меня!

Машенька (*поддерживая и ведя къ углу на-льво*). Да, ну... что такое?.. войди въ себя.

Евгенія. Еслибъ ты знала, что со мною дѣлается... Я дрожу... это испугъ...

Машенька. Полно, — это даже глупо; итъ, со мной-бы этого не сдѣлалось.

Евгенія. Ребенокъ!.. ты счастлива, ты не знаешь, что такое буря сердца!..

ЯВЛЕНИЕ V.

ТЪ ЖЕ И САДОВСКИЙ.

Садовскій (*за кулисами*). Эй! скорѣй, скорѣй! отворите рѣшетку! (*входя*). Ахъ, Машенька, дитя мое, нашъ гость въѣзжаетъ на дворъ.

Машенька. Я сейчасъ, папа, бѣгу осмотрѣть павильонъ... (*Тихо Евгению*). По настоящему, это твое бы дѣло.

Садовскій. Какъ?.. Павильонъ еще не готовъ?.. Не стыдно-ли?..

Машенька. Виновата... я сейчасъ!.. (*Уходитъ на-льво*).

Евгенія (*идя на-право*). И я иду...

Садовскій. А ты куда?

Евгенія. Переодѣть, — я въ одну минуту буду готова.

Садовскій. Къ чему... да ты прекрасно одѣта; вотъ Машенькѣ-бы точно не мѣшало по-принарядиться; а ты сдѣлаешь мнѣ большое одолженье, если останешься.

Евгенія (*съ удивленіемъ*). Я вамъ сдѣлаю одолженіе, если останусь?

САДОВСКИЙ. Да, ты поможешь мнѣ принять гостя.
 ЕВГЕНІЯ (*еще больше удивляясь*). Я должна принять его? (*Въ-сторону*). Ну, прилично-ли это? (*Опираясь на кресло, что направо*). А! вотъ и онъ!

ЯВЛЕНІЕ VI.

ТЪ-ЖЕ И ЗОРСКИЙ.

ЗОРСКИЙ. Конечно, я имѣю честь говорить съ Павломъ Ивановичемъ Садовскимъ?

САДОВСКИЙ. Точно такъ; а вы Евгений Петровичъ Зорскій?

ЗОРСКИЙ. Честь имѣю рекомендоваться. Извините, что вошелъ безъ доклада, — я встрѣтилъ только одного человѣка, который взялъ мою лошадь.

САДОВСКИЙ. Помилуйте, что за доклады? у насъ въ деревнѣ безъ церемоніи, да мы и ожидали васъ.

ЕВГЕНІЯ (*въ-сторону*). Боюсь взглянуть на него.

ЗОРСКИЙ. Я знаю, Его Превосходительство благодѣтель мой, былъ такъ добръ (*замытля Евгению, которая опустилъ глаза, на его поклонъ приспадаетъ*). Это дочка ваша?

САДОВСКИЙ. Нѣтъ, подруга ея, у меня подъ опекой; а дочь моя, пошла отдать кой-какія приказанія.

ЗОРСКИЙ. Я горю нетерпѣніемъ познакомиться съ нею.

ЕВГЕНІЯ (*въ-сторону*). Онъ ничего не смутился.

САДОВСКИЙ. Ну, что, Его Превосходительство, какъ поживаетъ? Повѣрите-ли, хоть мы и родственники, а очень рѣдко видимся... Губернаторъ!

ЗОРСКИЙ. Возвратясь съ Кавказа, я прожилъ у него только два дня; въ это время, онъ рѣшился устроить мою судьбу и послалъ къ вамъ.

САДОВСКИЙ. Скоро, по Губернаторски!.. такъ вы съ Кавказа? ну что?... какъ? а? хорошо?... по молодецки!... Каковъ Главнокомандующій?

ЗОРСКИЙ. Не мнѣ хвалить его.

№ 5.

Судьба избрала человѣка:

Одъ съ юныхъ лѣтъ Кавказъ узналъ!

И Цициановъ за полвѣка
Его Монархамъ указалъ,
Избранья своего достойнъ,
Отчизнѣ посвятивъ свой вѣкъ,
Онъ заслуженный, храбрый воинъ
И самый добрый человекъ.

садовскій. Ахъ, ка-бы не дочь, право, на старости пошелъ-бы бить черкесовъ!.. однако я провожу васъ въ вашу комнату; съ дороги отдохните, погуляйте по саду, закусите, до обѣда еще не скоро.

зорскій. Пойдемте, если вамъ угодно... (*Евгеній, кланяясь*). Честь имѣю кланяться (*Садовскому*). Прехорошенькая барышня, садовскій (*тихо ему*). Гмъ! да, не дурна, но прероманическая головка.

зорскій (*также*). Жаль! я не люблю такихъ (*въ сторону уходя*). Въ родѣ моей сестрицы! (*Уходятъ на-льво*).

ЯВЛЕНИЕ VII.

ЕВГЕНІЯ (*одна*).

Евгенія. Ахъ! все еще бьется сердце! Но ужъ какой онъ притворщикъ—чудо! умѣетъ владѣть собой... военный! Уходя, онъ что-то говорилъ обо мнѣ и смотрѣлъ на меня такими глазами—гм! а какъ онъ хорошъ, — очень, очень: даже больше прежняго мнѣ нравится. Вотъ чего только я не понимаю, — зачѣмъ тутъ вмѣшался нашъ Губернаторъ? почему онъ знаетъ Евгенія? и опекунъ мой у нихъ въ довѣренности... непонятно!.. но, что до этого?.. Евгеній здѣсь; онъ явился напомянуть мнѣ о моихъ клятвахъ... О! я ужъ вѣрно не измѣню имъ!

ЯВЛЕНИЕ VIII.

ЕВГЕНІЯ И КРАПИВКИЦЪ.

КРАПИВКИЦЪ. Ну-съ, Евгенія Николаевна, я пришелъ проститься съ вами.

ЕВГЕНІЯ. Вы уѣзжаете?

КРАПИВКІНЪ. Да, то есть ухожу!.. Вы замѣтили этого офицера?

ЕВГЕНІЯ. Еще какъ замѣтила-то!

КРАПИВКІНЪ. Не правда-ли, не хорошъ.

ЕВГЕНІЯ. Что, что вы сказали?

КРАПИВКІНЪ. Я сказалъ! не правда-ли, не хорошъ, фигура не фигурная, глаза на выкатъ, такіе звѣрскіе, а усищи... тьфу, терпѣть не могу усовъ! нѣтъ, я никогда не стану ихъ носить!

ЕВГЕНІЯ. Еще-бы Губернскій секретарь въ усахъ. Но вы шутите, онъ хорошенькій, прехорошенькій!

КРАПИВКІНЪ. Напротивъ, пресквернѣйшій.

ЕВГЕНІЯ. Почему-же?

КРАПИВКІНЪ. Потому, потому.... что я его не люблю.

ЕВГЕНІЯ. Отъ чего-же?

КРАПИВКІНЪ. Отъ того, отъ того... ну, да отъ того, что я его не люблю!.. кажется ясно, отъ-того, что я его не люблю!..

ЕВГЕНІЯ. А я его лю... *(спохватясь)*. Вы престранный человекъ!

КРАПИВКІНЪ. О! я увѣренъ, что всѣ находятъ его прекраснымъ... Вы, Марья Павловна, Павелъ Ивановичъ.. Ну, Павелъ Ивановичъ, разница, я объ немъ не говорю, потому что, одинъ военный, другой военный, это два военныхъ... да это не резонъ, чтобы отдать за него дочь свою!

ЕВГЕНІЯ. Что вы сказали?

КРАПИВКІНЪ. Я сказалъ: да это не резонъ, чтобы отдать за него дочь свою, что съ вами... или вы плохо слышите?

ЕВГЕНІЯ. Какую дочь.

КРАПИВКІНЪ. Марью-то Павловну.

ЕВГЕНІЯ. Да за кого?

КРАПИВКІНЪ. За этого дикаго горца, пріѣхавшаго съ Кавказа!... *(въ-стор.)* Она кажется глуха немножко?...

ЕВГЕНІЯ *(съ маленькой досадою)*. Послушайте, Ивашъ Мартынычъ! что вы хотите этимъ сказать? Павелъ Иванычъ выдастъ за мужъ Машеньку?...

КРАПИВКІНЪ. Ну, да!

ЕВГЕНІЯ. За пріѣзжаго офицера?

КРАПИВКІНЪ. Да, да... а все это дяденька Марья Павловны, Его Превосходительство, Губернаторъ, хочеть устроить ихъ свадьбу! я васъ спрашиваю, не стыдно ли ему тутъ мѣшаться; начальникъ губерніи, этакой заслуженный генералъ, пошелъ въ свахи... стыдно ему, стыдно!

ЕВГЕНІЯ (*съ большой досадой*). Подите прочь, вы сумашедшіи!.. этого быть не может! (*съ сторону*) Евгеній!.. который клялся своей сестрѣ, не любить никого, кромѣ... ахъ! я задыхаюсь!

КРАПИВКІНЪ. Евгенія Николаевна, что съ вами? какъ вы измѣнились?...

ЕВГЕНІЯ. Ничего... мнѣ странно: они его не знали... никогда не видали.

КРАПИВКІНЪ. Они ничего не разбираютъ! Вотъ я-бы не отдалъ за него свою дочь, если-бы была.

ЕВГЕНІЯ. Эта свадьба не состоится, она не можетъ состояться... есть препятствія...

КРАПИВКІНЪ. Какое? какое?

ЕВГЕНІЯ. Имянно вы!.. да, да... вы такой добрый, прекрасный молодой человекъ и такъ любите Машеньку,— да, да, вы ее любите, это замѣтно... вѣдь какъ вы похудѣли-то, ужасъ!..

КРАПИВКІНЪ (*съ откровенностью*). Все платье широко!

ЕВГЕНІЯ. Вы ее любите — это ясно! и она...

КРАПИВКІНЪ. Вотъ она-то, не знаю; я ей и виду не подавалъ, заикнуться не смѣлъ о любви.

ЕВГЕНІЯ. Отъ чего же?

КРАПИВКІНЪ. Папеньки боюсь.

ЕВГЕНІЯ. Павла Ивапыча?

КРАПИВКІНЪ. Моего папеньки, Мартына Мартыныча, прокурора-то; вѣдь онъ престогаіи, воспитывалъ меня въ страхѣ Божіемъ и требуетъ, чтобы я женился на богатой — у него такой предразсудокъ!..

ЕВГЕНІЯ. Но онъ самъ богатъ.

КРАПИВКІНЪ (*подмигивая*). Между нами будь сказано: понаслужился таки... а какъ видать, что я могу только состоять на службѣ, а нажитья не въ состояніи, то и хочется, чтобы я тоже взялъ хоть съ жены контрибуцію!.. Марья Павловна бѣдна, и я не смѣю ему сказать про любовь мою: молчу и таю!

ЕВГЕНІЯ. Вы благородный человекъ! по не должно терять надежды, отъ чего-же не попробовать счастья?.. И неужели вы позволите этому офицеру здѣсь, при васъ объясняться съ Машенькой?

КРАПИВКІНЪ. Здѣсь?.. при мнѣ?.. нѣтъ! не позволю! я сейчасъ уйду отсюда! (*дѣлаетъ движеніе*).

ЕВГЕНІЯ (*удерживая*). Напротивъ, вы должны остаться и сами объясниться съ нею!

КРАПИВКІНЪ. Мнѣ объясниться?..

ЕВГЕНІЯ. Не теряя ни минуты.

КРАПИВКИНЪ. Струшу, струшу!.. О! Я себя знаю.. только по-дойду къ ней, языкъ въ небо, а душа—въ пятки.. (*вздвонувъ*) Ухъ! подумать страшно!

ЕВГЕНІЯ. Не бойтесь, я буду подлѣ васъ; а сначала при-готовлю ее....

КРАПИВКИНЪ. Ахъ, Евгенія Николаевна, какъ вы добры! я-бы самъ желалъ услужить вамъ.

ЕВГЕНІЯ. Вы это можете; вы женитесь на Машенькѣ, которую я такъ люблю!.. и сдѣлаете ее счастливою... не правда-ли?

КРАПИВКИНЪ. Охъ, правда, правда! непременно сдѣлаю ее счастливою, даже черезъ-чуръ счастливою... такую сдѣлаю счаст-ливою, что... то есть... Ну, да вы не поймете, потому что вы дѣвушка!

ЕВГЕНІЯ. О, я вамъ вѣрю, вѣрю!... и такъ все устроится, всѣ будутъ довольны и вы оба женитесь.

КРАПИВКИНЪ. Какъ оба?. на одной-то?

ЕВГЕНІЯ. Ахъ, что я... то есть, васъ обвиняютъ съ Машенькой; а! это онъ!

КРАПИВКИНЪ. Онъ? кто? а! (*хочетъ уйти*).

ЕВГЕНІЯ (*удерживая*). Оставайтесь!.. будьте тверды, а то онъ подумаетъ, что вы его боитесь!

КРАПИВКИНЪ (*становясь въ смѣлую позицію*). Гм! Гмъ!

ЯВЛЕНІЕ IX.

ТЪ-ЖЕ И ЗОРСКІЙ

ЗОРСКІЙ (*Крапивкину*). Помилуйте — послѣ нашей встрѣчи въ городѣ, я радовался, что нашелъ васъ и здѣсь, — а теперь го-ворять, что вы ѣдете, не я ли причиною такого поспѣшнаго отъѣзда?

ЕВГЕНІЯ (*толкая Крапивкина*). Нѣтъ, они остаются.

КРАПИВКИНЪ. Да, они остаются... то есть, я остаюсь.

ЗОРСКІЙ. Очень радъ, очень радъ!

КРАПИВКИНЪ (*тихо Евгеніи*). Что хотите говорите, а у него видъ пренасмѣшливый, видѣть его не могу, — я уйду (*громко Зорскому*). Я остаюсь!..

ЕВГЕНІЯ (*тихо ему*). Хорошо! хорошо! (*въ сторону*). Какъ-бы мнѣ поговорить съ Машенькой.

КРАВИКНИЖЪ (*Зорскому, уходя*). Я остаюсь! (*уходитъ на-право*).

ЯВЛЕНИЕ X.

ЕВГЕНІЯ И ЗОРСКІЙ.

ЗОРСКІЙ. Какой чудакъ! (*въ сторону*) Впрочемъ, онъ хорошо сдѣлалъ, что оставилъ меня съ этой малюткой.

ЕВГЕНІЯ (*въ сторону*). Боже мой! если это только хитрость, чтобъ узнать меня покороче... очень можетъ быть! какъ въ романахъ!

ЗОРСКІЙ. Очень радъ, что этотъ сердитый господинъ, уступилъ мнѣ свое мѣсто; я могу немножко побесѣдовать съ вами.

ЕВГЕНІЯ. Объ Марьѣ Павловнѣ?

ЗОРСКІЙ (*въ сторону*). Она все знаетъ (*ей*). Да, положимъ, что объ ней, хотя вы и сами такъ хороши.

ЕВГЕНІЯ. Помилуйте! (*въ сторону*) О! если онъ находитъ меня хорошенькой, еще не все потеряно.

ЗОРСКІЙ. Какъ самая близкая подруга, дочери вашего опекуна, вы знаете ее характеръ, умъ.

ЕВГЕНІЯ. О, она имѣетъ всѣ качества, чтобъ сдѣлать счастье...

ЗОРСКІЙ. Мужа?

ЕВГЕНІЯ (*сконфузясь*). Мужа! О, да, правда, я забыла... Мнѣ говорили, что вы пріѣхали жениться на ней — но я не вѣрю.

ЗОРСКІЙ. Почему-же? Это очень просто, — при томъ-же дядя ея, который любитъ меня какъ сына, непременно хочетъ этой свадьбы, и вотъ почему...

ЕВГЕНІЯ (*съ укоризной*). Повимаю... дядюшка хочетъ... Это разница... Марья Павловна васъ не знаетъ, вы ее никогда не видали, — но что нужды, если богатый дядюшка, губернаторъ этого хочетъ!...

ЗОРСКІЙ. Послушайте... (*въ-сторону*) Эта дѣвочка конфузить меня.

ЕВГЕНІЯ. И вы изъ угожденія такому благодѣтелю, жертвуете собою?

ЗОРСКІЙ. Я жертвую? помилуйте; то, что мнѣ всѣ говорили

объ этой дѣвицѣ, даже вы сами сейчасъ, — все заставляеть меня радоваться этому браку.

ЕВГЕНІЯ (*съ смущеніемъ*). Да, конечно... если вы свободны, если у васъ нѣтъ другаго обязательства?...

ЗОРСКІЙ. Никакого.

ЕВГЕНІЯ. Никакого!... (*Онъ смотритъ на нее, она потупляетъ глаза*).

ЗОРСКІЙ. Никакого — и если я не противенъ буду Марьѣ Павловнѣ, то черезъ недѣлю женюсь на ней и увезу въ Петербургъ,

ЕВГЕНІЯ. Вѣроятно, тамъ у васъ есть родныя, матушка?... сестрица?...

ЗОРСКІЙ. Да, есть сестра, прероманическая голова!

ЕВГЕНІЯ (*совершенно потерянная*). Вы кажется не корыстолюбивы... это дѣлаетъ вамъ честь... у Марьи Павловны нѣтъ никакого приданого...

ЗОРСКІЙ. Напротивъ, Его Превосходительство даетъ за своей племянницей 60 тысячъ.

ЕВГЕНІЯ. Неужели? о, какъ я рада... за нее... (*съ стороны*). А бѣдный Иванъ Мартынычъ, не смѣлъ свататься за бѣдную... О! теперь большая разница!

ЗОРСКІЙ. Все идетъ какъ нельзя лучше: но я до сихъ поръ не познакомился съ невѣстою... Послушайте, я вижу, вы принимаете большое участіе въ судьбѣ Марьи Павловны, будьте такъ добры, замолвите ей словечко въ мою пользу, — я увѣренъ, что вы не откажетесь мнѣ помочь?

ЕВГЕНІЯ. Я?

№ 6.

ЗОРСКІЙ.

Послушайте, вѣдь въ этомъ нѣтъ грѣха.

Вы съ ней друзья, — росли быть можетъ вмѣстѣ.

ЕВГЕНІЯ (*съ стороны*).

Ахъ! я ждала его какъ жениха,

А онъ твердитъ мнѣ о другой невѣстѣ.

зорскій. А когда и вамъ придетъ время выходить за мужъ, чрезъ нѣсколько годковъ, вѣдь вы еще молоды, — за счастье почту быть вамъ полезнымъ.

Евгенія. Г. Зорскій!

ЗОРСКІЙ.

№ (музыка та же)

Вы это мнѣ позволите... къ томужъ

Грѣха въ томъ нѣтъ, коль другъ за васъ хлопочеть!...

ЕВГЕНІЯ (въ сторону, почти со слезами).

Я думала: онъ самъ мой будетъ мужъ,

А онъ искать другаго мужа хочетъ!...

зорскій (смотря за кулисы). А! вотъ и она идетъ сюда! Извините, мнѣ-бы хотѣлось теперь съ ней познакомиться и поговорить.

ЕВГЕНІЯ (въ сторону). Ай! онъ объяснится прежде бѣднаго Крапивкина!

зорскій (значительно). Да мнѣ непременно должно съ ней говорить на-единѣ... понимаете — на-единѣ! (въ сторону). Неужели она не уйдетъ?

ЕВГЕНІЯ. Понимаю, понимаю... (въ сторону). Только ни за что не уйду.

ЯВЛЕНИЕ XI.

ЕВГЕНІЯ, МАШЕНЬКА, ЗОРСКІЙ.

Машенька (входя съ правой стороны). Женни! Женни! ты не видала папеньку? ахъ! извините, сударь!

зорскій (поклонясь въ сторону). Она очень не дурна!

ЕВГЕНІЯ. Ты ищешь Павла Ивановича? онъ въ саду, ступай туда.

ФИНАЛЬ.

№ 7.

ЗОРСКІЙ (*удерживая Машу*).

Я Марья Павловна, съ утра
 Васъ видѣть чести добиваюсь;
 Вотъ съ вами наконецъ встрѣчаюсь,
 Намъ познакомиться пора...
 Я счастливъ....

(*Машенька присѣдая, смотритъ на Евгенію,
 которая съѣла въ кресло на льво и оста-
 навливается*).

МАШЕНЬКА (*тихо Евгенію*).

Ты съ нимъ объяснилась?

Ну, какъшла теперь его?

ЗОРСКІЙ (*въ сторону*).

Прощу, какъ та расположилась!

ЕВГЕНІЯ (*въ сторону*).

Она не знаетъ ничего.

ЗОРСКІЙ (*Машу*).

Я счастливъ — и могу признаться,
 Что чувства... (*въ сторону*). Чортъ возьми! въ троѣмъ.
 Въ любви не ловко объясняться.

ЕВГЕНІЯ (*въ сторону*).

Скажу ей послѣ обо всемъ...
 Но надо постараться,

Кому изъ насъ остаться
 Придется съ ней вдвоємъ?
 (Зорскій дѣлаетъ знакъ Евгени, чтобы она вышла,
 та отворачиваетъ голову).

МАШЕНЬКА (въ сторону).

Да что у нихъ тутъ происходитъ?
 Понять нельзя!

ЗОРСКІЙ (Машь).

И такъ скажу,
 Я счастливъ, чувства... (въ сторону). Не уходите!
 Вѣдь какъ глупа

ЕВГЕНІА (въ сторону).

Не уйду
 Я посижу
 И погожу
 И докажу

Что я его пересяжу!

МАШЕНЬКА (въ сторону)

Что будетъ дальше погляжу

ЗОРСКІЙ (съ сторону).

Я изъ терпѣнья выхожу!

(Машь). Счастливъ я — но все не смѣло,
 Чувства...

ЕВГЕНІА (быстро вставая).

Душечка, Marie!
 Ты папа найти хотѣла,

вмѣстѣ.

Вѣрно важное есть дѣло?

Чтожъ такое, говори?

МАШЕНЬКА.

Нѣтъ, я такъ.... на счетъ объѣда

ЗОРСКІЙ (Машь).

Мой пріѣздъ...

ЕВГЕНІЯ (Машь).

Чтожъ ты, ступай!

(Въ сторону). Мы увидимъ, чья побѣда!

ЗОРСКІЙ (Евгении съ сердцемъ).

Но послушайте...

ЕВГЕНІЯ (ему съ укоризной).

Ай! ай!

Вѣдь какіе вы мужчины,

Вамъ въ хозяйствѣ дѣла нѣтъ.

ЗОРСКІЙ (Машь).

Еслибъ знали вы причины.

ЕВГЕНІЯ.

Всѣхъ причинъ важнѣй — объѣдъ!

(Смотря въ окно).

Вотъ папа!

МАШЕНЬКА (смотря туда-зсе).

Гдѣ? Гдѣ?

ЕВГЕНІЯ.

Въ аллеѣ, оставъ жъ-ва
Повернулъ къ большому пню...

МАШЕНЬКА.

Побѣгу-же поскорѣе!

ЕВГЕНІЯ.

Не догонишь...

МАШЕНЬКА (*хочетъ идти*).

Догоню...

ЕВГЕНІЯ (*удерживая ее*).

Евгеній Петровичъ, просить васъ, позвольте
Сыскать намъ папашу, онъ близко въ саду.

ЗОРСКІЙ (*въ-сторону*).

Она меня, просто, вонъ гонитъ! (*Вслухъ*). Извольте!
Я Павла Иваныча къ вамъ приведу.

МАШЕНЬКА (*присѣдая*).

Меня вы простите...

ЕВГЕНІЯ (*присѣдая*).

Вы насъ извините...

ЗОРСКИЙ (въ-сторону).

Она-жъ надо мною смѣется, змѣя!

ЕВГЕНІЯ (тихо Машь, показывая на дверь).

Тамъ, душечка, Маша!
На-лѣво папаша.
Ступай, и все послѣ скажу тебѣ я.

ЗОРСКИЙ (у среднихъ дверей).

Въ какой онъ аллеѣ?

ЕВГЕНІЯ.

На-право туда...
Потомъ, полѣвѣ, —
Тамъ подлѣ пруда,
Есть дубъ и скамейка.

МАШЕНЬКА (тихо ей).

Да что ты, злодѣйка.

ЕВГЕНІЯ (также).

Пускай, не бѣда..

МАШЕНЬКА.

За что-жъ онъ напрасно
Обыщетъ весь садъ?
Задамъ я прекрасный
Ему променады!...

ЕВГЕНІЯ.

Пускай онъ напрасно
Обыщетъ весь садъ,
Вотъ будетъ прекрасный
Ему променадь.

МАШЕНЬКА.

За что-жь онъ напрасно
Обыщетъ весь садъ?
Вотъ будетъ прекрасный
Ему променадь.

Зорскій (въ-сторону).

Пойду я несчастный
Обыскивать садъ. (Имъ кланяясь).
Извольте, всечасно
Служить я вамъ радъ.

(Зорскій идетъ въ среднія двери, Маша на
право, Евгенія на-лѣво).

ДѢЙСТВІЕ ВТОРОЕ.

Декорація перваго дѣйствія.

ЯВЛЕНІЕ I.

ЕВГЕНІЯ *съ правой стороны*, МАШЕНЬКА *съ лъвой стороны*.

ЕВГЕНІЯ (*идя къ ней*). А! Машенька, другъ мой! ну, что вы потолковали съ папашей?

МАШЕНЬКА. Все хлопотали объ обѣдѣ. Скажи-же мнѣ пожалуйста, что значитъ твое обхожденіе съ Евгеніемъ Петровичемъ?

ЕВГЕНІЯ. Это такъ; а тебѣ ничего не говорилъ Павелъ Ивановичъ?

МАШЕНЬКА. Онъ спрашивалъ, познакомились-ли я съ гостемъ?

ЕВГЕНІЯ. Ну?

МАШЕНЬКА. Я сказала — да, — но мнѣ такъ сдѣлалось стыдно, какъ я вспомнила о твоихъ проказахъ... Въ-самомъ-дѣлѣ, Женни, для чего ты его прогнала? Онъ бѣдненькій, вѣрно, все ищетъ папеньку!

ЕВГЕНІЯ. А что еще говорилъ съ тобой папа?

МАШЕНЬКА. Все объ обѣдѣ; какое блюдо прежде подать... Ахъ, да... еще спрашивалъ, нравится-ли мнѣ Евгеній Петровичъ?

ЕВГЕНІЯ. Ну?

МАШЕНЬКА. Ну, я сказала, нравится, — въ-самомъ-дѣлѣ, вѣдь

я здѣсь никогда не видала такого ловкаго, хорошенькаго офицера.

ЕВГЕНІЯ. Ну, что-жь потомъ?

МАШЕНЬКА. Что?

ЕВГЕНІЯ. Папаша-то?

МАШЕНЬКА. Самъ пошелъ въ погребъ, достать какое-то завѣтное вино.

ЕВГЕНІЯ. И ничего еще не говорилъ съ тобой?

МАШЕНЬКА. Ничего.

ЕВГЕНІЯ (*съ-стороны*). Слава Богу!

МАШЕНЬКА. Да что-жь ты мнѣ ничего не рассказываешь о своемъ женихѣ; о чемъ вы говорили, онъ признавался въ любви? просилъ у тебя руки? скоро свадьба?

ЕВГЕНІЯ. Оставь это.

МАШЕНЬКА. А какой онъ хорошенькій!... и какъ похожъ на портретъ!... (*Подходитъ къ столу, и беретъ альбомъ*). Надо очень любить, чтобъ такъ живо помнить все черты лица!...

ЕВГЕНІЯ (*отводя ее отъ стола*). Да брось это; къ намъ каждый день ходитъ человекъ, гораздо лучше его.

МАШЕНЬКА (*сконфузясь немного*). Кто это?

ЕВГЕНІЯ (*грозя ей*). Будто не знаешь, плутовка!... молоденькій, хорошенькій, — конечно не военный.

МАШЕНЬКА. Иванъ Мартынычъ.

ЕВГЕНІЯ. А! сама назвала его!... нечего краснѣть.... ты любишь его, — признайся: вы другъ-друга любите.... Это ясно!

МАШЕНЬКА. Ахъ! какъ ты рѣшительно говоришь объ этомъ! Во-первыхъ, онъ самъ мнѣ ни слова не сказалъ о любви....

ЕВГЕНІЯ. Отъ робости, — онъ очень-робокъ, а это признакъ благороднаго и чувствительнаго сердца.

МАШЕНЬКА. Онъ даже вида не показывалъ, что любить меня.

ЕВГЕНІЯ. Не правда, не правда; его смущеніе, безпокойство.... замѣтила?... а взгляды? какъ онъ изъ-подлюбя на тебя поглядываетъ. (*Представляетъ*). Вотъ такъ.

МАШЕНЬКА (*увлекаясь*). Да, это я замѣтила.

ЕВГЕНІЯ. Вотъ видишь — значить, ты и сама на него поглядывала; это и естественно! онъ очень-недурень, у него пресечастливая фізіономія.... а притомъ, онъ сынъ губернскаго прокурора, и самъ ужъ губернской секретарь! Долго-ли попасть въ статсъ-секретари?... И хорошо, что онъ не военный, военные непостоянны, а онъ и по службѣ долженъ быть тебѣ вѣренъ... Да, у тебя будетъ мужъ присяжный и безсмѣнный!

Машенька. Мужъ!... ты съ-ума сошла...

Евгенія. Но если ты его любишь... О! говори, говори... между дѣвушками, въ этомъ должна быть откровенность.

Машенька. Конечно... Иванъ Мартынычъ... и когда въ свѣтѣ воспитываешься... оно возможно, далѣе... но все таки я выйду за того, кого назначить папенька; онъ ужъ и намекнулъ, что дяденька думаетъ о моемъ замужствѣ.

Евгенія. И ты-бы повиновалась Губернатору?

Машенька. А какъ-же.

Евгенія. Вотъ оно деревенское-то воспитаніе! Нѣтъ, я не только Губернатора, всю губернію заставила-бы мнѣ повиноваться.

Машенька (*подбѣгая къ окну*). А!... вонъ и гость нашъ... онъ все еще въ саду...

Евгенія (*входящему Крапивкину*). Вотъ и вы наконецъ! Э! да идите-же!

ЯВЛЕНИЕ II.

Машенька у окна, Евгенія и Крапивкинъ.

Крапивкинъ. Нѣтъ, Евгенія Николаевна, это выше силъ моихъ... Я ѣду!.. (*Увидя Машу*). Ахъ!

Евгенія (*тихо ему*). Тсъ! Вашъ батюшка не будетъ противиться, маменька имѣетъ приданое чудесное, отъ дяди своего, Губернатора...

Крапивкинъ (*также*). Не для меня, не для меня, — это мнѣ все равно!...

Машенька (*смотря въ окно*). Право, онъ очень-милъ!

Крапивкинъ. Чего-съ?... она сказала: право онъ очень-милъ! а я здѣсь одинъ... стало быть — я милъ?...

Евгенія. Вы очень-милы... мы сейчасъ съ ней объ этомъ говорили... Ну, смѣлѣе... Признаніе въ любви.

Крапивкинъ. Я!...

Машенька (*отходя отъ окна*). Неужели онъ все ищетъ папеньку... (*Увидя Крапивкина*). Ахъ!

Евгенія (*тихо ему*). Начинайте!

Крапивкинъ (*въ-сторону, показывая на сердце*). О! какъ у

меня тутъ бьется!.. (Вслухъ). Машенька... Марья Павловна!... онъ... то есть... то есть... когда онъ изволилъ прїѣхать, я хотѣлъ уѣхать.

МАШЕНЬКА. Что вы?

ЕВГЕНІЯ (толкая его). Что вы?

КРАПИВКИНЪ А что вы! (Въ-сторону). Я долженъ быть ужасно красенъ! (Вслухъ). Но ужъ теперь я не хочу ѣхать... то есть, это зависить отъ васъ. (Смотритъ на Евгенію, которая дѣлаетъ ему ободрительные знаки).

МАШЕНЬКА. Отъ меня?

КРАПИВКИНЪ. Отъ васъ... Евгенія Николаевна вамъ говорила... вѣдь вы говорили... теперь вы знаете все!...

МАШЕНЬКА (стыдливо). Что я знаю?... Иванъ Мартынычъ... (съ упрямомъ). А! Женни!

ЕВГЕНІЯ. Ну, да! я ему говорила... то, что тебѣ-то говорила... то есть... о чемъ мы говорили (Тихо ему). Да ну-же смѣлѣе.

КРАПИВКИНЪ. Да ну-же смѣлѣе!.. (Спохватясь). Охъ, я не то хотѣлъ сказать... вотъ видите... я-бы давно вамъ открылъ... (Показываетъ на сердце). Но батюшка мой, къ несчастію любить денежки... а теперь онъ будетъ счастливъ... и я могу открыть мое сердце, когда такое прекрасное приданое... (тихо Евгенію). А сколько приданого?

ЕВГЕНІЯ. Ай!

МАШЕНЬКА. Что такое?

ЕВГЕНІЯ. Какъ это глупо?

КРАПИВКИНЪ (повторяя Машъ). Какъ это глупо! (Смотритъ на Евгенію, которая дѣлаетъ ему знаки). Тьфу!.. то есть, нѣтъ больше препятствій! Я надѣюсь; и если вы меня любите, то.. (Смотритъ на Евгенію).

ЕВГЕНІЯ (тихо ему). Хорошо, хорошо, продолжайте!

КРАПИВКИНЪ (Машъ). Хорошо, хорошо, продолжайте!

ЕВГЕНІЯ (дѣлаетъ видъ, что подсказываетъ ему все остальное).

Говорите прямо: я васъ люблю!

КРАПИВКИНЪ. Говорите прямо: я васъ люблю... а я васъ люблю... о!.. всей душою! Когда я тороплюсь къ вамъ, сердце мое такъ и прыгаетъ отъ радости! я тогда чувствую, что мое счастье, моя жизнь, только подлѣ васъ... и если надо васъ покинуть, отказаться отъ васъ, я увѣренъ, что я умру, непременно умру! (Тихо Евгенію). Какъ все хорошо идетъ, когда тебя погоняютъ.

МАШЕНЬКА. Конечно, Иванъ Мартынычъ... я чувствую, очень-

чувствую все, что вы мнѣ говорили... но я завишу отъ ба-
тюшки.

КРАПИВКИНЪ (*тихо Евгениі*). Она меня любитъ, это ясно!
(*Вслухъ*). Теперь мнѣ этотъ офицеръ ни по чемъ.

МАШЕНЬКА. Что вы говорите?

ЕВГЕНІЯ (*тихо ему*). Ни слова объ немъ!

КРАПИВКИНЪ (*повторяя*). Ни слова объ немъ... то есть, я хо-
чу сказать, что увѣренъ въ моемъ счастьи и теперь... (*Евгенія
знаками заставляетъ его стать на колѣни*). Могу надѣяться.
(*Тихо ей*) А?... непонимаю (*Маша*). Могу надѣяться (*тоже дѣй-
ствіе Евгениі, тихо ей*). Какъ? а! понимаю... (*Вслухъ*). Что
вы меня любите и поговорите въ мою пользу вашему папенькѣ,
и я ожидаю отвѣта у вашихъ ногъ... (*Становится на колѣни и
тихо Евгениі*). Такъ?

ЕВГЕНІЯ. Накопецъ!

МАШЕНЬКА. Ахъ! Иванъ Мартынычъ... встаньте, я васъ прошу...
Да, да... я согласна... я вамъ общаю!

(*Зорскій показывается въ глубинѣ*).

ЕВГЕНІЯ (*увидя его, въ-сторону*). Вотъ и другой!

КРАПИВКИНЪ. Вы меня любите?

МАШЕНЬКА. Да, да... только встаньте, это не хорошо. (*Увидя Зор-
скаго*). Ахъ!

КРАПИВКИНЪ (*тоже увидя*). А!...

МАШЕНЬКА. Да встаньте-же!

КРАПИВКИНЪ. Онъ меня не видитъ.

МАШЕНЬКА. Не правда!...

КРАПИВКИНЪ (*вставая*). Впрочемъ, мнѣ все равно, дѣло вы-
слушано, — скрѣплено и подписано! какъ говорить мой роди-
тель.

ЯВЛЕНІЕ III.

МАША, ЗОРСКІЙ, КРАПИВКИНЪ И ЕВГЕНІЯ.

ЗОРСКІЙ. Извините, я вамъ кажется помѣшалъ (*въ-сторону*).
И слава Богу... (*Вслухъ*). Мнѣ досадно.

КРАПИВКИНЪ. Ничего... мы такъ, между прочимъ разговаривали
о дождикѣ и о хорошей погодѣ... Славное время теперь!

зорскій. Да, вы прогуливались... это замѣтно.

машенька (*тихо Евгениі*). Уйдемъ, мнѣ такъ стыдно; что онъ подумаетъ? (*Хотѣть уйти*).

зорскій (*Машѣ*). Мнѣ досадно, что я не могъ услужить вамъ и не привелъ вашего папеньку... (*Въ-сторону*). Теперь оно было-бы кстати.

евгенія. А вы не нашли его?

зорскій. Я прошелъ всю аллею, пень, озеро, дубъ, скамейку, но возвращаясь сюда, видѣлъ его въ окнѣ кабинета.

крапивкинъ (*едва удерживаясь отъ смѣха*). А искали его подъ дубомъ на скамейкѣ?... А! хорошо!

евгенія. Такъ онъ и не былъ въ саду — удивительно!

машинья (*Зорскому*). Извините... мнѣ такъ совѣстно... (*тихо Евгениі*). Уйдемъ пожалуйста! (*Обѣ приспѣдаютъ и уходятъ, Крапивкинъ провожаетъ до дверей*).

зорскій. Они просто смѣются надо мной... Признаюсь, хорошо деревенское воспитаніе!

ЯВЛЕНИЕ IV.

ЗОРСКІЙ И КРАПИВКИНЪ.

крапивкинъ (*въ-глубинѣ въ-сторону*). Какъ мила эта Женни... Безъ нея — я-бы слова не сказалъ.

зорскій (*въ-сторону*). Гм! Тутъ есть что-то странное.... и прискакать съ Кавказа.... досадно! (*Крапивкину*). Въ здѣшней сторонѣ пресмѣшная манера, разговаривать объ дождикѣ и о хорошей погодѣ....

крапивкинъ (*возвращаясь съ самодовольствомъ*). Да, правда, это смѣшно иногда.

зорскій. И Марьѣ Павловнѣ кажется не противно, я это замѣтилъ.

крапивкинъ. Вы это замѣтили?... (*Въ-сторону*). Онъ это замѣтилъ....

зорскій. И вы думаете, что Павелъ Иванычъ одного мнѣнія съ дочерью?

крапивкинъ. Это ужъ не ваше дѣло....

зорскій. Э! чортъ возьми! Что за странная манера такъ отвѣ-

чать, когда я имѣю право спрашивать и требовать удовлетворенья.

крапивкинъ. Удовлетворенья? Я ни въ чемъ не могу васъ удовлетворить!

зорскій. Не угодно-ли вамъ со мной драться?

крапивкинъ. Нѣтъ, не угодно.... А что? Какой добрый! Не принимаю, а не угодно-ли вамъ пожаловать въ судъ?...

зорскій (*внѣ себя*). Но знаете-ли вы, чортъ возьми?

крапивкинъ. Что-съ? (*Зорскій глядитъ ему прямо въ глаза, и вдругъ начинаетъ хохотать, Крапивкинъ тоже смѣется, но насильно*).

зорскій (*въ-сторону*). Чудакъ! Да онъ предобрый! (*Ему*). И такъ г. губернской секретарь, будьте счастливы, но я желалъ-бы написать нѣсколько словъ полковнику.

крапивкинъ (*идя къ столу въ-сторону*). Вѣрно хочетъ уѣхать... слава Богу! (*Вслухъ, на-лѣво у стола*). Вотъ чернила, перо.... а бумаги-то кажется нѣтъ. (*Открываетъ альбомъ Евгеніи*). Нѣтъ-ли здѣсь, въ альбомѣ... А, а! чей-то портретъ?... Ай! (*Глядя попеременно на портретъ и на Зорскаго*). Это удивительно! носъ, глаза, даже усы!

зорскій (*переходя*). Ужъ не мой-ли портретъ?.... (*Смотря*). Въ-самомъ-дѣлѣ, да, это я!.... (*Ворочая*). Вотъ еще, еще.... это чудо!

крапивкинъ. Вы воображаете, что это вы?.... Ошибаетесь, — это такъ.... Случай — вотъ и все....

зорскій. Да, я тоже думаю; а этотъ альбомъ Марьи Павловны?

крапивкинъ. Марьи Павловны? атанде! она никогда не рисуетъ, и имѣетъ на то свои причины.... она не умѣетъ рисовать, и слава Богу! (*Въ-сторону*). Видишь съ чѣмъ подѣхалъ, — хвастунъ!

зорскій. Но чей-же это альбомъ? чей? не этой-ли дѣвочки, что сейчасъ была здѣсь.... Женни, кажется?...

крапивкинъ. Евгенія Николаевна! Она васъ тоже не любитъ, нѣтъ и не думайте!....

зорскій. Я ничего и не думаю.... (*Въ-сторону*). Однакожъ странно, какъ она меня знаетъ. (*Вслухъ*). Евгенія.... А какъ ея фамилія?

крапивкинъ. Николаевна!... Ахъ, да, фамилія Бецкая, дочь покойнаго генерала Бецкаго....

зорскій. Евгенія Бецкая.... Позвольте, она воспитывалась въ Петербургѣ?

КРАПИВКИНЪ. Отлично воспитана; это замѣтно; въ лучшемъ Петербургскомъ пансіонѣ, и богатая наслѣдница!

ЗОРСКИЙ. У мадамъ Беркуръ?

КРАПИВКИНЪ. Тамъ, тамъ; я самъ былъ въ этомъ пансіонѣ....

ЗОРСКИЙ. Какъ?

КРАПИВКИНЪ. То есть, когда мы ѣздили за нею съ Павломъ Ивановичемъ.

ЗОРСКИЙ (*въ-сторону*). Евгения Бецкая! теперь догадываюсь.... А! чортъ возьми! подруга моей сестры, о которой та мнѣ уши прожужжала! Ха, ха, ха! Теперь все ясно!.... Ха, ха, ха!

КРАПИВКИНЪ. Ха, ха, ха! (*Въ-сторону*). Чему онъ смѣется?

ЗОРСКИЙ. Ха, ха, ха! и она надѣялась.... глупенькая! (*Съ гнѣвомъ*). А между-тѣмъ, это меня бѣситъ! но я отомщу ей!

ЕВГЕНІЯ (*за кулисами*). Иванъ Мартынычъ! Иванъ Мартынычъ!

КРАПИВКИНЪ. Вотъ и она! Ни слова объ альбомѣ!

ЗОРСКИЙ. И вы тоже не проболтайте!

КРАПИВКИНЪ. Въ чемъ? Я вѣдь ничего не знаю.

ЯВЛЕНИЕ V.

ЗОРСКИЙ, КРАПИВКИНЪ и ЕВГЕНІЯ (*вбѣгая*).

ЕВГЕНІЯ. Ступайте, ступайте скорѣе въ кабинетъ.... мой опекунъ тамъ съ Машенькой, и кажется согласенъ.... (*Увидя Зорскаго*). Ахъ!

КРАПИВКИНЪ. Сейчасъ, сейчасъ бѣгу! О, счастье! (*Идетъ, и возвращаясь говоритъ тихо Зорскому*). Хотите, я прикажу осѣдлать вашу лошадь?

ЗОРСКИЙ. И прекрасно! Прикажите сейчасъ-же; вы мнѣ сдѣлаете большое удовольствіе.

КРАПИВКИНЪ (*идя*). И себѣ также! (*Евгенія хочетъ идти за нимъ, Зорскій ее удерживаетъ*).

ЯВЛЕНІЕ VI.

ЗОРСКІЙ И ЕВГЕНІЯ.

ЗОРСКІЙ. Простите, что удерживаю васъ!

ЕВГЕНІЯ. Что вамъ угодно?

ЗОРСКІЙ. Вы кажется шли докончить начатое вами дѣло?

ЕВГЕНІЯ. Monsieur Зорскій!....

ЗОРСКІЙ. Не запирайтесь.... Крапивкинъ подъ вашимъ покровительствомъ; вы, его благодѣтельная волшебница; давеча утромъ, чтобъ доставить ему свиданіе, вы меня послали прогуляться по саду за Павломъ Ивановичемъ.... Я прошелъ аллею, старый пенъ, бродилъ около пруда, видѣлъ дубъ, скамейку.... А Павелъ Ивановичъ былъ у себя въ кабинетѣ, куда вы теперь послали вашего протеже....

ЕВГЕНІЯ. Евгений Петровичъ!....

ЗОРСКІЙ. Ничего.... продолжайте, продолжайте.... При томъ-же соперникъ мой любимъ.

ЕВГЕНІЯ. Да, правда! И вы ужъ никакъ не разстроите этой свадьбы....

ЗОРСКІЙ. Теперь мнѣ все равно,—увѣряю васъ, я бы не очень и сердился, если-бы имѣлъ въ виду другую партію....

ЕВГЕНІЯ. А у васъ нѣтъ.... досадно! Если-бъ я знала это? Но неужели ваши родные не позаботятся сыскать вамъ невѣсту?

ЗОРСКІЙ (*въ сторону*). Повнимаю! (*Вслухъ*). Послѣ моего благодѣтеля, здѣшняго губернатора, у меня только и есть одна сестра.

ЕВГЕНІЯ. Ахъ! у васъ есть сестрица?

ЗОРСКІЙ. Да, еще очень-молоденькая дѣвочка.... Ахъ, да, кстати вы мнѣ напомнили: (*Смѣясь*). Она все собирается меня женить.

ЕВГЕНІЯ. Неужели? Вотъ видите.... А вы забыли!

ЗОРСКІЙ. Вообразите.... вамъ это можно сказать, вы такъ рассудительны....

ЕВГЕНІЯ. Да, да... скажите, что такое? (*въ сторону*). Что-то онъ скажетъ?

ЗОРСКІЙ. Надо вамъ сказать, что сестра моя прелегкомысленная дѣвушка, просто ребенокъ, начиталась романовъ и забрала

себѣ въ голову женить меня на одной изъ своихъ пансіонскихъ подругъ, такой-же вѣтреницѣ, какъ сама... торжественно предложила мнѣ ея руку... Разумѣется, я... Ха, ха, ха!

ЕВГЕНІЯ. Вы приняли?

ЗОРСКІЙ. Да, такъ, шутя... Но что всего смѣшнѣе, эта мечта-тельница, то-есть подруга-то сестры, безъ церемоніи завербовала меня издали и клялась, что не будетъ имѣть другаго мужа... а сестра дала клятву, выдать ей меня съ руками и ногами... каково!.. понимаете ли? двѣ глупыя дѣвочки... *(смѣясь)*. Неужели вамъ это не смѣшно?

ЕВГЕНІЯ. *(съ досадою)* Я удивляюсь только, какъ вы легкомысленно объ этомъ говорите... знаете-ли вы эту дѣвицу, подругу вашей сестры?

ЗОРСКІЙ. Нѣтъ, нѣтъ... И откровенно признаться, не желаю знать!.. дѣвушка съ такими чувствами, которая изъ себя дѣлаетъ героиню романа... нѣтъ!... нѣтъ!... Богъ съ ней! И если хитростью или другими средствами, которыхъ-бы я не предвидѣлъ, она была-бы такъ искусна, что заставила меня влюбиться въ себя... сдѣлалась моею женою... А послѣ я узналъ-бы, что это она... я возненавидѣлъ-бы ее и уничтожилъ все!

ЕВГЕНІЯ. Но это одно предубѣжденіе!

ЗОРСКІЙ. Развѣ оно не справедливо? а женитьба—дѣло важное!.. и если я когда нибудь женюсь, то желаю найти жену разсудительную, которая знаетъ приличія и не бросится первая на шею! *(въ сторону)* Слезы! Ну! я кажется далеко зашелъ!.. Однако я долженъ все приготовить къ моему отъѣзду; вамъ я одолженъ разрывомъ этого брака, который не составилъ-бы моего счастья... Эта услуга сдѣлана вами безъ всякихъ видовъ, тѣмъ болѣе я цѣню ее и никогда не забуду!.. прощайте!.. *(цалуетъ руку и говоритъ въ сторону)*. Прехорошенькая... а печего дѣлать: не судьба! жаль! *(онъ идетъ въ глубину сцены, она смотритъ ему въ слѣдъ; но видя, что онъ ей кланяется, проворно отворачивается къ публикѣ и дѣлаетъ поклонъ самой себѣ)*.

ЯВЛЕНІЕ VII.

ЕВГЕНІЯ, МАШЕНЬКА, КРАПНВКИНЪ И САДОВСКІЙ.

ЕВГЕНІЯ *(заливаясь слезами, падаетъ въ кресло на-лѣво)*. Опъ

ѣдетъ! тѣмъ лучше!.. Боже-мой! если-бы онъ зналъ, что это я.. О!.. я-бы умерла!

Машенька. *(привѣвая съ-правой стороны)* Женни! Женни! ахъ! еслибы ты знала... мы были съ папенькой въ кабинетѣ... а Иванъ Мартынычъ пришелъ, да вдругъ и признался ему, что любить меня... Папенька такъ разсердился, что ужасъ!.. Но, что съ тобой?... руки дрожатъ... ты плачешь.

Евгенія. *(вскакивая и отирая слезы)* Я?... ничего.. ни капли...

Садовскій. *(входя съ-правой-же стороны съ Крапивкинымъ)* Нѣтъ! Оставьте меня! Это дурно, очень дурно! Мы васъ принимали какъ сына, а вы вздумали объясняться въ любви моей дочери.

Крапивкинъ. Я не виноватъ: Марья Павловна мнѣ сами позволили.

Садовскій. Что?.. Какъ, сударыня! безъ моего согласія, вы осмѣлились думать о невозможномъ бракѣ?

Машенька. Папенька! вотъ видите.... я думала.. и я не виновата.. *(тихо Евгеніи)* Видишь ли, что ты надѣлала!

Крапивкинъ. Павелъ Иванычъ! это бракъ возможный. Прежде, не спору; онъ былъ не возможенъ, но теперь мой батюшка — Мартынъ Мартынычъ удовлетворенъ: Марья Павловна, имѣетъ приданое... для меня это все равно, — но родители мой только и добивается, чтобы меня выгодно женить.

Садовскій. У моей дочери приданое! кто тебѣ сказалъ?

Крапивкинъ. Тотъ, кто это очень хорошо знаетъ.. Вотъ Евгенія Николаевна.

Садовскій. Женни! какъ? ты сказала? — а я нарочно скрывала отъ Машеньки, чтобы оставить ей свободу, принять или отказать мужу, котораго назначилъ дядя; да, она имѣетъ приданое; но получить тогда, какъ выдетъ за Евгенія Петровича Зорскаго.

В
М
Ѣ
С
Т
Ѣ.

Машенька. За него! возможно-ли?

Евгенія. Что я слышу?

Крапивкинъ. Павелъ Иванычъ, честное слово, она мнѣ этого не говорила...

Садовскій. Въ противномъ случаѣ, — она безъ приданого... у меня ровно ничего... отецъ тебѣ не позволитъ жениться на бѣдной, — и ты Маша, умрешь старой дѣвой!

Машенька. Папенька! пусть будетъ, что Богу угодно, но я никогда не полюбила-бы Зорскаго, который любить другую.

Садовскій. Какъ? что? кто тебѣ сказалъ?

МАШЕНЬКА. Вотъ Женни!... она это очень хорошо знаетъ!
 САДОВСКІЙ. Опять Женни! Да что за чортъ!

№ 8.

В С Ъ В М Ъ С Т Ъ .

МАШЕНЬКА.

Да, папенька, ея все дѣло!
 Я огорчать не смѣю васъ;
 Она сказать вамъ можетъ смѣло,
 Кто нравится ему пзъ насъ.

КРАПИВКИНЪ (*показывал на Евгенію*).

Она испортила все дѣло
 И поручилася за васъ.
 Потому въ любви открыться смѣло
 Она заставила здѣсь насъ

САДОВСКІЙ (*Евгенію*).

Да, я могу сказать вамъ смѣло,
 Какъ дочь свою любилъ я васъ;
 Но вы испортили все дѣло
 И перепутали всѣхъ насъ

ЕВГЕНІЯ (*съ-стороны*).

Я только счастья всѣмъ хотѣла;
 Но ты, Евгеній, въ этотъ разъ
 Все убилъ, разстроилъ наше дѣло,
 Несчастливыми всѣхъ сдѣлалъ насъ.

МАШЕНЬКА (*Евгенію*).

Да, Женни, чрезъ твои проказы
 Онъ про любовь мою узналъ

КРАПИВКИНЪ (*подходя къ Евгенію*).

Чрезъ васъ-же этотъ чортъ съ Кавказа
 Меня у ногъ ея засталъ.

САДОВСКИЙ.

Дочь все теряетъ — и вотъ плата
За то, что любимъ мы тебя.

ЕВГЕНІА.

Я виновата, виновата!
Ахъ, маменька прости меня.

ЯВЛЕНИЕ VIII.

ТЪ-ЖЕ И ТРИФОНЪ (*съ-письмомъ*).

ТРИФОНЪ. Баринъ! вотъ письмо!

САДОВСКИЙ. Письмо? отъ кого?

ТРИФОНЪ. Отъ офицера-съ, что утромъ-то прѣѣхалъ, а теперь уѣзжаетъ.

САДОВСКИЙ (*живо открывая письмо*). Онъ ѣдетъ!КРАПИВКИНЪ (*съ-стороны*). Счастливаго пути!САДОВСКИЙ (*читая*). Я думалъ, что сердце вашей дочери свободно; но такъ какъ другой имѣетъ счастье ей больше нравиться!... Какъ? ужъ и ему сказали?

КРАПИВКИНЪ. Ни кто не говорилъ... честное слово, ему никто не говорилъ... онъ только видѣлъ, какъ я стоялъ тутъ, вотъ на этомъ самомъ мѣстѣ передъ Марьей Павловной, немножко на колѣнахъ.

САДОВСКИЙ (*съ-упрекомъ*). Что? Машенька! не стыдно-ли (*читая*). Прошу васъ извинить меня передъ г. Крапивкинымъ; онъ любимъ— а я удаляюсь... кажется этого объясненія ему довольно? Что еще такое? Да не было-ли у васъ ссоры?

МАШЕНЬКА. Ссора?

КРАПИВКИНЪ. Такъ, немножко.... Онъ было и хотѣлъ.... но я отвѣчалъ ему такъ, знаете, сухо.

ЕВГЕНІА. Но вы не должны теперь его отпускать безъ объясненія.... онъ долженъ остаться.... вы объяснитесь....

САДОВСКИЙ (*Евгениі*). Только этого не доставало! Что ты въ-самомъ-дѣлѣ, романъ что-ли затѣваешь у меня въ деревнѣ.... И какая чудесная глава: Дуэль!

КРАПИВКИНЪ. Дуэль! Нѣтъ, атанде! Я не такъ глупъ.... Пускай его ѣдетъ!

ТРИФОНЪ (смотря въ окно). Вонъ имъ подають лошадь.

ЕВГЕНІЯ (пораженная внезапною мыслью). А! (Въ продолженіи слѣдующаго разговора, дѣлаетъ знакъ слугѣ остаться; подходитъ къ столу, пишетъ записку и отдаетъ ему).

САДОВСКІЙ. А что до васъ, г. губернской секретарь, прощайте, ступайте къ вашему батюшкѣ, губернскому прокурору, искать богатыхъ невѣстъ.... а къ намъ ни ногой....

КРАПИВКИНЪ. Съ мѣста не двинусь!.... Еще нынче утромъ, я бы пожалуй, ушелъ.... Я не зналъ того, что теперъ знаю: вѣдь Марья Павловна меня любитъ.

САДОВСКІЙ. Крапивкинъ! Ты крапивное семя! Но мы еще увидимъ.... Дочь! за мной, маршъ! (Идетъ).

МАШЕНЬКА. Извольте, папенька!

КРАПИВКИНЪ (заливаясь слезами). Марья Павловна!.... и вы тоже... и вы выгоняете меня.... и вы бѣжите отъ меня.... и вы не любите....

МАШЕНЬКА (такъ-же). Иванъ Мартынычъ! Я ужъ сказала, что люблю — это кончено!.... Но вашъ батюшка.

КРАПИВКИНЪ. Мартынъ Мартыновичъ!.... Онъ не въ вашего папеньку, я съ нимъ слажу.... Онъ любитъ взять.... я дамъ ему взятку....

САДОВСКІЙ (возвращаясь). Ты хочешь, чтобы я тебя прогналъ!

КРАПИВКИНЪ. Не хочу.... самъ уйду.... оставьте!

САДОВСКІЙ (ведя Машу за руку). Женни! Маша! я очень-недоволенъ вашимъ поведеніемъ!....

КРАПИВКИНЪ (жалобнымъ тономъ). Марья Павловна! прощайте!

МАШЕНЬКА (вырываясь и подбѣгая къ нему). Иванъ Мартынычъ — прощайте!

КРАПИВКИНЪ. Иванъ да Марья.... Какая парочка! точно цвѣтокъ. Иванъ да Марья.... Отецъ! жестокосердый полковникъ! не разлучай Ивана да Марью.

САДОВСКІЙ (входя въ средину, разлучая ихъ и пропуская Машу впереди себя). Маршъ! говорятъ тебѣ! чортъ возьми! (Ведетъ ее на-право; а она и Крапивкинъ прощаются знаками).

ЯВЛЕНИЕ IX.

ЕВГЕНІЯ, КРАПИВКИНЪ, ПОТОМЪ ЗОРСКІЙ.

ЕВГЕНІЯ (*сама себѣ*). Боже мой! что я надѣлала! Погубила Машеньку.... Прогнали Крапивкина.... А онъ, Евгеній.... онъ ненавидитъ меня!....

КРАПИВКИНЪ (*съ гнѣвомъ*). Видите-ли, я-бы лучше сдѣлалъ, если-бы не признавался въ любви! (*жалобно*). Пойду искать мое ружье....

ЕВГЕНІЯ. Пойдите, — я хочу все поправить.... и если этотъ офицеръ вернется.... (*Идетъ въ глубину*).

КРАПИВКИНЪ. Онъ не вернется.... Я самъ сейчасъ уйду, но не хочу, чтобъ онъ вернулся. Боже мой! А если онъ вернется, ну, ужъ онъ у меня перевернется.... Я.... (*Поднимаетъ обѣ руки*).

ЗОРСКІЙ (*войдя съ запиской, становится лицомъ къ лицу противъ Крапивкина*). Я здѣсь!

ЕВГЕНІЯ (*въ глубинѣ, не замѣченная Зорскимъ, въ-сторону*). А!.... это хорошо....

КРАПИВКИНЪ. Что-съ?.... Какъ-съ?.... Чего-съ?

ЗОРСКІЙ. Я здѣсь!

КРАПИВКИНЪ. Вижу... Очень-вижу... Даже черезъ чуръ вижу... Только я думалъ, что вы ужъ давно скачете.

ЗОРСКІЙ. Да вы-же удержали меня.

КРАПИВКИНЪ. Я!.... васъ удержалъ!.... Знаете-ли, я физически и морально къ этому не способенъ.

ЗОРСКІЙ. А ваша записка?

КРАПИВКИНЪ. Какая записка?

ЗОРСКІЙ (*читая*). Именемъ чести, останьтесь для объясненія!...

КРАПИВКИНЪ. Честь, объясненіе, останьтесь!.... Отстаньте-съ....

ФИ! и почеркъ-то какой! Я пишу — такъ печатаю.

ЗОРСКІЙ. Но кто-же наконецъ?

ЕВГЕНІЯ (*приближаясь въ сильномъ волненіи*). Это я писала.

КРАПИВКИНЪ. Евгенія Никол... (*Она ему дѣлаетъ знакъ видти*).

ЗОРСКІЙ. А!.... я понимаю.

КРАПИВКИНЪ. Вы понимаете? (*Въ-сторону*). Онъ счастливѣе меня.... потому что я, если хоть что-нибудь здѣсь понимаю, то

пусть чортъ.... (Евгенія дѣлаетъ знакъ). Иду! иду! (Уходитъ, продолжаятъ фразу). Меня возьметъ! (Уходитъ въ средину).

ЯВЛЕНИЕ X.

ЕВГЕНІЯ И ЗОРСКІЙ.

зорскій (въ сторону). Урокъ мой подѣйствовалъ.

евгенія. Да, это я, я васъ удержала, для того, чтобы открыть вамъ всю истину, я разстроила вашу свадьбу, и можетъ-быть сдѣлала несчастіе Машеньки, друга, сестры моей.... О! я никогда не прощу себѣ этого....

зорскій. Успокойтесь, ради Бога! Отъ чего-же она несчастна? Въѣд до моего прѣзда она любила господина Крапивкина?

евгенія. Нѣтъ.... то есть, да.... Она любила, но онъ не зналъ объ этомъ.

зорскій. Какъ! развѣ онъ не признавался ей прежде въ любви?

евгенія. Никогда! никогда! Онъ и виду не подавалъ, — но я заставила его здѣсь.... сегодня утромъ.

зорскій. Что-жъ это за война противъ меня, какіе могли быть тутъ виды?

евгенія. О! никакихъ; я только жалѣла бѣднаго Крапивкина.

зорскій. А за что-же меня ненавидѣли?

евгенія. Я васъ ненавидѣла, о, нѣтъ! Еще все можно поправить, и она за васъ выдетъ.

зорскій. Такъ для этого-то вы меня воротили? Послушайте, теперь ужъ къ несчастію, мнѣ не возможно жениться на ней.

евгенія. Такъ будьте великодушны, ея дядя губернаторъ, васъ любить какъ сына, попросите же его, чтобъ приданое за Машенькой, назначенное вамъ, онъ отдалъ г. Крапивкину.... Это такая бездѣлица, только 60 тысячъ.

зорскій. 60 тысячъ, бездѣлица! Нѣтъ, извините.

евгенія. О! какъ вы корыстолюбивы! Это не хорошо, я лучше объ васъ думала.

зорскій. Развѣ вы меня знали прежде?

евгенія. Нѣтъ, только съ нынѣшняго дня.... Но, послушайте, у меня большое состояніе, и когда я выйду изъ опеки, то отдамъ вамъ вдвое, втрое.... За приданое Машеньки; меня такъ любятъ здѣсь, а я своею вѣтренностію, всѣхъ сдѣлала несчастны-

ми... да я хочу все исправить, — устроить счастье всѣхъ окружающихъ меня... О, ради Бога, не откажите мнѣ... Умоляю васъ на колѣняхъ.

зорскій (*удерживая ее*). Евгения Николаевна, что вы дѣлаете? (*Въ сторону*). Я едва выдерживаю характеръ.

ЕВГЕНІА. Скажите, скажите, вы согласны помочь мнѣ въ этомъ?

зорскій. Послушайте; вѣдь меня здѣсь съ утра водятъ и просятъ... Помните: озеро, аллею, пень, дубъ, скамейку.

ЕВГЕНІА (*потупляя глаза*). Довольно, довольно! я виновата...

зорскій. Даже и теперь, это условіе, которое вы мнѣ предлагаете, то есть, уплату за приданое Марьи Павловны, врядъ-ли вы исполните... Помните, рано или поздно, вы будете завистѣть отъ мужа.

ЕВГЕНІА. Никогда!

зорскій. Однако-жъ, если вы любите кого-нибудь...

ЕВГЕНІА. Да... я люблю... люблю всей душою... но онъ не узнаетъ этого... нѣтъ!... екорѣй умру!... О, Евгений Петровичъ! помогите мнѣ устроить счастье окружающихъ меня, — и я никогда не выду за-мужъ, клянусь вамъ.

зорскій (*перебивая*). Нѣтъ! нѣтъ! Я не принимаю такой клятвы!

ЯВЛЕНИЕ XI.

КРАПИВКИНЪ, ЕВГЕНІА, ЗОРСКІЙ, САДОВСКІЙ И МАШЕНЬКА.

САДОВСКІЙ (*съ правой стороны, съ Машенькой и Крапивкинымъ*). Нѣтъ, чортъ возьми! это ужъ слишкомъ!

зорскій. Павелъ Ивановичъ!

САДОВСКІЙ. Извините... я узналъ, что васъ здѣсь удержали, это меня бѣситъ.

зорскій. Напрасно; меня удержали для добраго дѣла; я пришелъ сказать г. Крапивнику, что онъ можетъ быть счастливъ.

КРАПИВКИНЪ. Не могу, не могу! безъ Марьи Павловны, не могу!

зорскій. Вы женитесь на ней, если Павелъ Ивановичъ согласенъ; — а я отвѣчаю, что Его Превосходительство, дастъ обѣщанное приданое, потому, что не она, а я отъ нее отказываюсь.

МАШЕНЬКА. Ахъ, какъ вы добры!

КРАПИВКИНЪ. Предобрый!

ЗОРСКІЙ (Евгенію). Довольны-ли вы?

ЕВГЕНІЯ. Я объ васъ всегда такъ думала!

САДОВСКІЙ. Вы слишкомъ великодушны, но Его Превосходительство не повѣритъ.

ЗОРСКІЙ. Но если я ему скажу, что люблю другую, это ужъ не ваша вина... Да, я люблю страстно одну дѣвицу, немножко легкомысленную, но добрую, чувствительную, благородную.

КРАПИВКИНЪ (тихо Евгенію). Ай! ай! какъ онъ на васъ поглядываетъ!

ЗОРСКІЙ. Именно: вашу воспитанницу.

ИМѢЕТЪ.

САДОВСКІЙ. Евгенію?

КРАПИВКИНЪ. Хорошо, хорошо.

МАШИНЬКА. Наконецъ!

ЕВГЕНІЯ. Нѣтъ, никогда! (Въ сторону). Это не возможно! если онъ узнаетъ, что это я... (Вслухъ). Нѣтъ! я не согласна!

МАШИНЬКА. Что это значитъ?

САДОВСКІЙ. Мнѣ очень-жаль, сударь, но если правда, что говорила мнѣ моя дочь про Евгенію; то и она ужъ не свободна... Она влюбилась въ другаго.

ЕВГЕНІЯ (съ упрекомъ). Павелъ Ивановичъ... что вы это?

ЗОРСКІЙ. Да... я знаю... еще въ пансіонѣ... въ брата одной изъ своихъ подругъ... въ брата... моей сестры!

ЕВГЕНІЯ (съ крикомъ). Ахъ!

(Зорскій поддерживаетъ ее).

САДОВСКІЙ. Такъ она любить васъ? Вотъ чудеса!

ЛѢ 9.

ЕВГЕНІЯ (почти говоря).

Возможно-ли! кто-бъ это могъ предвидѣть?

Вы знали все?... за что же вдругъ?...

ЗОРСКІЙ.

Я могъ,

Не зная васъ смѣяться, ненавидѣть

Но лишь узналъ — и я у вашихъ ногъ!

ЕВГЕНІЯ.

Не ужели я себѣ вдругъ измѣнила?

ЗОРСКИЙ.

Всему виной Иванъ Мартынычъ былъ...

КРАПВКИЦЪ (говоритъ). Какъ?.. что?.. когда?...

ЗОРСКИЙ (тоже показывая на альбомъ). А этотъ альбомъ... мой портретъ... Понимаете?

КРАПВКИЦЪ. Понимаю, понимаю (въ-сторону). Ничего не понимаю!

ЕВГЕНІЯ (поетъ).

Я въ сердцѣ къ вамъ любовь мою таила,

И что-жъ? альбомъ меня изболчилъ.

САДОВСКИЙ. И прекрасно!.. такъ вотъ онъ альбомъ изболчилъ!.. То-то вы, барышни, читаете романы, заводите альбомы, — а тамъ... еще хорошо, что все кончилось благополучно.

ЕВГЕНІЯ.

МѢ 10.

Я для себя альбомъ хранила,

Въ немъ сердце и душа моя,

Пусть скажетъ онъ... кого любила

О комъ всегда мечтала я.

Клянусь писать и послѣ свадьбы

Все, что пріятно мнѣ въ альбомъ!

(Къ публикѣ).

И я желала записать-бы

Въ немъ вашъ сегодняшний пріемъ

==

ВИЗИТЬ СОСѢДУ.

Сумерки... Вѣтеръ подь кровлей гудить и стучится,
Изморозь брызжетъ на стекла, стекая струями.
Скучно сидѣть одному и глядѣть какъ изъ трубки
Дымъ выходя разпиляется облакомъ сѣрымъ.
— Тройка стоитъ у подъѣзда, докурена трубка...
... Шубу накинувъ на плечи, сажусь я въ телѣгу,
Лошади мигомъ домчали въ деревню сосѣда.
Весело гостя встрѣчаютъ сосѣдъ и сосѣдка,
Важно шумить самоваръ на столѣ, испуская
Клубы прозрачнаго пара, — въ стаканы и чашки
Льетъ молодая хозяйка китайскій напитокъ.
Дѣти сидя у стола то кричатъ, то дерутся;
Въ кѣлѣткахъ у оконъ спокойно сидятъ кинारेйки;
Кошка играетъ въ углу съ избалованной москвой.
— Вотъ открываютъ и ломберной столъ... Длинновязый
Свѣчи становить слуга и зѣвая — уходитъ.
— «Что-же намъ даромъ терять драгоценное время» —
Такъ восклицаетъ хозяинъ и чуть ужъ не правда-ль...
Въ дружеской часто бесѣдѣ дремота приходитъ
Карты простое лекарство отъ скучной зѣвоты,
Руки въ работѣ, въ работѣ разсудокъ и память...
Столъ весь испицанъ и свѣчи ужъ много сгорѣли,
Десять пробили часы, прозвенѣли куранты. —
Въ замѣ толпятся лакеи и ужинъ приносятъ,
Чинно садимся за ужинъ... насытивъ желудки
Пищей, мы рѣчь о житейскихъ заводимъ заботахъ.
Завтра романъ обещаю прислать я сосѣдкѣ,
Завтра мы ѣдемъ съ сосѣдомъ въ отъѣзжее поле

Волка или зайцевъ травить; а теперь до свиданья.
Снова сижу я въ телѣгѣ и лошади мчатся.
Ночь.... Не видать ни дуги, ни дороги знакомой,
Слышенъ лишь звонъ погремушекъ, да скокъ моей тройки.

* * *

Въ минуту раздумья о смерти
Бываю я часто унылъ
Мнѣ жаль раставаться съ землею
И съ тѣломъ исполненнымъ силъ.
Печально смотрю я на утро,
На вечеръ протекшаго дня
И маятникъ стукомъ протяжнымъ
Тревожить въ то время меня.

К. САЗОНОВЪ.

МАДЛЕНА.

Романъ Жюль Сандо.

—

I.

Какъ всё почти деревни по королевской дорогѣ, Нёви ле Буа, прескверная деревушка, грязная зимою, пыльная лѣтомъ, во всякое время лишенная поэзи и таинственности. То впрочемъ особенно замѣчательно, что до того дня, когда начинается этотъ простой рассказъ, бѣдняки — жители не помнили, чтобы когда нибудь *въ ихъ стѣнахъ* остановилась карета. Это долговременное презрѣніе почтальоновъ и кондукторовъ къ Нёви ле Буа, даётъ довольно плохое понятіе о его винахъ.

Это было осенью, въ воскресенье, между обѣдной и вечерними столпившись у вѣзда въ деревушку, жители, подъ огненнымъ солнцемъ, котораго лучи падали прямо на ихъ головы, важно ожидали проѣзда дилижанса изъ Парижа въ Лиможъ, потому, что это было въ праздничные дни, ихъ единственнымъ развлеченіемъ, кратковременнымъ правда, но упительнымъ, какъ всякая недолгая радость. Заслышавъ издали его стукъ, они тор-

жественно становились по обѣимъ сторонамъ дороги, — потомъ, когда карета проѣхавъ сквозь цѣлый строй поднятыхъ къ верху носовъ, вытаращенныхъ глазъ и разинутыхъ ртовъ, скрывалась въ облакахъ пыли на поворотѣ дороги, эти добрые люди возвращались домой съ исполненнымъ удовольствіемъ сердцемъ.

Въ это воскресенье, все кажется должно было происходить по обыкновенію; но было свыше предназначено, что Нёви ле Буа сдѣлается въ этотъ день свидѣтелемъ чуда, на которое его скромные жители уже съ полвѣка перестали надѣяться. вмѣсто того, чтобы проѣхать мимо какъ прежде, дилижансъ остановился прямо по срединѣ дороги, посреди строя носовъ поднявшихся при его приближеніи. При этомъ неожиданномъ зрѣлищѣ, все Нёви ле Буа осталось прикованнымъ къ своему мѣсту, не думая и спрашивать себя, откуда ему привалило такое необычайное счастье. Даже собаки, которыя имѣли привычку бѣжать съ лаемъ за каретой и добиваться хлыста почтальюна, раздѣляли кажется изумленіе своихъ господъ, и какъ они-же стояли неподвижныя и нѣмыя отъ изумленія, кондукторъ между тѣмъ слѣзъ, — отворилъ дверцы, и на его слова: *Нёви ле Буа* произнесенныя сухимъ и грубымъ тономъ, вышла молодая дѣвушка съ узелкомъ подъ мышкою. Она была одѣта вся въ черное, и казалась не старше 14 или 15 лѣтъ. Блѣдность ея чела, глаза, красныя отъ слезъ, печальный и страдательный видъ, говорили еще болѣе, чѣмъ ея траурное платье; кондукторъ влѣзъ уже опять на свое мѣсто, и молодая дѣвушка успѣла только безмолвно проститься съ товарищами своего путешествія. Она была ни больше, ни меньше еще какъ ребенокъ, только слишкомъ печальный для своихъ лѣтъ. Когда она увидала себя одну на этой большой дорогѣ, у самаго вѣзда этой скверной деревушки, гдѣ ни одна душа ее не знала, одна среди всѣхъ этихъ лицъ, смотрѣвшихъ на нее съ выраженіемъ глупаго и подозрительнаго любопытства, она съѣла на кучу камней и тамъ, чувствуя, что силы ей измѣняются, начала плакать, склоня голову на руки. Крестьяне продолжали смотрѣть на нее съ тѣмъ-же видомъ, не говоря ни слова, ни на шагъ не двигаясь съ мѣста. Къ счастью, въ группѣ было нѣсколько женщинъ, и между этими женщинами, мать, кормившая грудью своего новорожденнаго ребенка. Она подошла къ молодой дѣвущкѣ и нѣсколько минутъ смотрѣла на нее съ какимъ-то нерѣшимымъ сожалѣніемъ, потому что, хотя по всему было видно, что этотъ бѣдный ребенокъ покинуть, почти безпомощенъ,

но прирожденная исключительность природы странно противорѣчила костюму и внушала уваженіе и почтеніе.

— Сударыня, сказала она наконецъ, если вы здѣсь одиѣ, на большой дорогѣ, въ ваши лѣта, то вы вѣроятно потеряли вашу мать.

— Да, я потеряла мать, отвѣчала молодая дѣвушка тихимъ голосомъ съ замѣтнымъ иностранцынѣмъ выговоромъ. Увы! я потеряла все, все, даже уголокъ земли, гдѣ я родилась, и гдѣ покоятся дорогія мнѣ кости. Мнѣ не осталось ничего больше подъ небесами, прибавила она, печально качая головою.

— Да сжалятся-же милосердый Богъ надъ вами, милое дитя: я вижу по вашему выговору, что вы не изъ нашей стороны. Вы вѣрно издалика?

— О, да, сударыня! издалика, очень издалика. Я думала иногда, что никогда не доѣду.

— И вы отправляетесь....

— Туда, куда матушка, умирая, велѣла мнѣ идти. Пускаясь въ путь, я знала, что достигнувъ Нѣви ле Буа, я легко найду дорогу въ Вальтраверъ.

— Такъ вы въ Вальтраверъ?

— Да, сударыня.

— Въ замокъ?

— Именно.

— Вы себя прибавили дороги: кондукторъ лучше-бы сдѣлалъ, если-бы высадилъ васъ въ сосѣднемъ городкѣ. Но все равно, вамъ теперь осталось только три маленькихъ мили, да и то, можете вы придти скорѣй, идя лѣсомъ. Если позволите, мой племянникъ Пьерро васъ проведетъ: но жаръ теперь страшный, и я бьюсь объ закладъ моя красавица, что вы еще сегодня ничего не ѣли. Пойдемте на нашу ферму, вы поѣдите нашего молока и отправитесь вечеромъ, когда сойдетъ жаръ....

— Благодарю васъ сударыня, благодарю. — Вы очень добры, но мнѣ ничего не нужно. Я хотѣла бы только сейчасъ отправиться, если не употреблю во зло снисходительность Пьерро.

— Сюда Пьерро, вскричала фермерша.

На этотъ зовъ, сдѣланный тономъ, который не позволялъ возраженій, отъ толпы отдѣлился мальчишка и подошелъ съ жалкимъ видомъ собаки, предчувствующей, что господинъ будетъ ее бить. Пьерро, который съ самаго утра ласкалъ себя надеждою послѣ вечерни поиграть на церковной площадкѣ, кажется былъ не рочень-радъ предложенію тетки. Но та повторила ему это пед-

ложеиіе такимъ образомъ, что онъ счелъ очень благоразумнымъ повиноваться. Она отдала ему маленькій узелъ иностранки и толкнувши, сказала: «ступай лѣсомъ и особенно не заставляй идти слишкомъ скоро эту госпожу, у которой не твои поги.» И потомъ Пьерро отправился, ворча что-то сквозь зубы, пока весь Нѣви ле Буа занимался комментаріями на необычайныя происшествія этого великаго дня.

По мѣрѣ того, какъ молодая дѣвушка и ея вожатый, удалялись отъ пыльной дороги, и углублялись далѣе, пейзажъ становился лучше и лучше. Черезъ два часа пути, они увидѣли Вальтраверскій лѣсъ. Несмотря на приказаніе тѣтки, Пьерро шелъ шагомъ доброй лошади, не беспокоясь нимало о своей спутницѣ. Возможность воротиться скорѣе и успѣть еще поиграть въ бабки, придавала ему крылья. Бѣдное дитя, хотя тоже очень-легкое на ногу, иногда собиралось попросить пощады, но проклятый Пьерро былъ глухъ и шелъ безжалостно. Идя на почтовыхъ, онъ тѣмъ не менѣе обращалъ вниманіе на тѣни деревьевъ, постоянно длинѣвшую, и въ досадѣ, не скрывалъ отъ себя, что, если придется идти до Вальтраверъ, то ужъ ему не насладиться воскресными радостями. На концѣ лѣса, адская мысль пришла ему въ голову.

— Вотъ! сказалъ онъ рѣшительно, кладя на траву узелъ, который былъ у него въ рукахъ. Вамъ теперь стоить только идти все этой большой аллеей, и она приведетъ васъ прямо къ замку. Черезъ четверть часа, вы будете у самыхъ воротъ.

И онъ уже готовъ былъ ускользнуть, — но жестъ дѣвушки удержалъ его. Отвязавши отъ пояса маленькій кошелекъ, который, кажется, былъ неслишкомъ тяжелъ, молодая дѣвушка вынула оттуда небольшую серебряную монету, которую очень-мило предложила Пьерро, въ благодарность за его труды. При этомъ великодушій, котораго онъ вовсе не ожидалъ, Пьерро, казалось, готовъ былъ уступить гласу совѣсти, но вдали равнины увидѣлъ онъ колокольню Нѣви-ле Буа, какъ мачту корабля на морѣ. Въ слѣдствіе миража, объявляемаго только страстію, онъ, казалось, видѣлъ на церковной площадкѣ съ дюжину мальчишекъ, игравшихъ въ разныя игры. Пьерро не выдержалъ. Онъ взялъ монету, засунулъ въ карманъ, и побѣжалъ со всѣхъ ногъ, точно, какъ-будто-бы чертъ гнался за нимъ вслѣдъ.

Едва вошедши въ аллею, молодая дѣвушка испытала тоже самое чувство, какое испытываешь, выходя изъ жаркой комнаты, и бросаясь въ свѣжую воду. Ея первымъ движеніемъ было поблагодарить Бога, Который поддерживалъ и защищалъ ее во-вре-

мя продолжительнаго путешествія, ею совершеннаго, и просить Его, чтобы дверь, въ которую ей придется стучаться, была къ ней гостепріимна. Не сомнѣваясь въ близости замка, она сѣла подъ дубомъ, и скоро была объята обаяніемъ лѣса, — ибо ты другъ всякаго возраста, снисходительная и благая природа, ты утѣшаешь старика, и самыя дѣти, когда ты начинаешь имъ улыбаться, забываютъ о потерѣ матери. Все вокругъ нея была гармонія, свѣжесть и благоуханіе! Косые лучи солнца, падавшіе къ ея ногамъ черезъ густую сѣть листвьевъ, напомнили ей, что приближается вечеръ. Она встала и пошла аллею, ожидая, что скоро покажутся фасады и башни замка. Оказалось, между-тѣмъ, что эта аллея, которая, по словамъ Пьерро, была дорогою къ замку, примыкала только къ другой аллеѣ наискось. Дитя стало вслушиваться, нѣтъ-ли какихъ признаковъ близкаго жилья, — и слышала только глухой шумъ лѣса. Она шла дальше — небо темнѣло, птицы перестали пѣть, раздавался уже крикъ совъ. Въ такой-то часъ, въ-особенности одиночество, свинцовою тяжестью падаетъ на душу несчастнаго. Приведенная въ отчаяніе, выбившись изъ силъ, дѣвушка упала на траву, и опять стала плакать. Она развязала черныя ленты своей соломенной шляпки — и вѣтеръ игралъ ея бѣлокурыми волосами.

Нѣсколько минутъ она уже была поглощена своимъ отчаяніемъ, когда вдругъ увидѣла прекрасную лошадь лиможской породы, которой она сначала не замѣтила, и которая стояла отъ нея въ нѣсколькихъ шагахъ; на ней сидѣлъ всадникъ, смотрѣвшій на дѣвочку съ изумленнымъ видомъ человѣка, непривыкшаго къ подобнымъ встрѣчамъ, въ такой часъ и въ такомъ мѣстѣ. Она быстро встала, но успокоенная благосклонно улыбающимся взглядомъ.

— Богъ посылаетъ васъ ко мнѣ на помощь, сударь, сказала она. Если вы изъ этой стороны, вы должны замѣтить, что я иностранка. Вотъ уже болѣе двухъ часовъ я брожу по этому лѣсу, не могу изъ него выдти и не знаю, куда идти; можетъ-быть, вы будете такъ добры, что проводите меня на дорогу.

— Безъ всякаго сомнѣнія, сударыня, отвѣчалъ голосъ, почти столько-же тихій, какъ и голосъ дѣвочки: но мнѣ надобно знать, куда вамъ угодно идти?

— Въ Вальтраверъ, сударь.

— Въ замокъ?

— Да, въ замокъ Вальтраверъ.

— Лучше не можетъ быть встрѣчи, — я сама туда-же ѣду, и если вы позволите, то я провожу васъ.

И не ожидая отвѣта, всадникъ соскочилъ съ лошади. Это была молодой человѣкъ въ веселѣ жизни, прекрасный, изящный, съ кроткимъ и гордымъ взглядомъ: сверхъ всего, въ немъ была бездна граціи. Его волосы, блестящіе и черные, падали по плечамъ; небрежно повязанный на шеѣ шелковый голубой платокъ, не скрывалъ, а скорѣе открывалъ ея ослабительную бѣлизну. Темный сертучекъ сжималъ его гибкую талию, а бѣлыя панталоны, широкими складками, падали на маленькіе сапоги со шпорами. Онъ былъ простъ и милъ.

— Это ваше, сударыня? спросилъ онъ, показывая хлыстомъ на скромный узелокъ, лежавшій на травѣ.

— Да, сударь, здѣсь все мое имѣніе, отвѣчала иностранка съ печальной улыбкою.

Молодой человѣкъ приподнял узелокъ, и крѣпко привязалъ его къ сѣдлу своей лошади: потомъ предложилъ руку дѣвочкѣ, и оба пошли къ замку; прекрасное и послушное животное, тихо шло за ними, обшипывая листья.

— Итакъ, сударыня, когда я васъ встрѣтилъ, вы заблудились, потерялись, и не знали, что дѣлать? Благодарю случай, который привелъ меня сюда, потому-что вы рисковали спать эту ночь на травѣ, подъ свѣтомъ звѣздъ.

— Я рѣшилась-было, сударь.

И молодая дѣвушка рассказала, какъ она была мистифицирована Пьерро.

— Пьерро — шалунъ, которому стоить отрѣзать уши. И вы идете въ Вальтраверъ? Поэтому, вы знаете кавалера, или кого-нибудь въ замкѣ?

— Я тамъ никого не знаю.

— Право!

— Рѣшительно никого; но вы, сударь, вы его знаете, г. кавалера?

— Конечно; мы старые пріятели.

— Онъ, говорить добръ, благороденъ, человѣколюбивъ?

— Да, самое благородное сердце, какое когда-либо билось подъ небесами.

— Я это знала, я не сомнѣвалась... А маленькій Морисъ, сударь, вы его знаете.

— Какой маленькій Морисъ?

— Но... сынъ кавалера.

— А! смѣясь, вскричалъ молодой человекъ: какъ мнѣ его не знать, маленькаго Мориса?

— Будетъ-ли онъ также добръ и благороденъ, какъ его отецъ?

— Гм! въ сторонѣ его зовутъ добрымъ малымъ. Я тоже не скажу о немъ ничего худого.

— Я чувствую, что буду любить его, какъ брата.

— Могу васъ увѣрить, что онъ съ своей стороны будетъ радъ васъ видѣть.

Въ эту минуту за лѣсомъ открылся замокъ.

II.

Въ тотъ же вечеръ и въ тотъ же часъ, старый кавалеръ Вальтраверъ сидѣлъ на своей террасѣ, съ старою маркизою де-Френь, которой замокъ видѣлся въ глубинѣ долины за зеленою чащею тополей по берегу Вьенны. Оба говорили съ наслажденіемъ о минувшихъ дняхъ, потому что въ ихъ лѣта жизнь бываетъ озарена однимъ этимъ блѣднымъ и тихимъ отраженіемъ, которое зовется воспоминаніемъ.

Дружба кавалера и маркизы началась давно. При первыхъ ударахъ колокола революціи, маркизъ де-Френь нашелъ полезнымъ совершить съ женою путешествіе на берега Рейна, хотя бы изъ того только, чтобы протестовать противъ всего, что совершалось во Франціи, и такимъ образомъ засвидѣтельствовать свою преданность трону Св. Людовика; г-нъ де-Вальтраверъ рѣшился имъ сопутствовать. Извѣстно, что сдѣлалось изъ этихъ маленькихъ путешествій и какъ они все по большей части обратились въ продолжительное и тяжкое изгнаніе. Трое нашихъ путешественниковъ такъ надѣялись на скорое возвращеніе, что взяли съ собою едва столько, чтобы прожить одинъ годъ. По истощеніи суммы, послѣ продажи брилліантовъ и драгоценностей, безъ шума доѣхали до Нюрнберга, и кое-какъ поселились тамъ. Надобно было прожить: гг. де-Френь и де-Вальтраверъ, рѣшительно не придумывали — какъ: Какъ и всегда бываетъ, женщина подала первая примѣръ рѣшимости, мужества и энергіи. Мы будемъ работать, — отвѣчала весьма просто г-жа де-Френь двумъ

друзьямъ, которые съ безпокойствомъ спрашивали, какъ быть. Она не дурио рисовала — и стала давать уроки и писать портреты акварелью. Ея красота, любезность и бѣдственное положеніе больше еще таланта, доставили ей очень скоро многочисленную и отличную практику. Двое дворянъ, которые сначала раскричались на тоже униженіе, копчили однако волею неволю тѣмъ, что увидали, что ничего не дѣлая, живутъ себѣ довольно посредственно. Маркизь больше этимъ и не занимался — но г. де-Вальтраверъ понявъ, что сидѣть сложивши руки, значитъ — понимать гордость и достоинство — на изнанку. Только какое-же употребленіе было ему найти своимъ силамъ? чѣмъ заняться? Ему пришла мысль учить по французски — но оказалось, что онъ не могъ и этаго. Кавалеръ со всемъ смиреніемъ долженъ былъ сознаться, что онъ годенъ только на то, чтобы быть убитымъ въ арміи Кондэ. Онъ серьёзно сталъ думать объ этомъ, хотя безъ всякаго энтузіазма, когда вдругъ однажды, бродя печально по улицамъ, машинально остановился передъ одной изъ кукольныхъ лавокъ, которыхъ такъ много въ Нюрнбергѣ. Кажется, что это зрѣлище не могло-бы произвести особеннаго восторга въ кавалерѣ, давно вышедшемъ изъ возраста, когда занимають игрушки и между тѣмъ, въ нѣсколько минутъ безмолвнаго созерцанія, г. де-Вальтраверъ испыталъ нѣчто похожее на то, что испытывали вѣроятно Христофоръ Колумбъ, увидавши берега новаго міра и Галилей, открывши движеніе нашего земнаго шара.

Г. де-Вальтраверъ родился въ 1760. Благодаря Эмилю Руссо, въ это время было модой въ высшихъ классахъ французскаго общества дополнять всякое воспитаніе изученіемъ какого нибудь ремесла. Примѣръ былъ данъ свыше: въ 1780, Король Франціи, самый честный человекъ въ королевствѣ, былъ вмѣстѣ съ тѣмъ лучшимъ въ немъ слѣсаремъ. Для каждаго аристократа считалось необходимою знать какое нибудь механическое искусство, такъ-же какъ для большихъ дамъ, самимъ кормить своихъ дѣтей. Вообще все это дѣлалось для тону, для игрушки, и вовсе никто не предполагалъ обратить когда нибудь такое знаніе въ занятіе серьёзное.

При видѣ всѣхъ этихъ игрушекъ, передъ которымъ привелъ его случай или скорѣе таинственный инстинктъ, г. де-Вальтраверъ вспомнилъ, что онъ учился рѣзбѣ на черномъ деревѣ и слоновой кости. Черезъ три мѣсяца потомъ, онъ слылъ въ Нюрнбергѣ за своего рода Бенвенуто Челлини. Дѣло въ томъ, что въ три мѣсяца, онъ въ самомъ дѣлѣ достигъ совершенства

въ дѣланіи куколъ, особенно изъ слоновой кости. Притомъ-же въ это вмѣшалась мода и скоро онъ приобрѣлъ такую-то извѣстность въ своемъ родѣ, какъ г-жа де-Френь.

Разумѣется, оба наши артиста, не считали своего успѣха за дѣло серьезное. Поработавши каждый, они собирались вмѣстѣ вечеромъ — смѣялись какъ дѣти и вовсе не замѣчали, что работѣ обязаны этимъ счастливымъ расположеніемъ. Что касается до маркиза, онъ думалъ, что доставать себѣ хлѣбъ — дѣло канальи черни, и что дворянину, который себя уважаетъ, должно умѣть умирать скорѣе какъ Римскіе сенаторы на своихъ курульныхъ креслахъ, нежели унижаться до того, чтобы жить работою. Онъ втайнѣ досадовалъ на жену, вполнѣ презиралъ кавалера и говорилъ это ему, нисколько не женуясь. Что его особенно приводило въ отчаяніе, такъ это то, что онъ видалъ ихъ цѣлый день занятыми и веселыми, когда самъ онъ, буквально, умиралъ отъ глубокой скуки бездѣйствія. Впрочемъ, не смотря на уваженіе къ себѣ, онъ ѣлъ съ большимъ аппетитомъ, спокойно пользовался выгодами ассоціаціи и былъ столько-же требователемъ, какъ въ былыя времена въ своемъ замкѣ, на берегахъ Вьенны. Въ часъ обѣда въ особенности, когда они собирались всѣ трое, изливалась его желчь. Ну, маркизъ — говорилъ кавалеръ, окажите дружбу, скажите, что было-бы съ вами безъ портретовъ маркизы? И безъ игрушекъ нашего друга? смѣясь, прибавляла г-жа де-Френь. Г. де-Френь пожималъ плечами, просилъ за свою жену прощенія у тѣней предковъ и жаловался на недостатокъ Бордосскаго вина на столѣ.

Наконецъ, обезпечивши свое существованіе, г-жа де-Френь и г. де-Вальтраверъ, могли заняться наконецъ даже искусствомъ, какъ искусствомъ и въ немъ найти утѣшеніе.

Въ это время, до конца съѣденной скукою, маркизъ продолжалъ терзаться невыполнимыми желаніями и бесплодными сожалѣніями. Въ одинъ прекрасный день, онъ отдалъ Богу душу, — жена его и другъ, плакали какъ дѣти.

Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ потомъ въ 1802, по приглашенію перваго консула, они переѣхали Рейнъ и весело возвратились въ отечество, столько-же сколько они сами, преобразованное; они возвратились въ свои владѣнія — но въ нихъ теже сохранились прежнія привычки: маркиза рисовала какъ прежде, кавалеръ ежедневно дѣлалъ что нибудь изъ слоновой кости. Кавалеръ женился на доброй и милой нѣмкѣ, которую любилъ еще въ Германіи, и которая умерла, оставивши ему сына *Мориса*.

III.

И такъ въ одинъ вечеръ, сидя одинъ подлѣ другаго, оба товарища съ наслажденіемъ вспоминали прожитые ими дни, когда въ концѣ аллеи парка, они замѣтили двухъ молодыхъ людей, которыхъ мы оставили у рѣшетки. Дошедши до лѣстницы, молодая дѣвушка взошла на ея ступени тихо, но сильно взволнованная. Маркиза и кавалеръ встали, чтобы принять ее. Она вынула изъ-за груди письмо, которое сначала благоговѣнно поднесла къ губамъ, — потомъ подала его. Г. де-Вальтраверъ, который съ снисходительнымъ любопытствомъ смотрѣлъ на этого ребенка, хотя видѣлъ его впервые. Старый дворянинъ сломалъ печать и прочелъ письмо. Сложивъ на груди свои нехудалыя руки, спокойная въ своей горести, достойная въ своемъ смиреніи, иностранка, опустивъ глаза, стояла передъ госпожею де-Френъ, которая съ участіемъ глядѣла на нее, когда молодой человекъ, ее приведшій, былъ дѣймымъ свидѣтелемъ оной сцены.

Мюнхень 15 іюля 18..

«На краю гроба, у дверей вѣчности, которая скоро начнется для меня, не къ небесамъ, но къ Франціи, обращаю я мои глаза къ вамъ, взываю я, братъ мой! я простираю свои умоляющія руки во имя той, которая была моею сестрой и вашей избранной женой. Увы! какими жестокими бѣдствіями испытанъ домъ, который вы знали такъ счастливымъ!.. Куда исчезли радости того крова, подъ который вы пришли однажды? Могила взяла все мои радости. Мужъ мой не могъ пережить потери своего состоянія и я несчастная, я тоже умираю въ свою очередь. Я умираю — и я мать, — это двойная смерть, о мой Боже! Когда вы прочтете эти строки, единственное сокровище, единственное наслѣдство, которое я могу оставить, у дочери моей останетесь на землѣ только вы одни; когда вы будете держать въ рукахъ вашихъ эту бумагу, омоченную моими слезами, дитя мое будетъ передъ вами, одинокое, растерзанное горестію и усталостію, не имѣющее прибѣжища кромѣ вашего крова, опоры — кромѣ вашего сердца. О! святою связію, которая была для васъ драгоценна и которую смерть не могла конечно разорвать, —

Германією, которая была для васъ такъ гостепріимна, которая замѣняла вамъ отечество — семействомъ моимъ, которое стало вашимъ — о! не отвергайте, умоляю, моей милой покинутой дочери. Примите, согрѣйте на груди вашей голубку, лишепную гвѣзда. А ты, котораго я не знаю, но котораго я любила такъ часто соединять для себя съ моею дочерью въ единомъ чувствѣ нѣжности, сынъ моей сестры, если мать твоя передала тебѣ свою душу, ты будешь добръ, ты будешь братомъ моей возлюбленной Мадленѣ. Охраняй, защищай ее, когда отца твоего не будетъ болѣе, и не забывай никогда юный другъ, что сирота, посланная намъ небомъ, становится иногда Ангеломъ хранителемъ дома, который ее принялъ».

— Приди дочь моя, приди въ мои объятія! вскричалъ кавалеръ, кончивъ чтеніе, благословенъ приходъ твой дитя мое, подъ кровъ твоего стараго дяди. Еслибъ не горестное происшествіе привело тебя, я бы назвалъ день этотъ трижды счастливымъ и приходъ твой былъ-бы для насъ праздникомъ. Маркиза, это моя племянница, прибавилъ онъ, сжимая голову дѣвочки въ объятіяхъ; Морисъ, это твоя кузина, это сестра изъ страны твоей матери.

Сирота перешла изъ объятій дяди въ объятія маркизы; г-жа де-Френь потеряла единственную дочь, похищенную смертію въ цвѣтъ лѣтъ, почти въ года Мадлены; у всѣхъ несчастныхъ, особенно у матерей, испытавшихъ это ужасное горе, есть неодолимая склонность находить видимое и поразительное сходство тамъ, даже гдѣ его вовсе нѣтъ съ ребенкомъ, отнятымъ у нихъ смертію—трогательный обманъ любви и горести! Маркиза естественно почувствовала влеченіе къ этому бѣленькому созданицу, которое явилось ей какъ образъ ея дочери. Это были тѣ-же глаза и тотъ же взглядъ, то-же печальное очарованіе, общее всѣмъ существамъ, рано испытаннымъ судьбою, или обреченнымъ умереть преждевременно. Потому г-жа де-Френь прижала ее къ груди, расточала ей самыя нѣжныя названія и ласки. Потомъ, очередь дошла до молодого человѣка.

— Какъ! кузинъ, это были вы! сказала она, улыбаясь сквозь слезы. Это были вы, маленькій Морисъ! я воображала себѣ, это вы дитя, какъ я же. Морисъ отъ души ее обнялъ, хотя до сего-дня едва подозрѣвалъ даже существованіе своей кузины. Между тѣмъ, кавалеръ отдавалъ приказанія, суетился; и каждому изъ своихъ слугъ говорилъ: У насъ еще есть дитя! Да, въ этотъ вечеръ, если бы она только могла видѣть пріемъ, сдѣланный въ

Вальтраваръ ея дочери, мать нашей героини должна-бы была быть довольна.

Прибытіе Мадлены не измѣнило ничего въ обыкновенномъ родѣ жизни замка. Это была дѣвушка благочестивая, серьезная, простая и скромная, уже задумчивая, занимавшая мало мѣста, во все время почти молчаливая или склонившаяся надъ иглой. Въ нѣскольکو дней, она умѣла заставить полюбить себя всѣхъ своей кротостью и добротой. Что касается до ея наружности, мы объ этомъ ничего не должны говорить: извѣстно вообще, что въ этотъ неблагодарный возрастъ, теряется грація дѣтства и не является еще грація юности. Она не была хороша и не смѣемъ утверждать, чтобы обѣщала такую сдѣлаться: Но какова она ни была, маркиза и кавалеръ любили ее съ живою нѣжностью, и существованіе этого ребенка дѣлилось между двухъ сосѣднихъ жилищъ, которыя собственно говоря, составляли только одно. Ея воспитаніе было таково, что она сама, въ случаѣ нужды, могла продолжить его и усовершенствовать. Она говорила по-Французски чисто, почти безъ акцента. Какъ всѣ Нѣмки и множество Француженокъ — она знала въ совершенствѣ музыку и что всего рѣже, не злоупотребляла ее. Кавалеръ и маркиза любили заставлять ее пѣть Тирольскія пѣсни ея отчизны, но эти пѣсни, которыя ихъ обоихъ уносили къ днямъ изгнанія и бѣдности, напоминали ей мать и родню, потерянную навсегда — и часто, бѣдная дѣвочка прерывала ихъ слезами и рыданіями. Что касается до Мориса, по прошествіи двухъ недѣль, въ которыя онъ считалъ себя обязаннымъ заниматься своей кузиною, онъ едва кажется замѣчалъ ея присутствіе. Ему было двадцать лѣтъ, и въ немъ рано развились страсти молодости. Этотъ молодой человекъ выросъ вполне на свободѣ, вдвойнѣ избалованный отцемъ и маркизою, которые ничего въ свѣтѣ не знали лучше и милѣе его. Какой-то учитель выучилъ его не много по Гречески и по Латини, г. Вальтраверъ же передалъ ему свое искусство рѣзбы. Добрый старій кавалеръ плакалъ отъ гордости и радости, когда видѣлъ работу своего сына — Морисъ кажется тоже находилъ въ ней удовольствіе; но въ одинъ прекрасный день къ несчастію, онъ спросилъ себя, пѣтъ ли еще чего на свѣтѣ кромѣ кавалера, маркизы и рѣзной работы; отвѣтъ на этотъ нескромный вопросъ бурной молодости, былъ ожидаемъ недолго: сама молодость отвѣчала на него взрывомъ.

Есть нѣжныя и поэтическія натуры, прикрытыя легкой оболочкой: есть другія напротивъ, болѣе живыя и энергическія, ко-

торыхъ развѣтъ совершается быстро. Въ Морисѣ были обѣ эти натуры. Онъ былъ, то печаленъ и мечтатель, то вдругъ объять стремленіемъ безъ цѣли и безъ имени, съ которымъ ему не спѣлось дома, порывистый, кипучій, по вообще почтителенъ и привязанъ къ старику отцу, къ старой маркизѣ, добръ ко всѣмъ, обожаемъ всѣми, но съ вѣчнымъ вопросомъ въ душѣ о своемъ существованіи. Въ ожиданіи лучшаго, онъ предавался охотѣ, рыскалъ по окрестностямъ и загонялъ лошадей.

Въ самую сильную минуту взрыва явилась Мадлена. Можно себѣ представить какъ маловажно было въ подобный часъ явленіе дѣвочки четырнадцати лѣтъ, робкой, скромной, молчаливой, не отличавшейся даже красотой или граціею. Онъ занимался ей точно такъ же, какъ-бы она не оставляла Мюнхена. Онъ уѣзжалъ съ разсвѣтомъ и возвращался только поздней ночью; случалось такъ-же, что онъ по цѣлой недѣлѣ проводилъ въ сосѣднемъ городѣ, или въ одномъ изъ окрестныхъ замковъ. Если утромъ онъ замѣчалъ Мадлену у окна, онъ безъ церемоній здоровался съ нею — и только. Во время обѣда онъ обращался къ ней съ незначущими словами, даже не смотря на нее. Когда она начинала пѣть свои Тирольскія пѣсни, такъ какъ для кавалера и маркизы, это было поводомъ говорить о Нюрнбергѣ, Морисъ, которому это сильно надоѣло, убѣгалъ отъ первой ноты. Однажды вечеромъ однако, сидя подлѣ нея, онъ не могъ не быть пораженнымъ ея въ самомъ дѣлѣ изумительно роскошными волосами. Онъ вкормѣ сдѣлалъ это замѣчаніе, поднявши рукою массу волосъ на головѣ маленькой Нѣмки. Бѣдная дѣвочка такъ мало привыкла видѣть себя предметомъ внимательности своего кузина, что покраснѣла и затрепетала. Когда она хотѣла улыбкою высказать свою признательность, Морисъ предчувствуя какую нибудь Тирольскую арію, уже печезалъ. Въ другой разъ, воротясь съ охоты, онъ принесъ ей прекраснаго фазана, котораго успѣлъ вырвать изъ глотки своихъ собакъ живаго. — Какъ кузинъ! вы иногда думаете обо мнѣ? спросила тронутая молодая дѣвушка. Морисъ обратилъ уже тыль. И не потому вовсе, чтобы ему неприятно было ея пребываніе подъ кровомъ отца. Несколько! Если въ немъ были всѣ безумства его возраста, за то были и всѣ его благородные инстинкты, никогда ему и не приходило въ голову досадовать за часть наслѣдства, которую должна была получить Мадлена послѣ кавалера. Скажемъ мимоходомъ, подобные постыдные расчеты рѣдко бываютъ въ двадцати-лѣтнемъ сердцѣ. Морисъ былъ готовъ все раздѣлить по-поламъ съ своей

кузиной, какъ съ сестрою, и если не былъ съ ней нѣжнѣе, то просто потому только, что Мадлена не умѣла родиться пятнадцатую или двадцатую мѣсяцами позднѣе.

Маркиза и кавалеръ не могли незамѣтить измѣненій, совершившихся въ привычкахъ этого Мориса, который до-сихъ-поръ былъ такъ простъ и веселъ. Оба только печалились, не понимая въ этомъ ровно ничего. Они были молоды въ такое время, когда молодость занимаясь мелочами и не подозрѣвала этой тяжелой, душевной тоски, которая въ послѣдствіи должна была быть мукою цѣлой генераціи. Хотя воспитанный въ уединеніи деревни, Морисъ, самъ того не зная, подвергся вліянію новыхъ идей. И что могли понять они въ-самомъ-дѣлѣ въ болѣзни эпохи, въ которую веселость, изгнанная изъ двадцати-лѣтней души, встрѣчается только подъ сѣдинами стариковъ? Но безпрестанно задавая себѣ вопросы, они наконецъ дошли до сознанія, что жизнь, какую велъ до-сихъ-поръ Морисъ, была не плодотворна и не занимательна. Послѣ многихъ зрѣлыхъ размышленій, рѣшено было, чтобы Морисъ два, три года потаскался по свѣту, пожилъ сперва въ Парижѣ, потомъ по выбору его въ Германіи или въ Италіи, чтобы дополнить свое воспитаніе опытностью въ людяхъ и въ дѣлахъ.

Черезъ нѣсколько времени потомъ, въ осенній вечеръ, ровно черезъ годъ по прибытіи Мадлены, кавалеръ, его сынъ и маркиза собрались въ залу замка Вальтраверъ. Лошадь, которая должна была вести Мориса въ сосѣдній городъ, ожидала его осѣдланная у лѣстницы. То былъ часъ прощанія. Отъѣздъ имѣетъ въ себѣ всегда нѣчто печальное и торжественное, даже тогда, когда разставанье вовсе не горестно; кавалеръ казался тяжело удрученнымъ, — маркиза худо скрывала печаль, Морисъ самъ былъ тронутъ и когда старикъ отецъ открылъ ему объятія, онъ бросился въ нихъ въ слезахъ, какъ-бы обнимая его въ послѣдній разъ. Г-жа де Френь прижала его къ сердцу съ увлеченіемъ; наконецъ слуги дома, которые помнили его еще ребенкомъ, тоже обняли его какъ свое дитя.

Время бѣжало. Морисъ долженъ былъ наконецъ вырваться изъ всѣхъ этихъ объятій. Только въ послѣднюю минуту, кладя ногу въ стремя, вспомнилъ онъ о Мадленѣ. Онъ искалъ ее глазами и удивляясь, что не видитъ ее, хотѣлъ уже позвать ее, когда ему сказали, что молодая дѣвушка, вышедши по утру изъ замка, еще не возвращалась. Поручивши поклониться ей заочно, онъ удалился тихимъ шагомъ, не разъ оборачиваясь, чтобы поклониться жестомъ.

Черезъ нѣсколько времени, онъ доѣхалъ до самаго того мѣста, гдѣ за годъ до того, въ этотъ-же день и въ этотъ часъ, встрѣтилъ онъ Мадлену и какъ въ прошломъ году, дѣвушка не слыхала галопя лошади, и поднявши глаза, увидала своего кузина. Это была та-же картина. Ничего въ ней не перемѣнилось: только, вмѣсто ребенка едва развитаго, худаго, болѣзненнаго, безъ красоты и почти безъ граціи, была дѣвушка — еще не распустившійся цвѣтокъ, но уже раскрытая почка. Морисъ слѣзъ съ лошади — онъ обнялъ свою кузину и простился съ ней, потомъ сѣлъ на сѣдло и продолжалъ путь, ни мало не подозревая, что за собою онъ оставлялъ счастье.

Едва онъ исчезъ за поворотомъ аллеи, Мадлена пошла въ замокъ. Когда она вошла въ залу, кавалеръ сидѣлъ одинъ у пустыннаго каминя; она печально облокотилась на спинку кресель старика и нѣсколько минутъ смотрѣла на него молча.

— Отецъ мой, сказала она наконецъ, склоня къ нему бѣлокурую головку — вамъ еще остается дочь.

Кавалеръ улыбнулся и тихо прижалъ ее къ сердцу.

IV.

Послѣ отъѣзда Мориса, Мадлена сдѣлалась единственною радостью Вальтравера. Она разнообразила своей постоянно возрастающей граціей кровь, которой не оживляло болѣе присутствіе молодаго человѣка. Она какъ юная Антигона удвоила въ отношеніи къ своему дяди трогательныя попеченія и хотя была отъ природы печальна и задумчива, но умѣла для того, чтобы развлечь его, забывать сама себя и обратить свою важность въ улыбающуюся ясность. Она провожала его на прогулку, была подлѣ него, когда онъ работалъ въ своей мастерской, читала велухъ его журналы, не уставала слушать рассказы о временахъ эмиграціи, и никогда въ особенности не забывала удивляться рѣзнымъ работамъ, которыми неутомимый артистъ наполнялъ все углы и уголки замка. Въ тоже время, она была обожаемою и дѣйствительно достойною обожанія дочерью маркизы, которая учила ее живописи и старалась развить въ ней все, что было

положено въ нее Богомъ прекраснаго. Такимъ-то образомъ, съ этими двумя стариками, дитя наконецъ выросло. Черезъ три года по прибытіи, Мадлена была добрымъ и прекраснымъ созданіемъ, хотя вовсе не тою условною и совершенною красотою, которой слѣды неизбѣжно несутъ на себѣ всѣ героини, вылетѣвшія изъ мозга романистовъ и поэтовъ. Не высока и не мала ростомъ, она не имѣла стана, который-бы гнулся какъ тростникъ. Критикъ слишкомъ влюбленный въ пластическую сторону искусства, могъ-бы найти много недостатковъ въ очертаніи ея лица. Волосы ея немного темные, вовсе не могли быть однако сравнены ни съ чернымъ деревомъ, ни съ золотомъ колосьева. Если ея тѣло было матово-бѣло какъ камелія, за то глаза ея не были слишкомъ сини. Но такъ или иначе, фізіономія ея и вся особа, составляли прекрасное цѣлое, въ которомъ исчезали недостатки подробностей. Я люблю красоту менѣе правильную, чѣмъ симпатическую, которая дѣйствуетъ больше на сердце чѣмъ на глаза, и которая не ослѣпляя, имѣетъ однако-же свою обаятельность. Хотя она и занималась домашнимъ хозяйствомъ, но рано развившійся разумъ, не исключалъ однако нисколько въ душѣ Мадлены поэзіи и даже нѣкотораго романческаго настроенія, которое получила она отъ матери, отъ Германіи и отъ Бога. Вообще, это была дѣвушка, очень пріятная на видъ, во всемъ цвѣтъ молодости и здоровья, богатая и прекрасно развившаяся природа, разливавшая вокругъ себя безъ шума движеніе, счастье и жизнь.

Легко можно имѣть понятіе о положеніи *Мадлены* между маркизой и кавалеромъ. Она была улыбкою ихъ старости, свѣтлымъ лучемъ, озарившимъ конецъ ихъ дней. Соединенные во едино эти три жизни, текли медленно и ровно. И однако эти чистыя волны были возмущены.

Письма Мориса были сперва полны очарованія и поэзіи, свѣжи и благоухающи, какъ цвѣты, облитые утренней росой. Дни почты были праздничными днями для Вальтравера. Друзья изъ Парижа, писавшіе къ кавалеру, тоже расхваливали Мориса. Все шло, какъ нельзя лучше.

Но вотъ черезъ годъ, письма стали все рѣже и рѣже. Морисъ кажется не былъ расположенъ ѣхать ни въ Германію, ни въ Италію. Старыя друзья писали въ письмахъ только сожалѣнія о томъ, что не видятъ Мориса. Кромѣ того, въ городкѣ уже посилились о Морисѣ не совсѣмъ пріятныя слухи, которые доходили и до кавалера. Безыменные письма довершили остальное.

Маркиза скрывала слезы, кавалеръ худѣлъ день ото дня, давно уже исчезло счастье изъ-подъ крова старыхъ друзей. Мадлена одна была по-прежнему ихъ ангеломъ-утѣшителемъ. Она защищала Мориса и говорила еще о близкомъ возвращеніи блуднаго сына, но сама уже этому не вѣрила, и часто уходила плакать. Кавалеръ былъ, какъ видно по всему, пораженъ очень глубоко, ибо вовсе не занимался уже рѣзбою. Ничто не привлекало его болѣе — одна только Мадлена знала еще тайну развеселить его немного и возвратитъ улыбку на его блѣдныя уста. Онъ говорилъ ей часто: надобно-же, бѣдное дитя мое, чтобы прежде смерти, я позаботился устроить твою судьбу, потому-что, судя по настоящему, не Морису быть твоимъ защитникомъ. Полноте, полноте батюшка, отвѣчала Мадлена,—не безпокойтесь объ этомъ. Я хочу только любить васъ—мнѣ ничего не будетъ нужно болѣе, когда васъ нестанетъ. Я уже теперь въ силахъ сама о себѣ заботиться. У меня, благодаря Бога, есть довольно мужества и то, что вы дѣлали въ моей Германіи, вы и г-жа маркиза, я буду дѣлать дядюшка въ вашей Франціи. Я буду работать, отъ чего-же нѣтъ? Старикъ улыбался, тихо качая головою; однажды молодая дѣвушка рѣшилась сама отъ себя, тихонько написать къ своему кузину. Письмо было ангельски мило: Морисъ не отвѣчалъ. Что касается до кавалера, онъ не писалъ больше; едва въ послѣднее время, позволяя онъ говорить даже при себѣ о своемъ сынѣ. Приближаясь все болѣе и болѣе къ концѣ, онъ однако рѣшился въ послѣдній разъ воззвать къ молодому человѣку, голосомъ любви и отчаянія.

Отвѣтъ пришелъ не скоро; его ждали три мѣсяца,—наконецъ онъ пришелъ. Морисъ былъ въ отсутствіи изъ Парижа, неизвѣстно, гдѣ-то путешествовалъ, и только по возвращеніи получилъ послѣднее письмо. Молодой человѣкъ возвратился къ лучшимъ чувствамъ, письмо его было доказательствомъ. Въ этомъ письмѣ видна была глубокая печаль падшей души, дѣлающей послѣднее, отчаянное усиліе подняться. Онъ обнималъ колѣна своего старика отца, покрывалъ поцѣлуями руки маркизы, даже Мадлена не была имъ забыта въ его раскаяніи. Онъ просилъ только нѣсколькихъ педѣлъ, чтобы разорвать всѣ свои дурныя связи. Но, къ несчастію, когда письмо пришло въ замокъ, было уже двадцать четыре часа, какъ кавалеръ болѣе не существовалъ. Онъ угасъ наканунѣ, подлѣ окна, къ которому подкатили его кресла, между маркизой и Мадленой, державшими въ своихъ рукахъ его руки.

Въ самый день похоронъ, когда земля закрыла смертные остан-

ки превосходнаго существа, которое случай сдѣлалъ дворяниномъ, и котораго человѣкомъ сдѣлали работа и бѣдность, маркиза увела къ себѣ Мадлену, вторично оставшуюся сиротою.

— Дитя мое, — сказала она ей: дѣло твое еще не кончено. Ты должна еще помочь мнѣ умереть, и закрыть мнѣ глаза.

Онѣ бросились другъ къ другу въ объятія и долго оставались такимъ образомъ.

— Ахъ, вскричала маркиза, если ты возвратила мнѣ дочь, то, по всей справедливости я должна быть твоей матерью.

И съ этого дня Мадлена жила въ замкѣ де-Френь. За недѣлю до смерти, кавалеръ отдалъ маркизѣ завѣщаніе, въ которомъ отъказывалъ племянницѣ своей ферму Кудрэ, стоящую, около ста тысячъ франковъ. Завѣщаніе было разорвано Мадленою.

— Что ты сдѣлала дочь моя? вскричала маркиза, встревоженная повидимому, но радуясь влутри себя.

И вы благороднѣйшее сердце объ этомъ спрашиваете? улыбаясь отвѣчала Мадлена. Я не знаю ничего о жизни Мориса. Я чувствую только, что этотъ молодой человѣкъ долженъ имѣть нужду въ помощи, и это значило-бы забыть благодѣяніе его отца. Вѣрьте мнѣ другъ мой, что то, что я сдѣлала —я хорошо сдѣлала. Вы-бы не иначе поступили на моемъ мѣстѣ.

Но, бѣдное дитя — у тебя нѣтъ ничего. Я не совѣтую тебѣ слишкомъ надѣяться на преданность Мориса. Послѣ моей смерти — а мнѣ не долго оставаться на землѣ, — что съ тобою будетъ, любезное дитя?

— То, что бываетъ со всѣми, у кого есть только мужество и добрая воля, благодаря вашимъ урокамъ, не богата ли я, какъ вы-же, по вашемъ пріѣздѣ въ Нюрнбергъ? Надѣюсь, что Богъ, который вамъ тогда помогалъ, меня не оставитъ!

— Ты благородная дѣвушка, ты такъ-же добра, какъ прекрасна, быстро прервала маркиза, охвативши своими бѣлыми и сухими руками голову Мадлены, и цѣлуя ея лобъ и волосы.

Со дня на день ждали Мориса, котораго смерть отца поразила громовымъ ударомъ. Протекали недѣли и мѣсяцы — Морисъ не возвращался. Скоро узнали, что онъ прислалъ своего повѣреннаго. Онъ написалъ къ своей кузинѣ письмо, не слишкомъ сердечное, но приличное, въ которомъ предлагалъ ей довольно большую часть наслѣдства, именно дачу Кудрэ, отъ которой сирота такъ благородно отказалась. Молодая дѣвушка, отвѣчала просто, что живя у г жи де-Френь, она не имѣетъ нужды ни въ чемъ. Молодой человѣкъ не настаивалъ. Что-же сдѣлалось ме-

жду-тѣмъ съ его добрыми намѣреніями? Удерживаемый почтеніемъ и раскаяніемъ, онъ можетъ-быть не дерзнулъ взглянуть на могилу, имъ самимъ вырытую преждевременно. Но его все-таки ожидали въ Вальтраверѣ.

Едва прошелъ годъ по смерти кавалера, въ сторонѣ разнеслась вѣсть, что замокъ и имѣніе Вальтраверѣ будутъ продаваться съ публичнаго торга. Маркиза и Мадлена рѣшительно отказывались вѣрить этому, какъ клеветѣ на Мориса. Но однажды, когда онѣ вмѣстѣ прогуливались по лѣсу, говоря все о жестокомъ и миломъ отсутствующемъ, потому-что и проклиная его, не могли не любить, они увидѣли за рѣшеткою парка, множество столпившихся слугъ и крестьянъ, которые съ живостію говорили между собою и смотрѣли другъ на друга съ испуганнымъ видомъ. Обѣ подошли къ замку.

— Ахъ, госпожа Маркиза! Ахъ, мадмуазель Мадлена! вскричала толпа, завидя ихъ,—ахъ! какое ужасное несчастіе для всѣхъ насъ! Громъ упалъ на наши головы.

— Что такое, дѣти мои? что случилось? что съ вами? спросила г-жа де-Френъ.

— Взгляните, взгляните г-жа Маркиза! Что долженъ подумать въ небесахъ добрый нашъ господня кавалеръ.

И съ испуганнымъ жестомъ они указали на дверь и фасадъ замка, оскверненный огромными объявленіями о продажѣ. Сомнѣніе было больше не возможно.

— Нѣтъ, дѣти мои, вскричала рѣшительно маркиза, пока жива я, этотъ замокъ и имѣніе, не будутъ добычей чужихъ. Успокойтесь, ничто не перемѣнится въ вашей участи.

И маркиза выкупила замокъ на свои послѣднія деньги.

Это было послѣднимъ дѣломъ ея въ сей жизни. Душа перепѣливо звала ее къ старому товарищу.

— Что ты прикажешь дѣлать? Говорила она иногда Мадленѣ, мы никогда не разставались. Не говоря ужъ о маркизѣ, котораго ты не знавала, я увѣрена, что бѣдный мой кавалеръ скучаетъ тамъ безъ меня. Дурно, что я заставляю его ждать такъ долго. Но что меня беспокоитъ, такъ это то, что мнѣ нечего ему сказать о его сынѣ.

— И старая маркиза наканунѣ смерти думала еще о Морисѣ,—она завѣщала его Мадленѣ. Она видѣла его въ мечтахъ преображеннымъ и очищеннымъ посредствомъ этой дѣвушки.

Она умерла на утро.

Дитя мое, сказала она довольно весело, я тебя не забыла въ моемъ завѣщаніи, — я оставила тебѣ кисти, краски.

И это такъ, но къ этому былъ прибавленъ замокъ Вальтраверъ.

Такимъ-то образомъ молодая и прекрасная дѣвушка, какъ хозяйка, возвратилась въ домъ, куда явилась она за пять лѣтъ, осеннимъ вечеромъ, съ узелкомъ подъ мышкою.

У.

Между тѣмъ можно было бы думать, восхищенная своимъ новымъ положеніемъ, Мадлена благоговѣнно возвратилась въ этотъ замокъ, гдѣ всѣ слуги, на глазахъ которыхъ росла, и которые ее любили, приняли ее какъ молодую царицу. Она жила съ нимъ по прежнему — скромно, безъ пышности, занятая единственно счастіемъ существъ, врученныхъ судьбою ей заботамъ. Власть ея проявлялась только обиліемъ разливаемыхъ вокругъ благодѣяній — иначе было бы трудно подозрѣвать увеличеніе ея богатства; она все, казалось, была той же маленькой сиротой, какой пришла къ дядѣ. Она объявила съ самаго начала, что все въ домѣ должно быть по старому, и что всѣ привычки добраго кавалера, должны быть соблюдаемы все равно, какъ бы онъ еще былъ живъ, и какъ-будто его ждали съ минуты на минуту. Она сама выбрала себѣ жилищемъ ту комнату, гдѣ протекли послѣдніе годы ея дѣтства, и начались первые годы юности. Когда спрашивали ея приказаній о чемъ-нибудь слишкомъ серьезномъ, она всегда совѣтовалась съ людьми, спрашивая, чтобы сдѣлалъ въ подобномъ случаѣ, г. кавалеръ? Если ей случалось дѣлать паставленіе или выговоръ (послѣднее бывало слишкомъ-рѣдко), она всегда начинала такую фразой: «Я думаю, дѣти мои, вотъ, чтобы сдѣлалъ или сказалъ вашъ превосходный баринъ, г. кавалеръ?» Она часто повторяла, что лучший способъ чтить память тѣхъ, кого мы любили — не дѣлать ничего, чтобы могло огорчить ихъ, и передъ каждымъ поступкомъ, спрашиваетъ себя, чтобы подумали они, если бы были въ живыхъ? Наконецъ, о Морисѣ говорила она не иначе, какъ съ уваженіемъ, какъ о молодомъ королѣ, ко-

того королевствомъ она управляетъ до его совершенвольтія. Она была скорѣе правительница, чѣмъ королева.

Слухъ о ея богатствѣ разнесся по сторонѣ, и потому женихи не замедлили явиться. Вальтраверъ сдѣлался Меккой всѣхъ холостяковъ департамента. Нѣсколько мѣсяцевъ тянулся туда цѣлый рядъ пилигримовъ: провинціальныхъ франтовъ, разорившихся дворянъ, сыновей семейства, старыхъ и молодыхъ холостяковъ. Серьезная и задумчивая, Мадлена, была однако способна къ протодушной веселости, которая естественно происходитъ отъ чистой совѣсти и здраваго разсудка. Она отвѣчала этимъ *впрныль*, что это назидательное зрѣлище, что бѣдная спрота стала вдругъ предметомъ такого безкорыстнаго поклоненія; тронутая до слезъ, она сожалѣетъ о томъ только, что находитъ себя довольно счастливою въ своемъ смиренномъ положеніи, и не хочетъ мѣнять его на то рѣдкое счастье, которое ей такъ великодушно предлагаютъ; такимъ образомъ, были отпущены одинъ за другимъ всѣ благочестивые пилигримы.

Но въ самомъ дѣлѣ, Мадлена отвѣчала точно также и тогда, когда маркиза и кавалеръ упрасивали ее выйти за-мужъ. Эта дѣвочка рѣшилась твердо остаться въ дѣвушкахъ.

Освободившись отъ искателей, Мадлена продолжала жить въ уединеніи, занимаясь хозяйствомъ и чтеніемъ. Она была благочестива, и каждое воскресенье ходила къ обѣднѣ въ Нѣви-ле-Буа.

Что было съ Морисомъ? Что онъ дѣлалъ? Съ самой смерти отца, о немъ не было слуха, кромѣ слуховъ о его развратѣ. Мадлена, прежде чѣмъ вступила во владѣніе Вальтраверомъ, писала къ нему, извѣщаясь въ этомъ. Письмо осталось безъ отвѣта. И между тѣмъ, что о немъ ни говорили, Мадлена не забывала несчастнаго молодаго человѣка въ своихъ мечтахъ, она видѣла его такимъ, какимъ онъ явился ей въ одинъ осенній вечеръ. Она была еще тогда дѣвочкой, — но въ этотъ возрастъ, когда мы мужчины, только что отрываемся отъ дѣтскихъ игрушекъ, одинъ Богъ знаетъ, что гнѣздится въ пятнадцати-лѣтнемъ женскомъ сердцѣ. У дѣвусекъ нѣтъ дѣтства, и какъ бы ни была молода жена, ни одинъ мужъ не можетъ похвалиться тѣмъ, что для него было первое благоуханіе ея души.

Богъ, который видитъ образованіе алмаза во внутренности земли, и рожденіе перла въ безднахъ океана, Богъ одинъ только могъ знать, что происходило въ груди этой дѣвочки, съ первой встрѣчи; Мадлена долго не хотѣла вѣрить, чтобы Морисъ палъ

такъ страшно, какъ увѣряли. Долго, она защищала его противъ всѣхъ, даже противъ его епископительнаго отца, даже противъ доброй маркизы. Наконецъ, когда онъ своимъ поведеніемъ ускоришь кончину кавалера, и предалъ публичному торгу имѣніе предковъ и она должна была повѣрить его разврату — все-таки молодой человѣкъ остался тайной мыслію, скрытымъ романомъ ея жизни. Въ комнатахъ, гдѣ она жила, все напоминало о немъ. Въ Вальтраверѣ была добрая и славная дѣвушка, по имени Урсула, которая выросла съ Морисомъ, имѣвшая одинъ только недостатокъ — не удерживаться отъ слишкомъ сильнаго выраженія своихъ порывовъ. Къ своему молочному брату чувствовала она не любовь, но истинное обожаніе. Она находила очень простымъ, что онъ позволялъ себѣ промотать все свое имѣніе и удивлялась одному только, какъ позволяютъ себѣ этому удивляться. Къ Мадленѣ съ самаго начала она почувствовала подобную же привязанность. Только что узнала она, что въ замокъ пришла маленькая Нѣмка, сирота, кузина Мориса, она прибѣжала, бросилась къ ней, и чуть не задушила ее въ объятіяхъ. Мадлена любила говорить съ ней о Морисѣ.

Скоро была продана даже ферма Кудрэ, и такимъ образомъ потеряна послѣдняя надежда на возвращеніе Мориса.

Черезъ нѣсколько времени потомъ, Мадлена прогуливалась вечеромъ по аллеямъ парка. Что ей было теперь въ этомъ замкѣ, въ который Морисъ никогда не возвратится? Три года, этотъ возвратъ былъ мечтою ея жизни. Но онъ, между тѣмъ, что же онъ дѣлалъ? При поворотѣ одной аллеи, Мадлена увидала его передъ собою. Такъ, это былъ онъ, это былъ Морисъ, но блѣдный и измѣнившійся. Увы! онъ былъ только тѣнью самаго себя. Мадлена хотѣла броситься въ его объятія, но остановилась при взглядѣ на это мрачное, холодное лицо. Замѣтивши мимоходомъ, что вечеръ довольно холодець, онъ предложилъ своей кузинѣ проводить ее въ замокъ. Мадлена дрожала, опираясь на его руку, а онъ шелъ твердымъ шагомъ, не колеблясь ни мало, взошелъ онъ по ступенямъ лѣстницы. Только, когда вошелъ онъ въ залу, и когда Мадлена сказала ему: Здѣсь умеръ вашъ отецъ! колѣна его подогнулись и онъ закрылъ лице руками. А! это ты, сказалъ онъ Урсулѣ, душившей его въ объятіяхъ. Послѣ нѣсколькихъ учтивостей своей кузинѣ, онъ разсказалъ, что отправляясь въ далекое путешествіе, изъ котораго надѣялся не возвратиться, онъ хотѣлъ въ послѣдній разъ увидать домъ своего отца, и сказать простн—всему, что онъ любилъ на свѣтѣ. Черезъ часъ, онъ

удалился въ свою комнату, ибо молодая дѣвушка требовала, чтобы онъ остался въ замкѣ.

— Ахъ! несчастный, ахъ! несчастный! вскричала она, рыдая. Уреула окаменѣла.

Незадолго еще до Мориса, въ сторонѣ явился какой-то племянникъ г-жи де-Френъ, и началъ процессъ.

Морисъ, разъ вечеромъ, взглянувши на документы, сказалъ, что дѣло Мадленою потеряно.

— Это касается до васъ, кузинъ, сказала ему, улыбаясь молодая дѣвушка.

— До меня, кузина!... Надобно вамъ сказать, что благородство ваше совершенно бесполезно: я не былъ бы счастливѣй, еслибъ владѣлъ всеми замками во Франціи

— Такъ вы несчастны, Морисъ? спросила молодая дѣвушка печальнымъ и кроткимъ голосомъ.

Я, кузина? о, напротивъ! — Я — счастливѣйшій изъ людей!

При этихъ словахъ, онъ захохоталъ тѣмъ сухимъ и рѣзкимъ смѣхомъ, который бываетъ всегда крикомъ отчаянія и безсилія.

Морисъ уѣхалъ на утро — не простясь съ Мадленою.

А процессъ шелъ своимъ порядкомъ, и благочестивые пилигримы, отвергнутые дѣвушкой, уже заранѣе радовались несчастію маленькой Нѣмки.

VI.

Какъ онъ самъ говорилъ, Морисъ въ самомъ дѣлѣ готовился въ слишкомъ долгое путешествіе, изъ котораго еще никто до сихъ поръ не возвращался и готовясь въ которое, самые неустрашимые блѣднѣли отъ страху. Все распоряженія были имъ уже сдѣланы, ему оставалось только сказать вѣчное прощаніе — этому міру, который онъ оставлялъ для міра лучшаго. Морисъ дошелъ до этого дорогой незамѣтной, но вѣрной. Это такая старая, такая обыкновенная исторія, что мы обозначимъ только ея главные черты.

Посмотрите на этого молодого человѣка — ему много, много двадцать лѣтъ. Онъ вступаетъ въ жизнь, которую доселѣ видѣлъ

только въ волшебныхъ снахъ уединенія. Его дѣтства протекли подъ тѣнью отеческаго крова, въ глубинѣ долины. Природа качала его на груди: Богъ окружилъ его благородными и прекрасными примѣрами. Вотъ онъ идетъ, сопутствуемый всеми обаяніями юности, онъ вѣрится глубоко въ благородныя страсти, въ безконечныя, загробныя привязанности.... У него одно только честолюбіе — любовь. Вы спросите, какая Беатриче сорветъ этотъ цвѣтокъ? Увы, Беатриче не является во время, и когда ангелъ приходитъ, ему остается только подбирать колосья тамъ, гдѣ сдѣлалъ обильную жатву дьяволь.

Таковъ былъ первый опытъ Мориса въ жизни. Разочарованный, онъ сдѣлался однимъ изъ самыхъ жаркихъ ревнителей скептицизма — а въ скептицизмѣ нѣтъ границъ. Сначала увѣряютъ себя, что это только игра, что въ душѣ никогда не заглохнутъ благородныя чувства, но часто кончаютъ тѣмъ, что въ самой дѣйствительности являются тѣмъ, чѣмъ сначала хотѣли только казаться.

Морисъ иногда обращался еще душею къ Вальтраверу, но многія связи его удерживали и опутывали.

Среди этого-то разврата, застало его послѣднее письмо отца. Это письмо было прекрасно и трогательно, безъ тщетнаго гнѣва и ребяческихъ восклицаній. Морисъ, читая его, чувствовалъ, что противъ совѣсти, пробуждался въ душѣ его все благородныя чувствованія.

Морисъ занемогъ лихорадкой и бредилъ. Подъ предлогомъ утѣшеній, его друзья, или точнѣе сказать, его сообщники, — собрались у его постели, и старыя связи, вмѣсто того, чтобы быть разорванными, связались еще крѣпче. Притомъ, за чѣмъ бы онъ поѣхалъ въ Вальтраверъ?

По смерти отца, преслѣдуемый долгами, Морисъ поневолѣ долженъ былъ рѣшиться продать замокъ съ публичнаго торга.

Но есть часъ, когда безжалостный кредиторъ — судьба, является у дверей съ своимъ счетомъ. Этотъ часъ пробилъ для Мориса.

Онъ не колебался. Нравственное самоубійство было въ немъ совершенно давно; оставалось только физическое.

Онъ поѣхалъ проститься съ мѣстами своего младенчества и молодости. По возвращеніи въ Парижъ, онъ занялся приведеніемъ дѣлъ своихъ въ порядокъ. Еще до отъѣзда, онъ преобразовалъ свой домъ, отпустилъ слугъ, продалъ экипажи. Продажей Кудре уплачены были остальные его долги. За тѣмъ у него осталось тысяча экю; этого было больше чѣмъ нужно, до роковаго срока.

Часъ приближался. Если онъ медлилъ еще, то не потому, чтобы забылъ, а потому, что забывался, наслаждаясь давно неиспытаннымъ спокойствіемъ. Наконецъ, онъ написалъ послѣднее прощальное письмо къ Мадленѣ. Пистолеты его были заряжены.

VII.

Вышедши изъ Парижа утромъ, онъ воротился вечеромъ, — никогда жизнь не казалась ему такъ тяжела, никогда онъ такъ глубоко не чувствовалъ пустоты сердца, истощенія способностей. Воротаясь, онъ сжегъ всѣ письма, — и между ними попалось ему письмо Мадлены, писанное безъ вѣдома кавалера и маркизы. Въ первый разъ онъ прочелъ его до конца, улыбаясь иногда его очаровательной наивности. Когда огонь пожралъ это письмо, Морисъ вынулъ изъ ящика медальйонъ, на который долго смотрѣлъ съ мрачнымъ видомъ; касаясь его, онъ вздрогнулъ, какъ отъ прикосновенія къ ехиднѣ. Это былъ портретъ первой, единственной женщины, которую онъ любилъ. Физіономія была прекрасна но на ней лежало что-то роковое: этотъ былъ какой-то таинственный сфинксъ, предлагающій прохожимъ свое сердце для разгадки и пожирающій безумцевъ, Морисъ бросилъ медальйонъ на полъ и онъ разбился въ дребезги. Истощенный симъ послѣднимъ усиліемъ, онъ упалъ на диванъ, закрывши руками свое блѣдное лицо. Такъ оставался около часу, но поднявши голову, онъ увидѣлъ подлѣ себя Мадлену, смотрѣвшую на него съ печальною и тихою улыбкою. Онъ подумалъ сначала, что это видѣнье, созданное разстройствомъ его нервъ, — но онъ не могъ долго остановиться на поэтическомъ образѣ.

— Вы! это вы Мадлена! Чего вы отъ меня хотите? чего вы требуете? Что за фантазія, или что за интересъ, васъ привели сюда? во всякомъ случаѣ, не здѣсь ваше мѣсто.

— Да, кузинъ, это я, отвѣчала молодая дѣвушка, не смущенная и не удивленная ни мало этими словами, сказанными быстро и почти грубо, это я — или скорѣе, это мы — потому, что сестра ваша Урсула тоже здѣсь.

— Но зачѣмъ вы, Урсула и вы въ Парижѣ! бѣдныя дѣти!

поѣзжайте скорѣе назадъ, возвратитесь въ Вальтраверъ, подъ сѣнь вашихъ лѣсовъ.

— Но кузинъ, вамъ это очень легко сказать, тихо возразила Мадлена. Въ свою очередь, вы не знаете, что я потеряла процессъ, что Вальтраверъ болѣе не принадлежитъ мнѣ, и что теперь я совершенно въ такомъ положеніи, въ какомъ вы встрѣтили когда-то меня подъ сѣнью этихъ деревьевъ, куда вы мнѣ совѣтуете удалиться.

— Вы потеряли вашъ процессъ! Вальтраверъ не принадлежитъ вамъ болѣе! вскричалъ Морисъ съ ужасомъ.

— Да, кузинъ. Но я не сомнѣвалась въ вашемъ сердцѣ, я пришла къ вамъ. Клянусь вамъ, что я не колебалась ни единой минуты. Я здѣсь, Морисъ! Думаете ли вы, что я должна была дѣйствовать иначе?

Морисъ не отвѣчалъ. Сидя на диванѣ прямо противъ Мадлены, онъ смотрѣлъ на нее съ мрачнымъ удивленіемъ, какъ человекъ, который не знаетъ, спитъ онъ или бодрствуетъ.

— Вы останетесь, вы не уѣдете, съ достоинствомъ продолжала Мадлена. Вашъ благородный отецъ, маркиза, проситъ васъ моимъ голосомъ — моя мать, такъ же, умирая, поручала меня сыну своей сестры. Вспомните письмо, которое она оставила мнѣ единственнымъ наслѣдствомъ. Если вы забыли его — Морисъ, вотъ оно — прочтите его.

Дѣло въ томъ, что Морисъ никогда не читалъ этого письма, скорѣе отъ смущенія, чѣмъ изъ любопытства, онъ машинально взялъ его и развернувши — пробѣжалъ быстро.

Перечитывая это письмо, Морисъ мало по малу вспомнилъ всѣ подробности осенняго вечера, когда впервые явилась ему Мадлена. Онъ читалъ до словъ, обращенныхъ къ нему, но прочитавши ихъ, зарыдалъ и упалъ головою на подушку дивана. Мадлена безмолвно смотрѣла на него, скрестивъ на груди руки.

— Морисъ, другъ мой, братъ мой! что съ вами? спросила она кротко.

Онъ посадилъ ее подлѣ себя, взялъ ее за руки, и сталъ ей рассказывать всю свою жизнь полную разочарованій. Тогда была въ модѣ теорія, которая представляла развратъ единственной, дорогой, куда можетъ броситься обманутая энергія — Морисъ винилъ небо, землю и все — кромѣ самаго себя.

— Странная исторія, сказала наконецъ Мадлена весело, послѣ долгаго молчанія. Я — бѣдная дѣвочка, не понимаю этихъ необыкновенныхъ чувствъ. А между тѣмъ, сирота въ другой разъ, я

снова одна, безъ средствъ, безъ всякой другой защиты — кромѣ вашей, Морисъ отвѣчайте же, не вамъ ли принадлежитъ моя жизнь?

Подавленный тяжестью обязанностей, которые какъ ударъ грома, пали на его голову, испуганный обязанностью жить, Морисъ отвѣчалъ только стономъ отчаянія.

— Уѣзжайте, уѣзжайте, вскричалъ онъ, имѣйте уваженіе къ моимъ несчастіямъ, не смѣйтесь надъ моимъ беспліемъ.

— Другъ, отвѣчала Мадлена, будемъ поддерживать одинъ другаго, — мы будемъ дѣлать то же, что дѣлали маркиза и кавалеръ — работать — какъ Божьи дѣти.

Перспектива эта не совсѣмъ радовала Мориса, который отвѣчалъ однимъ жестомъ негодованія и отчаянія.

— Я буду дѣлать игрушки? не такъ ли? спросилъ онъ, пожимая плечами.

— Отъ чего-же лѣтъ, кузинъ? Вашъ отецъ дѣлалъ-же ихъ, а онъ былъ такой же дворянинъ — какъ вы.

Морисъ всталъ, два раза прошелъ по комнатѣ, и потомъ остановился передъ Мадленою.

— Морисъ! минуту великодушія! вскричала она рѣшительно.

— Ну кузина, будьте довольны — сказалъ онъ не совсѣмъ нѣжнымъ, только что учтивымъ тономъ. Я сдѣлаю для васъ то, чего бы ужъ разумѣется, не сдѣлалъ для себя, — я буду жить.

— Благодарю кузинъ! сказала Мадлена, нѣжнымъ голосомъ. О! вы добры и я знала, что вы меня не отвергнете! прибавила она, взявши его за руку и прижимая ее къ груди. Я буду молиться Богу утромъ и вечеромъ, чтобы Онъ излилъ на васъ росу своихъ благодѣяній. Я прошу у васъ только двухъ лѣтъ для поддержки меня.

— Двухъ лѣтъ! Вы просите двухъ лѣтъ! вскричалъ молодой человѣкъ, не стараясь скрыть своего изумленія.

— Неужели этаго много? сказала Мадлена съ умоляющимъ видомъ.

Морисъ окончилъ разговоръ жестомъ героической резизнаціи.

И вслѣдъ за тѣмъ, онъ былъ стиснутъ въ объятіяхъ Уреулы.

Онъ чувствовалъ въ отношеніи къ этимъ двумъ женщинамъ то, что чувствуетъ дикій звѣрь, собираясь растерзать добычу.

Было уже поздно, Морисъ проводилъ Мадлену и Уреулу до дверей небольшой гостиницы, гдѣ они остановились, потомъ воротился домой пустынными улицами, прямо подошелъ къ пистолетамъ и осмотрѣлъ ихъ.

— Спите, сказалъ онъ наконецъ, кладя ихъ въ ящикъ, спите

вѣрные друзья до дня освобожденія, когда я приду разбудить васъ.

VIII.

На другой день, послѣ нѣсколькихъ часовъ лихорадочнаго сна, Морисъ всталъ, стыдясъ своей слабости, въ бѣшенствѣ на Мадлену, въ досадѣ на самого себя. Что ему за дѣло было, послѣ всего до судьбы своей кузины? По какому праву требовала она отъ него помощи и услугъ? Его ли была вина, что она потеряла свой процессъ? Притомъ, Мадлена была уже не ребенокъ, ей было 23 или 24 года, и въ этотъ возрастъ, спотки перестаютъ быть интересными. Да и притомъ, что могъ онъ для нея сдѣлать? Средства его истощились,—у него не было ничего своего, безъ исключенія, даже мебели, которая пошла въ уплату найма. Если онъ рѣшился на самоубійство, то потому, что ему ничего больше не осталось дѣлать. Работать? сказать это очень легко, но когда человѣкъ привыкъ къ праздности и разврату, передѣлать себя почти не возможно.

Среди этихъ печальныхъ размышлений, застали его Мадлена и Урсула.

Мадлена, какъ бы угадывая тревожное состояніе души своего кузина, посадила его возлѣ себя, и не давши ему времени отказываться отъ того, что было предположено наканунѣ, объяснила, какимъ образомъ она думаетъ устроить свою жизнь. Прежде всего, они должны были найти въ какомъ-нибудь глухомъ кварталѣ, подъ одною крышею, двѣ маленькихъ комнаты, одну для Мориса, другую для нея и для Урсулы, гдѣ бы они поселились просто и смиренно, такъ какъ было имъ теперь прилично въ ихъ положеніи. У Мадлены уцѣлѣло нѣсколько брилльянтовъ, оставшихся послѣ доброй маркизы. Деньги, вырученныя продажею, должны были послужить имъ на обзаведеніе и обезпечить ихъ первыя нужды. Мадлена имѣла много средствъ прокормить себя. Она шила какъ фея, и вышивала золотомъ: она рисовала акварелью, она могла давать уроки фортепяно и пѣнія. Наконецъ, благодаря заботамъ г-жи де-Фрель, она превосходно писала минья-

тюрные портреты: изъ почтенія ли къ памяти маркизы, потому ли, что это было самое вѣрное и лучшее средство—она сюда обращала все свои надежды. Какъ видите—таланты у нея были, и кромѣ ихъ было еще то благородное мужество, которое смѣется надъ препятствіями, та энергія воли, которая не чувствуетъ никогда усталій, та милая веселость, которая смѣется и поетъ подлѣ работающей воли. И такъ было рѣшено, что Мадлена займется миньятюрами, — она дѣтски радовалась, что будетъ жить въ Парижѣ, какъ вѣкогда добрая маркиза жила въ Нюрнбергѣ. Это было ея всегдашнюю мечтою, и потому-то въ самой потерѣ богатства было для нея ничто пріятное. Что касается до Мориса—онъ останется свободнымъ въ своихъ дѣйствіяхъ; она требовала отъ него только, чтобы онъ поддерживалъ ее, и управлялъ ея первыми шагами въ свѣтѣ. Черезъ два года—такъ было условлено, онъ возвратитъ свою независимость и снова самъ будетъ господиномъ своей судьбы. До того только времени, Мадлена имѣла право опираться на него, какъ на брата, и какъ для того, чтобы избѣжать сплетень, такъ равно и для большаго авторитета опеки, онъ долженъ выдавать себя дѣйствительно за ея брата. Все это было сказано съ такимъ жаромъ и увлеченіемъ, что Морисъ не могъ сдѣлать ни одного возраженія, съ такою границей и веселостью, что онъ не имѣлъ силы удержаться отъ улыбки. Только когда молодая дѣвушка кончила говорить, онъ покачалъ головою съ видомъ челоуѣка, мало тронутаго и убѣжденнаго. Но тотчасъ же вставши и взявъ его руку:

Мадлена сказала ему: Кузипъ, съ этой же минуты начнается наше братство. Вспомните притомъ, что вашъ отецъ звалъ меня дочерью, что я въ самомъ дѣлѣ была его любимою дочерью. День прекрасный—воспользуйтесь имъ, чтобы сыскать подъ однимъ скромнымъ кровомъ двѣ комнаты для насъ обоихъ. Выбирайте кварталъ, какой хотите. Вы должны посѣшнить оставить эти комнаты, которыхъ роскошь оскорбляетъ вашу бѣдность. Оставьте ихъ какъ можно скорѣе, и вѣрьте мнѣ, Морисъ, прибавила она весело, постарайтесь оставить въ нихъ этотъ мрачный видъ, который вовсе нейдетъ къ вашимъ дѣтамъ.

— Да, да, мой молодой господинъ, надобно смѣяться, пѣть, веселиться, сказала въ свою очередь Уреула. Не все еще потеряно, когда у васъ осталось здоровье, молодость и ваша молочная

сестра, которая какъ въ Вальтраверѣ—будетъ вамъ дѣлать ваши любимыя лепешки.

Мадлена между тѣмъ увлекала Мориса, который шелъ съ вѣдомъ осужденнаго на смертную казнь. Подходя къ дверямъ, онъ оборотился и увидѣвъ Урсулу, собравшуюся съ ними.

Какъ! ты съ нами тоже? спросилъ онъ быстро, осматривая ее съ головы до ногъ.

— Съ вами ли! вскричала съ наивнымъ изумленіемъ добрая дѣвушка, неужели я нарядилась для того, чтобы зѣвать на воронъ, въ мое праздничное платье?

— Но, сказалъ Морисъ съ глухимъ бѣшенствомъ, ты не знаешь, ты не хочешь понять, что на тебя будутъ смотрѣть, какъ на любопытное животное — на всѣхъ улицахъ?

— Я и надѣюсь мой молодой господинъ, отвѣчала Урсула гордо, оправляясь—я тоже рада показать вашимъ Парижанамъ, какковы Вальтраверскія дѣвушки. Всѣ скажутъ: вотъ молочная сестра г. Мориса, и съ вашего позволенія, смѣю думать, что это сдѣлаетъ вамъ честь, прибавила она, дѣлая ему книксенъ.

Рѣшившись до дна испить чашу, Морисъ отвѣчалъ на этотъ разъ только жестомъ отчаянія. Черезъ нѣсколько минутъ потомъ, они всѣ трое шли по бульварамъ, Мадлена объ руку съ своимъ кузиномъ, Урсула за ними. Это былъ одинъ изъ тѣхъ великолѣпныхъ дней, когда Парижъ отворяетъ свои позолоченныя клѣтки и выпускаетъ на воздухъ самыхъ лучшихъ своихъ птичекъ. Но, къ несчастію Урсулы, Морисъ повелъ ихъ по самымъ пустыннымъ улицамъ. Недалеко отъ Лувра, онъ былъ узнавъ одною изящною коляскою и услышалъ за собою смѣхъ. Въ эту минуту, ему сильно хотѣлось столкнуть въ Сену и Урсулу и Мадлену.

И если бы даже, выходя изъ дому, онъ твердо рѣшился сдержать свое вчерашнее обѣщаніе, эта прогулка каторжника съ двумя кандалами, достаточно бы показала ему, какъ то, что онъ обѣщаль было выше его силъ. Жить—подобною жизнію два года, значило, два года умирать медленною смертію.

Тщетно проискавши квартиръ въ окрестностяхъ Люксембурга, они пообѣдали весьма умѣренно недалеко отъ обсерваторіи, что ужъ конечно не развеселило Мориса. Надобно прибавить, что да-

же передъ самоубійствомъ онъ сохранялъ привычки, которыя вовсе не были привычками анахорета — и хотя былъ во всемъ разочарованъ, но ни какъ не допускалъ, чтобы порядочный человекъ, даже наканунѣ смерти—позволилъ себѣ ѣсть два кушанья одною вилкою. Онъ пилъ мало, ѣлъ еще меньше. Урсула пожирала въ собственномъ смыслѣ этого слова: Мадлена объявила, что ей никогда въ жизни не случилось такъ пріятно обѣдать. На возвратномъ пути, продолжая еще искать квартиръ по закоулкамъ, они съ общаго согласія углубились въ одну улицу, которой сельскій видъ завлекъ Мадлену: улицу пустынную, примыкавшую съ одной стороны къ бульвару инвалидовъ, съ другой — къ улицѣ Бакъ, прославлеванной г-жею Сталь. Благодаря увеличенію народонаселенія и успѣхамъ промышленности, лѣтъ черезъ пять сотъ, въ цѣломъ мірѣ не останется убѣжища для мечтательности, и эта улица въ наше время вся загорожена новыми, пре-скверными домами. Но тогда она была похожа на деревню, или по крайней мѣрѣ, на предметіе маленькаго городка. Весною и лѣтомъ она пахла лиліями и тополями. За стѣнами качались повсюду верхи акацій и черемухи, въ паркахъ пѣли соловьи, это была однимъ словомъ, — Вавилонская улица, названная такъ вѣроятно отъ своихъ садовъ.

Тамъ они нашли квартиру изъ пяти комнатъ.

Но этимъ еще не кончились муки Мориса. Вмѣстѣ съ Урсулою, онъ долженъ былъ провожать Мадлену во всѣ магазины и слышать, какъ Урсула торговалась съ купцами съ скупостью жида. Немного слишкомъ одаренная широтою горла, какъ служанки Мольера, она спорила съ лавочниками до того, что ей иногда очень учтиво показывали дверь. Морисъ думалъ, что онъ сойдетъ съ ума.

Наконецъ, черезъ недѣлю они переѣхали на свою новую квартиру. Въ одно прекрасное утро, фіакръ запряженный парю чухоточныхъ лошадей, съ шумомъ и громомъ подкатилъ къ воротамъ великолѣпнаго отеля Мориса. Изъ него вышли Урсула и Мадлена.

— Пора, Морисъ! пора, братъ мой! вскричала молодая дѣвушка, входя въ комнату своего кузина — живая и легкая какъ птичка; пора, великій день насталь! Вамъ остается только сказать послѣднее — прости, этой мебели, этимъ коврамъ, этимъ раззолоченымъ плафонамъ. Вы не найдете ихъ тамъ, куда мы поѣдемъ,

по въ бѣдности — есть тоже своя роскошь—и счастье не имѣть пужды въ великолѣпныхъ комнатахъ.

— Бѣдный агнецъ! съ неподражаемою пѣжностью вскричала Уреула, которая не помнила себя отъ радости, что будетъ жить вмѣстѣ съ своимъ молодымъ господиномъ. Какъ мы его будемъ любить и баловать, онъ просто подумаетъ, что опять въ Вальтраверѣ. Я себя не помню отъ радости — надобно мнѣ васъ обнять *J'ami Dieu!*

И не смотря на сверхъ человѣческое сопротивленіе Мориса, она вѣпила ему въ губы два сочныхъ поцѣлуя.

Часъ пробилъ, этотъ часъ, котораго такъ боялся Морисъ. Онъ сѣлъ въ карету. Въ эту минуту на челѣ Мадлены играло отраженіе небесной радости, которое озаряетъ ангеловъ, когда они съ пѣснію возвращаютъ къ Богу заблудшую душу.

IX.

Бѣдны были эти комнаты, въ которыхъ Мадлена и Морисъ должны были жить одинъ подлѣ другаго — но поэтъ былъ бы отъ нихъ въ восторгѣ въ то время, когда поэты жили еще на чердакахъ. Хотя все было тамъ чрезвычайно просто, но за то все носило печать вкуса.

— Конечно, это не совсѣмъ хорошо! говорила Мадлена, вводя Мориса въ его комнату; но я думаю, что нѣтъ такой бѣдной комнаты, которую нельзя самому украсить. Наши мысли и мечты, наши радости и печали, это такая роскошь, которая неизвѣстна богатымъ.

Слова эти плохо тронули Мориса, который оставшись одинъ, сталъ ходить по комнатѣ, какъ левъ, недавно только запертый въ клетку. Черезъ часъ бесплоднаго бѣшенства, онъ ушелъ бродить по городу, не зная — куда идти, не спрашивая даже объ этомъ. Часамъ къ 11 ночи, онъ случайно опять очутился у Вавилонской улицы; шелъ дождь, гремѣлъ громъ. Морисъ, у котораго не было другаго убѣжища, рѣшился наконецъ возвратиться домой, Уреула поджидала его возвращенія — и при первомъ взглядѣ на него, испугалась блѣдности его лица: губы его по-

синѣли, глаза сверкали лихорадочнымъ блескомъ. Добрая дѣвушка хотѣла проводить его къ неснавшей еще Мадленѣ, но онъ оттолкнулъ ее съ досадою и прошелъ въ свою комнату. Сѣвши у открытаго окна, онъ до утра прослушалъ шумъ соседняго парка. Съ нимъ сдѣлалась горячка.

Лицемъ къ лицу съ страшною дѣйствительностью, бѣдный ребенокъ не могъ выдержать ея суроваго взгляда; какъ Донъ Жуанъ, почувствовавшій прикосновеніе мраморной руки, Морисъ былъ пораженъ громовымъ ударомъ. Онъ заболѣлъ опасной болѣзью, во время которой Мадлена и Уреула соперничествовали въ заботахъ о немъ. Въ болѣзни есть свои хорошія стороны, къ выздоровленію еще больше. Разъ какъ-то замѣтилъ онъ ящикъ изъ краснаго дерева, велѣлъ подать его себѣ, и раскрывши — увидалъ въ немъ инструменты своего покойнаго отца.

— Увы, сказала Мадлена — это все, что я могла спасти изъ вашего наслѣдства.

— Да, кухня, да, сестра моя, сказалъ Морисъ (въ первый разъ, онъ назвалъ ее сестрою: молодая дѣвушка поблѣднѣла). Вы хорошо сдѣлали; открывши этотъ ящикъ, я увидалъ снова года; — моего дѣтства.

Почти совершенно внѣ опасности, Морисъ былъ однако чрезвычайно слабъ и Мадлена съ Уреулой проводили съ нимъ большую часть времени. Вслѣдствіе его собственнаго желанія, молодая дѣвушка перенесла свой рабочій столъ въ комнату кухни: она работала въ ней днемъ и часто даже ночью. Она рисовала, вышивала, а Уреула вазала чулки. Морису сначала нравилась эта маленькая семейная картина, но внутри себя тайно, онъ уже снова начиналъ раздражаться на заботливость этихъ двухъ женщинъ, которыя не покидали его изголовья. Сознаніе тяжелыхъ обязанностей, лежавшихъ на немъ, его давило.

Однажды вечеромъ, когда онъ по видимому спалъ, Мадлена и Уреула работали и въ полголоса говорили объ истощеніи средствъ и необходимости продажи послѣднихъ колець Мадлены.

— Если мы не окружимъ его всѣми попеченіями, которыхъ требуетъ теперь состояніе его здоровья, сказала Мадлена, что подумаетъ онъ, онъ, который рѣшился жить еще — только для насъ.

— Да, вскричала Уреула, обращая къ постели, на которой лежалъ ея молодой господинъ, взглядъ полный обожанія, да онъ былъ очень добръ, да его печего жаловаться!.. Собрался было совсемъ разбить себѣ голову, и оставилъ это для насъ! Кромѣ

того что, какъ только выздоровѣтъ, онъ навѣрно станетъ работать....

Морисъ не спалъ.... Онъ все слышалъ. На утро онъ уже былъ на ногахъ спокойный и рѣшительный столько же, сколько мы его знали безхарактернымъ и раздражительнымъ. Но это произвела не признательность. вмѣстѣ съ здоровьемъ Морисъ возвратилъ и терпѣнія души. Преданность этихъ двухъ благородныхъ созданий, вмѣсто того, чтобы трогать его, его раздражала — но Богъ вложилъ гордость въ наше сердце для того, чтобы ею замѣнить добродѣтель. И теперь такъ же гордость сдѣлала чудо, которое должна бы была сдѣлать добродѣтель.

Онъ былъ готовъ, безъ энтузіазма правда, но и безъ трепета, какъ порядочный человѣкъ, идущій на дуэль — менѣе по увлеченію, чѣмъ по необходимости. Только на что рѣшиться? Работать? сказать это легко, но вѣдь надобно же умѣть что нибудь дѣлать. Вырѣзывать игрушки? Это было хорошо въ Нюрнбергѣ, отечествѣ игрушекъ. Если бы въ то время литература успѣла снизить уже на степень ремесла, то Морисъ бы ею непремѣнно занялся, и у насъ было бы однимъ великимъ писателемъ болѣе. Уставши думать, Морисъ хотѣлъ посоветоваться съ кузиной, молодая дѣвушка кротко отвѣчала ему:

— Къ чему торопиться? Вы еще слабы и больны, соберитесь съ силами, остальное все придетъ послѣ, я буду покамѣсть работать за васъ.

Разумѣется, такія слова могли только раздражить гордость Мориса.

X.

Во флигелѣ того-же дома, прямо противъ чердака, гдѣ жили Морисъ и Мадлена, были прескромныя комнаты, гдѣ жило семейство молодыхъ ремесленниковъ. Столяръ ремесломъ, мужъ, назывался Пьеръ Марсо. Это былъ добрый и красивый малый лѣтъ 25, всегда веселый, съ откровенной и простой наружностью; жена его была молодая женщина, пѣла часто въ полголоса

какую-нибудь пѣсню Беранже, одну изъ этихъ безсмертныхъ пѣсень: не прерывая работъ, молодой человекъ повторялъ за нею ея припѣвъ энергическимъ голосомъ. Когда день кончался, хорошенькая хозяйка занималась приготовленіями къ ужину.

Опершись на окно, Морисъ часто смотрѣлъ на этотъ честный и мирный рабочій бытъ. Не потому, чтобы онъ находилъ въ этомъ какой-нибудь интересъ, или искалъ спасительнаго урока, но просто—отъ праздности. Съ своей стороны Мадлена тоже замѣчала, но только находила въ этомъ таинственное очарованіе: она скоро сблизилась съ семействомъ ремесленниковъ и баловала дѣтей. Разъ какъ-то работая, Марсо съ отчаяніемъ отбросилъ свои инструменты. Жена подошла къ нему, но онъ оттолкнулъ ее и она принялась плакать. Увидѣвши эту сцену, Мадлена пошла къ нимъ.

— Ахъ, сударыня! сказала молодая женщина, которую она спросила первая — вотъ въ чемъ дѣло. Мужъ мой работаетъ по заказу, отъ котораго зависитъ все наше будущее, и не можетъ кончить къ вечеру.

Мадлена увидала у окна Мориса, который по знаку ея сошелъ къ ней.

Взгляните, братецъ, сказала она ему, нельзя ли помочь этимъ добрымъ людямъ.

Узнавши въ чемъ дѣло, Морисъ подошелъ къ рѣзьбѣ и нѣсколько минутъ смотрѣлъ на нее со вниманіемъ. Молодой рѣщикъ, жена его и Мадлена, ожидали съ безпокойствомъ. Наконецъ, заворотивши рукава рубашки, не столько отъ доброты душевной, сколько отъ желанія выставиться на сцену, Морисъ схватилъ инструменты.

Черезъ нѣсколько часовъ работа была кончена, и кончено превосходно.

— Вотъ въ чемъ дѣло, сказалъ онъ, опуская рукава рубашки, это было очень не трудно.

— Ахъ сударь, вы мнѣ жизнь спасли! сказалъ мастеровой.

— Мнѣ хочется думать, что вы преувеличиваете, сухо возразилъ Морисъ, иначе это была бы самая скверная услуга съ моей стороны.

И оттолкнувши дѣтей, которые обняли его колѣна своими рученками, онъ ушелъ къ себѣ въ комнату.

Но черезъ нѣсколько дней потомъ, Урсула вбѣжала съ радостью къ Мадленѣ.

— Пойдемте сударыня, пойдемте, вскричала она.

— И она увлекла ее къ комнатѣ молодаго человѣка.

— Что же увидѣла въ щель Мадлена? Самое лучшее зрѣлище, какое только могла она видѣть — Мориса въ блузѣ, за работою — у столярнаго стола.

ЭМЁ ПЕРЮЭЗЪ.

C'est la plus belle chose du monde!...
Peruez.

Люблю твои глаза,
Когда ты ими горе жизни выражаешь —
И — взоръ задумчивый бросаешь
На голубыя небеса...
Люблю твои глаза!

Люблю твои глаза,
Когда томительною страстию сгарая,
Ко мнѣ на грудь прильнешь, о, Перн молодая!
И задрожитъ въ очахъ жемчужная слеза...
Люблю твои глаза!

Люблю твои глаза,
Когда поешь... и будто бы ошибкой
Посмотришь на меня съ доверчивой улыбкой,
И — снова запоешь, моя краса...
Люблю твои глаза!

Люблю твои глаза,
Когда передъ тобой наемникъ чести...
Не смѣетъ онъ сказать ни подлости, ни лести, —
Въ тотъ мигъ, ты величава, какъ гроза!...
О, да! люблю твои глаза!..

А. СЛАВИНЪ.

Каменный Островъ.
Юля 20, 1846.

ОЕДОТЬ, ДА НЕ ТОТЬ,

или

ОШИБКА НЕ ВЪ ПОРУ.

ОРИГИНАЛЬНЫЙ ВОДЕВИЛЬ ВЪ ДВУХЪ ДѢЙСТВІЯХЪ

М. И. Э.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

ПЕТРЪ НИКИФОРОВИЧЪ АРГУСОВЪ, небогатый помѣщикъ.

МАРЬЯ СТЕПАНОВНА, жена его.

СОФЬЯ, дочь ихъ.

КУЗЬМА ВОМИЧЪ ЧЕРСТОВЪ, богатый, пожилой человекъ, женихъ Софьи.

АНДРЕЙ ГРИГОРЬЕВИЧЪ РѢЙСКИЙ, молодой человекъ, влюбленный въ Софью.

АЛЕКСАНДРЪ НИКОЛАЕВИЧЪ ЛУНСКОЙ, } друзья РѢйскаго.

ДМИТРИЙ ФЕДОРОВИЧЪ ЛЪНИНЪ,

СЕРГѢЙ, слуга РѢйскаго.

ИВАНЪ, слуга Черстова.

Дѣйствіе въ одномъ изъ губернскихъ городовъ, а начальныя сцены въ его окрестностяхъ, въ деревнѣ.

=

ДѢЙСТВІЕ ПЕРВОЕ.

Театръ представляетъ садъ, подлѣ дома Аргусовыхъ, съ рѣшеткою и садовыми диванами.

ЯВЛЕНІЕ I.

СОФЯ (*сидитъ задумчиво*).

Признаюсь, хороша жизнь дѣвушки! весела! Въ семнадцать лѣтъ отъ роду не имѣй собственной воли: все слушайся, да повивайся, — даже за-мужь-то выходи за кого прикажутъ. Это очень интересно! И къ чему папашѣ и маменькѣ вмѣшиваться въ эти дѣла? Право они на себя черезъ чуръ много берутъ лишняго.... Какъ счастливы мужчины: они сами могутъ располагать своимъ выборомъ. Почему-же мы не можемъ? вѣдь это ужасная несправедливость. Просто, тиранство! эгоизмъ! Вотъ я полюбилъ Рѣйскаго: онъ такъ милъ, такой хорошенькой, — и что-же изъ этого вышло? Сначала, казалось, были согласны выдать меня за него; другаго побогаче тогда въ виду не было; а послѣ, когда прѣхалъ этотъ неуклюжій, гадкій Черетовъ, бѣдному Рѣйскому, я и не знала, какъ отказали. Но я, ей Богу, не пойду за Черетова, ей Богу, не пойду! — На что онъ мнѣ такой уродъ, брюзга такая! (*въ это время Рѣйскій, разломавъ часть рѣшетки, подходитъ къ Софьѣ*). Ахъ, Боже мой! — Рѣйскій, это вы?

ЯВЛЕНИЕ II.

РѢЙСКІЙ И СОФЬЯ.

рѢЙСКІЙ. Я, я, милая Софья, и если-бы вы знали, какъ счастливъ, я, что вижу васъ. Мнѣ еще не вѣрится, что я точно передъ вами, что это не сонъ.... Но вы блѣдны.... я испугалъ васъ. О ради Бога, одно слово и я тотчасъ-же уйду.

софья. Ахъ, нѣтъ! не уходите... Но я боюсь, васъ увидятъ... Станьте вотъ здѣсь, за деревомъ. Ну, скажите-же мнѣ, гдѣ были вы? Что было съ вами?

рѢЙСКІЙ. Что я вытерпѣлъ, я не въ силахъ рассказать. Горько вспомнить, какъ мучительна, какъ тягостна жизнь моя съ тѣхъ поръ, какъ мнѣ отказали въ вашей рукѣ. Признаюсь, я никогда не ожидалъ такого поступка! Это свинцомъ упало мнѣ на сердцѣ. Я, просто, не знаю, что дѣлать. Постоянно, всякій день брожу я въ окрестностяхъ вашей деревни, съ надеждами, хоть издали увидѣть васъ, встрѣтиться съ вами хоть на прогулкѣ.

софья.* Я всегда дома? Ни куда не хожу.

рѢЙСКІЙ. Да, я не видалъ васъ ни гдѣ, но рѣшился непременно увидѣть — и сегодня, въ первый разъ, мои желанія сбылись. Замѣтивъ васъ въ саду, я опрометью кинулся къ вамъ; но черезъ дворъ пройти нельзя, а кругомъ, эта проклятая рѣшетка — я вырвалъ изъ нея два кола и, съ усиліемъ кое-какъ, протиснулся сюда. О, поймите все мои мученія — и вы пожалѣете меня!

софья. Ахъ, если-бы вы знали, какъ мнѣ жаль васъ! Можете-ли вы сомнѣваться въ моей любви?... Но мнѣ велятъ — и я должна повиноваться....

рѢЙСКІЙ. Вамъ велятъ — забыть меня? отдать руку другому?.. О, не скрывайте, говорите: я уже все знаю!

Да, знаю я, что вамъ велятъ
Супругой мужу быть другому;
Но страсти страшно говорить
Въ моей душѣ, подобно грому.

И громом гряну я какъ — разъ,
 Или мелькну какъ привидѣнье,
 И быстро унесу я васъ
 Въ эдемъ любви и наслажденья.

СОФЬЯ.

Моя душа открыта передъ вами
 Вы знаете ее давно!
 Любя, не быть обманутой мечтами —
 Мое желаніе одно, —
 А вы такъ много счастья мнѣ сулите,
 Что я и вѣрить ужъ боюсь!
 Спѣшите-же — мечты осуществите?
 Я съ ними ввѣкъ не разлучусь.

Рѣйскій. Софья! милая Софья! вы оживляете меня; вы любите меня по прежнему — о, это верхъ моего блаженства! теперь никто не запретитъ мнѣ быть вашимъ... Но скажите одно только, если возможность нашего счастья будетъ зависѣть отъ особенныхъ, необыкновенныхъ мѣръ, рѣшитесь-ли вы?

софья. (*Смущаясь, молчитъ*).

Рѣйскій. А, вы не рѣшитесь? Вы пожертвуете этимъ счастьемъ для видовъ родителей вашихъ на вашего сѣдаго Эндиміона, или Антиноя? такъ его зовутъ? А онъ, конечно, предлагаетъ вамъ свое изношенное сердце и, по крайней-мѣрѣ, тысячь по пяти рублей на каждый годъ своего возраста. Признаюсь, очарованья полновѣсныя и весьма цѣбныя!

софья. О! довольно, Рѣйскій! Вы несправедливы, и чѣмъ-же, Боже мой! я заслужила, что вы обижаете меня сомнѣньемъ и не заслуженной сатирой? Да, вы весьма несправедливы, — Рѣйскій! Можете-ли вы думать, что я вашу любовь, ваше сердце, васъ, промѣняю на золото! О если-бы вы знали, сколько я люблю васъ!

Рѣйскій. Милая, добрая Софья! о простите меня, я такъ растерянь, я не знаю что говорю... Нѣтъ, клянусь вамъ, чувствъ вашихъ я не смѣю унижать. Простите моей вепышкѣ, простите грезамъ разстроеннаго воображенія; но вы уничтожили ихъ вашею любовью, разсѣяли: ихъ и праха не осталось. Теперь я ожидаю отъ васъ — всего!

Я жду, что счастье мой удѣлъ,
 Что торжество — моя награда
 За все, что прежде я терпѣлъ.
 О, это сладкая отрада!
 Я оставляю васъ теперь,
 Чтобъ послѣ вѣкъ не раставаться,
 И *хитро* отворю тамъ дверь;
 Гдѣ *просто* не могу пробраться.

До свиданія! до свиданія! пердъ моего сердца, безцѣнная Софья! мнѣ нельзя долѣе оставаться съ вами: подмѣтятъ — сдѣлають каменную ограду, пожалуй, до облаковъ, такую, что ужъ не перешагнешь на эту сторону. (*цалуетъ руку Софьи и хочетъ уйти, но вблизи отъ нихъ выходитъ Марья Степановна*).

ЯВЛЕНИЕ III.

МАРЬЯ СТЕПАНОВНА И ПРЕЖНІЯ.

МАРЬЯ СТЕПАНОВНА. Прекрасно, Андрей Григорьевичъ! я ни какъ не вообразила сама себя, чтобы вы рѣшились на такіе скандалѣзные пассажи! какъ благородно! тайкомъ приходите туда, гдѣ васъ совѣзмъ не просятъ.

РѢЙСКІЙ. Извините, Марья Степановна, но мнѣ кажется, что я ни чѣмъ не оскорбилъ васъ; напротивъ, я долженъ былъ рѣшиться на это средство.

МАРЬЯ СТЕПАНОВНА. Никогда, сударь, не должны были. Если вамъ отказано отъ дому, то я воображаю сама себя — значитъ и отъ саду также отказано.

РѢЙСКІЙ. Да въ самомъ дѣлѣ, потому, что и садъ принадлежитъ также къ дому?... Но послушайте, Марья Степановна! вы такъ добры... умоляю васъ....

МАРЬЯ СТЕПАНОВНА (*прерывая*). Нечего, сударь, отъ васъ слушать... извольте оставить насъ.... больше ничего.

СОФЬЯ. Маменька, за что вы такъ сердитесь? Андрей Григорьевичъ только сію минуту вошелъ.

МАРЬЯ СТЕПАНОВНА. Хорошо, матушка! Съ тобой-то я справлюсь; я тебѣ покажу эти тайныя свиданія. Ахъ, ты безстыдница!

рѣйскій. Марья Степановна! Оскорбляйте одного меня; я все готовъ вытерпѣть, но за что обижать Софью Петровну: она не знала, она даже не видала, какъ я вошелъ сюда.

МАРЬЯ СТЕПАНОВНА. Вамъ нѣтъ до нее дѣла! говорятъ вамъ толкомъ! оставьте насъ и не смѣйте показываться.

рѣйскій (*пожавъ плечамъ*). Повинуюсь, сударыня! Мое почтеніе! (*уходитъ*).

ЯВЛЕНІЕ IV.

МАРЬЯ СТЕПАНОВНА И СОФЬЯ.

МАРЬЯ СТЕПАНОВНА. Ахъ Боже мой! да онъ настоящій озарникъ! стыда въ немъ ни капли капельной, ни зернушка. А ты страпница, связалась съ кѣмъ! да и въ кого ты такая? Я, бывало, не знала какъ спрятаться отъ Петра Никифоровича, когда онъ сватался за меня: забьюсь, бывало, нарочно на чердакъ или въ кладовую. Ищутъ, бывало, ищутъ меня, да съ тѣмъ и уйдутъ, что не доищутся; а ты, растаяла здѣсь. Пойду все расскажу Петру Никифоровичу. Пускай порадуется... Хороша, голубушка, хороша!

СОФЬЯ. Маменька, пощадите меня! я, право не виновата; не говорите папенькѣ.

В
М
Ѣ
С
Т
Ѣ.

Какая польза будетъ въ томъ,
Когда ему передадите,
Что съ Рѣйскимъ были мы вдвоемъ,—
Ахъ, нѣтъ! прошу — не говорите.
Я умоляю васъ, какъ мать,
Простить меня и не сердиться,
Скорѣй Черстову отказать,
А съ милымъ Рѣйскимъ помириться.

МАРЬЯ СТЕПАНОВНА.

Проучить пусть тебя путемъ!
Скажу: подите-ко взгляните,
Какъ дочь проказить за угломъ,
Да ей порядкомъ пригрозите,
О комъ нельзя и помышлять —
Она изволить съ тѣмъ водиться,
Въ саду, за деревомъ, шептать...
Ну, долго-ль тутъ бѣдѣ случиться?

(*Уходитъ*).

ЯВЛЕНИЕ V.

софья. Боже мой! что надѣлалъ Рѣйской! Его страсть не доведеть до добра. Онъ любить меня; я это знаю.. но.. папенька и маменька уже дали слово Черстову. Не знаю, что будетъ со мной. Рѣйскій слишкомъ надѣется на себя; но какія онъ средства употребить! что онъ въ силахъ сдѣлать? А между тѣмъ намъ даже запрещено видѣться.

Видно въ будущемъ далекомъ
 Съ нимъ придется розно быть,
 И въ раздумьѣ одинокомъ
 О немъ слезку уронить.
 Какъ жестоко, что судьбою
 Всѣ мы воли лишены
 И не властны надъ собою,
 А покорствовать должны.
 Видно старая метода
 Возвращается опять,
 И опять настанетъ мода
 Въ терема насъ заперать.

ЯВЛЕНИЕ VI.

СОФЬЯ, АРГУСОВЪ, МАРЬЯ СТЕПАНОВНА, ЧЕРСТОВЪ. (*Въ-продолженіе словъ Марьи Степановны, Аргусовъ кланяется Софьѣ*).

МАРЬЯ СТЕПАНОВНА. Что ты все скучаешь, Сонюшка? Будь весела, мой другъ. Въ твои лѣта не о чемъ скучать....

СОФЬЯ (*въ-сторону*). А! должно быть не сказала папенькѣ: Черстовъ попался на встрѣчу... (*матери*). Я не скучаю маменька, но... мнѣ такъ что-то грустно.

МАРЬЯ СТЕПАНОВНА. Вотъ новость! будто грусть лучше скуки? Будто это не одно и тоже?

АРГУСОВЪ. Что ты не скучаешь — это прекрасно, но не надобно и грустить, что за грусть! (*Черстову*). Сядемте-ко, батюшка, Кузьма Фомичъ, по отдохнемъ немного.

Черстовъ. Да, батюшка, Петръ Никифоровичъ, съ вашего позволенія, надо присѣсть.

Аргусовъ. Помилуйте! что за позволенія между нами. Мы просимъ васъ располагать собою, какъ вамъ заблагоразсудится, не церемоньтесь.

Черстовъ. Я и такъ безъ церемоніи, да у меня, батюшка, поговорка такая. Что ты будешь дѣлать: на службѣ привыкъ — и никакъ не отвыкну. А тамъ, изволите знать, сами служили, безъ позволенія ни чего не дѣлается. Въ наше время бывало строго, во всемъ соблюдалась субурдивація! Служилъ-же я подъ начальствомъ почетныхъ людей; крѣгъ-коммисаръ-генерала: тамъ ужъ не зашумишь! Всякое дѣло, и по службѣ — и не по службѣ — все, бывало, Ваше Превосходительство!... съ вашего позволенія?

Аргусовъ. Такъ, почтеннѣйшій Кузьма Оомичъ, въ наше время такъ бывало. А посмотри-ко батюшка, на нынѣшнюю молодежь — бѣду творять!

Черстовъ. Дивлюсь не мало, какъ нынче ослабѣла дисциплина. У насъ, бывало, передъ начальникомъ — въ струнку! служба была — настоящая служба! Да, что и говорить о службѣ. Даже, бывало, когда генералъ именинникъ и пригласятъ къ себѣ на закуску; именины и партикулярное дѣло, а и тутъ такое-же чивопочитаніе. На-примѣръ, подносятъ, бывало, водку — возьмешься за рюмку, да и смотришь на генерала... Ваше Превосходительство!... съ вашего позволенія! А онъ бывало эдакъ кивнетъ головой; (*киваетъ головой*). А ужъ если скажетъ:» пожалуйста, дискать, любезнѣйшій! то вѣрите-ли — съ какимъ удовольствіемъ выпьешь — и горечи во-рту со всѣмъ не слышишь. Кажется, цѣлый-бы графинъ хватилъ разомъ за здоровье милостиваго начальника.

Аргусовъ. Такъ, дорогой Кузьма Оомичъ! А нынче-то какая перемяна! Начальникъ сажаетъ съ собой рядомъ какого-нибудь мальчика 14 или 12 го класса, который еще не брился ни разу, и онъ, что-жъ вы думаете? По первому приглашенію — сѣлъ и пошелъ разсказывать на стулѣ, будто дома.

Черстовъ. Нѣтъ, Петръ Никифоровичъ, намъ бывало, начальникъ раза три — весьма-ласково скажетъ: «садись! а сѣсть все не смѣешь; ей Богу не смѣешь: Причтутъ къ самовольству или къ невѣжеству». Развѣ ужъ прикрикнетъ: «да садись-же, братецъ! тогда хоть и присядешь, чтобы въ ослушанье не вмѣнили, да ужъ молчишь, ни гугу! а если спросить, о чемъ,

со стула не станешь отвѣчать, ей Богу нѣтъ! Въ подушкѣхъ подь тобою вотъ, словно землетрясеніе, такъ какъ будто бы ей Богу какое-то землетрясеніе — такъ вотъ колыхнетъ тебя, что безъ памяти вскочишь и отвѣтишь по формѣ, дискать стоючи».

аргусовъ. Да, батюшка, да! прежде такъ водилось.... Ну, что отдохнули-ль вы, по освѣжились-ли? Здѣсь не много прохладнѣе, а все-таки жарко. Вотъ времечко, почтеннѣйшій Кузьма Ѳомичъ, преблагословенное! въ прошломъ году такого совѣтъ не было.

марья степановна. За то ужъ и скука какая была: все только дождь, да дождь. Это ужасно! Воображая я сама себя.

черстовъ. Ужъ о времени, матушка Марья Степановна, и говорить нечего: ужасъ какъ жарко. Вы не повѣрите: день деньскоій потъ такъ вотъ и катится градомъ; меня, съ вашего позволенія, хоть выжми: весь мокрехонекъ..... (*Обращаясь къ Софьѣ*). Чтѣ-же вы, драгоценнѣйшая Софья Петровна, все молчите, да молчите? Побесѣдовали-бы съ нами о чемъ-нибудь, хотя-бы касательно погоды....

софья (*принужденно*). Да-съ; погода хороша.

аргусовъ. Гдѣ мы, да вы, дорогой Кузьма Ѳомичъ, тамъ ей всегда погода хороша.

черстовъ. Ужъ будто тамъ, гдѣ и я? Такъ-ли, матушка, Софья Петровна, съ вашего позволенія.

марья степановна. Помилуйте! можно-ли же исключить васъ? Мы составляемъ одно семейство съ-тѣхъ-поръ, какъ вы изволили сдѣлаться ея женихомъ.

софья. Я уже говорила вамъ, маменька, что я ни за кого не пойду за-мужъ. Для чего-же вамъ хочется, противъ моего желанія, располагать моею рукой?

аргусовъ. Для твоего счастья, котораго откладывать не должно, когда оно само тебя ищетъ.

софья. Однако, папенька, согласитесь, что тяжело вѣрить въ такое счастье, которое ничего не обѣщаетъ въ будущемъ.

марья степановна. Ты еще слишкомъ молода разсуждать о такихъ вещахъ; ты не должна еще понимать, чтѣ такое будущее, воображая я сама себя.

черстовъ (*подойдя къ Софьѣ*). За чтѣ-же, сударыня, этакое не расположеніе? Въ будущемъ кажется не предвидится, съ вашего позволенія, ничего неприятнаго. Смѣю увѣрить, что я въ состояннн доставить вамъ всякія утѣхи, т. е., что только вамъ угодно будетъ; только скажите, съ вашего позволенія. Напримѣръ: лошадей, экипажи, шляпки, чепчи.

ки.... вообще, все, что нужно для забавы, вы будете имѣть. А дальше, какъ поживемъ, да какъ.... съ вашего позволенія.... т. е., я говорю о томъ.... какія въ супружествѣ бываютъ эдакія пріятныя утѣшенія.... Изволите понимать-съ?

софья. Оставьте меня, пожалуйста, я ни чего не могу понимать.

черстовъ. Какъ-же такъ-съ? Разумѣется, само собою, что счастье и утѣшенія супружескія въ томъ, когда.... съ вашего позволенія.... заведутся, этакъ, крошки, одинъ другаго меньше.... мальчишка вцѣпится тебѣ въ волоса, дѣвчонка глаза царапаетъ или трясеть за носъ.... Ухъ, ты, Господи! Подымуть кругомъ такую кутерьму, разутѣшутъ на пропадую!.... Вотъ-съ о чемъ я говорю. Тогда матушка, Софья Петровна, сами забудете объ лишнихъ шляпкахъ, да о попрыгушкахъ; а теперь покуда, Господь съ вами, веселитесь.

Бѣда ей-ей не велика
 Что я лѣтами васъ старѣе,
 И не бракуйте старика,
 А дайте ручку поскорѣе.
 Вѣдь проку мало въ молодыхъ:
 Они вдругъ вспыхнуть и растають;
 Да какъ остынуть — на другихъ
 Они васъ тотчасъ промѣняютъ.
 А то-ли дѣло мужъ въ лѣтахъ,
 Всегда солидный и степенный,
 Не сорванецъ, не вертопрахъ,
 А, такъ сказать — ужъ неизмѣнный!
 Что я немножко съдовать,
 Объ этомъ я не сокрушаюсь:
 Долгъ мужа, вѣрите, какъ подрядъ,
 Исполнить славно постараюсь:
 И если вывести намъ расчетъ,
 Вы не въ накладѣ остаетесь;
 А на меня, какъ разъ начеть,
 Когда не чисто разочтетесь

Да-съ!..... Съ вашего позволенія..... я весьма хорошо понимаю, что у насъ съ вами дѣло безъ всякаго контракта и что супружескія обязанности, не то, что поставка казенныхъ вещей, не обезпечиваются взысканіемъ, въ случаѣ не устойки. (Въ-сто-

рону). Да я на этотъ счетъ и самъ не промахъ: буду смотрѣть, да и смотрѣть! У насъ, по комиссаріатской части, и не такія плутни водились, а меня, бывало ни подрядчикъ, ни фабрикантъ, не проведутъ! Стара штука!

Аргусовъ. О чемъ вы беспокоитесь, батюшка! Слушайте ее, вѣдь у дѣвушекъ у всѣхъ одна пѣсня. Вотъ, не далеко искать, моя Марья Степановна; когда я за нея сватался, куда тебѣ, приступу не было! бѣгала отъ меня, словно отъ медвѣдя, а какъ женился, такъ на другой-же день совсѣмъ другое пошло: старого и въ поминѣ не было. И вотъ, ужъ почти тридцать пять лѣтъ, какъ мы живемъ, что называется, душа въ душу. А дѣвушки, охъ, мастерицы притворяться!

Марья Степановна. Наша Софьчка, я увѣрена, не умѣетъ притворяться; она только робка; это пройдетъ съ лѣтами; она еще очень молода... у ней все еще рѣзвость въ головѣ, но она добра и послушна.

Черстовъ. Вотъ то-то и дорого матушка, Марья Степановна! Съ вашего позволенія, гдѣ послушаніе законнымъ властямъ, тамъ все и доброе: это и по службѣ у насъ такъ бывало, съ вашего позволенія.

Аргусовъ. Однакожь пойдемте-ко Кузьма Ѳомичъ; намъ пора ужъ и въ городъ. Лошади давно готовы. (*Уходятъ всѣ*).

Черстовъ. Готовъ, съ вашего позволенія. Софья Петровна, пожалуйста поцѣловать ручку, съ вашего позволенія. (*Целуетъ ручку.—Уходитъ*).

Перемѣна. Квартира Рѣйскаго. Комната, просто меблированная; на одной сторонѣ письменный столъ; двое дверей: одни противъ зрителей, другія боковыя.

ЯВЛЕНІЕ VII.

Рѣйскій (*садится за столъ и пишетъ. — Сложивъ написанную бумагу, вскакиваетъ*). Чортъ побери! Или это все во снѣ грезилось, или я ничего не понимаю, или просто обезумѣлъ!.... Видѣлъ ее, говорилъ, бѣсился, торжествовалъ—и ничего не сказалъ дѣльнаго.... Надобно признаться, что я сегодня сумасшедшій. Эта безотвязная маменька, настоящій квартальный надзиратель! Ступить не успѣешь, а она ужъ тутъ, какъ снѣгъ на голову.... Но.... время еще не ушло. Я могу еще все

уладить: затрудненій, кажется, нѣтъ. Она такъ мило, такъ искренно увѣряла меня въ своей любви, что я... Опять къ тому-же заключенію: что я оттого обезумѣлъ. Впрочемъ, стоить только дѣйствовать рѣшительнѣй, смѣлѣй — и она моя!

ЯВЛЕНИЕ VIII.

РѢЙСКІЙ И ЛУНСКІЙ.

РѢЙСКІЙ. Здравствуй, Александръ! здоровъ-ли ты? Я тебя всеѣмъ не ждалъ; я въ ужасныхъ хлопотахъ, но клянусь, ты въ пору пришелъ, въ такую пору, что въ другое время я не былъ-бы тебѣ столько радъ, хоть-бы ждалъ тебя цѣлыя сутки не бѣвши и не спавши.

ЛУНСКІЙ. Совершенно согласенъ. Въ подобномъ положеніи, я самъ захотѣлъ-бы прежде поѣсть хорошенько, а потомъ выспаться. Однако, почему теперь ты такъ обрадовался мнѣ? Понимаю, есть какая нибудь завѣтная бездѣлка? Вѣдь ты не въ первый разъ отъ нихъ съ ума сходишь.

РѢЙСКІЙ. Вотъ то-то, ты всегда не въ-попадъ отгадываешь. Я докажу тебѣ, что теперь я и взбѣшенъ, и въ восторгѣ, всеѣмъ не отъ бездѣлки, а отъ такого важнаго дѣла, важнѣе котораго во всю жизнь не дѣлалъ, но сдѣлаю непременно, и не дамъ, какъ завтра ночью.

ЛУНСКІЙ. Ночью? Ха, ха, ха. Да, ночное дѣло, должно быть очень важное, по-крайней-мѣрѣ, ужъ если не важное, такъ очень милое и нѣжное? Такъ, я думаю вѣрнѣй?

РѢЙСКІЙ. Правда; но только очень важно прежде, нежели мило и нѣжно.

ЛУНСКІЙ. Поздравляю тебя напередъ, но не понимаю важности твоей ночной экспедиціи.

РѢЙСКІЙ. Какъ-же, мой снѣгъ, понять тебѣ, ничего не зная, когда, я, зная все, самъ едва понималъ, что надо дѣлать... Впрочемъ, лучше всякихъ объясненій, на, прочти это письмо, — оно познакомитъ тебя со всеѣмъ. *(Подаетъ ему письмо)*:

ЛУНСКІЙ *(читаетъ вслухъ, комически)*. «Прелестная, безцѣпная, Софья Петровна!» Только? а я думалъ, что эта вся страница посвящена эпитетамъ». *(Читаетъ)*. «Полнота чувствъ, восторгъ свиданія съ вами сегодня, въ саду, отняли у

меня всё умственные способности». Это кетати, безъ ума всегда скорбій глупостей надѣлаешь. (*Читаетъ*). «Я постигаю всё ужасы, которые грозятъ намъ; но мы ихъ отвратимъ, не откажитесь только дѣйствовать со мною за-одно. Вы дали слово, не отвергать ничего, что будетъ въ вашей волѣ: въ вашей волѣ — все! Будьте только рѣшительны». Вотъ это умно сказано! Я и самъ ненавижу нерѣшительныхъ женщинъ. (*Читаетъ*). «Намѣреніе вашихъ родителей, отдать васъ за Черстова, за этого стараго богача, не позволяетъ мнѣ дѣйствовать открыто. Завтра ночью, въ половинѣ двѣнадцатаго, въ рошѣ, за заднею калиткой дома, будетъ стоять коляска. Я, съ двумя друзьями, на которыхъ вы можете положиться, подойдемъ къ окну вашей комнаты. Вы должны непременно выйти и уѣхать съ нами. Черезъ нѣсколько минутъ мы будемъ принадлежать другъ-другу вѣчно! Рѣшитесь для счастья, для жизни вашего вѣрнаго до гроба». Да, и неизмѣннаго — до первой оказіи. Объ этомъ, разумѣется, никогда не пишется, но подразумѣвать всегда должно.... Какъ тутъ не рѣшиться? Ну, Рѣйскій, воля твоя, а теперь я разпоряжусь по-своему. Сергѣй!

ЯВЛЕНИЕ IX.

РѢЙСКІЙ, ЛУНСКІЙ, СЕРГѢЙ.

СЕРГѢЙ. Чтó прикажите, сударь?

ЛУНСКІЙ. Бѣги, братецъ, опрометью къ лекарю; если не найдешь лекаря — къ цирюльнику; только изъ нихъ кого-нибудь непременно приведи сюда. Твой баринъ съ ума сошелъ.

СЕРГѢЙ (*бросаясь къ Рейскому*). Батюшка! Андрей Григорьевичъ! Чтó-же это вы, сударь, вздумали?

РѢЙСКІЙ. Вы оба съ ума спятили, а не я. Оставь насъ.

ЯВЛЕНИЕ X.

РѢЙСКІЙ, ЛУНСКІЙ.

РѢЙСКІЙ. Не стыдно-ли тебѣ, Александръ! Ты видишь, я въ крайности, я страдаю, а ты не перестаешь вздоръ городить.

лунскій. Очень вижу все, и потому-то не хочу откладывать пособія. Одно средство, или ты долженъ проглотить на гривенникъ англійской соли, или должно выпустить изъ тебя побольше крови; тогда, авось, ты не придешь-ли въ разумъ.

рѣйскій. Повторяю, оставь свои шутки, мнѣ, право, не до нихъ.

лунскій. Вѣрю. Въ горячкѣ многіе очень серьезно поступаютъ, да это вредно для здоровья, и для того имъ пускаютъ кровь или даютъ слабительныя. А ты рѣшительно въ бреду. Обсудилъ-ли ты хорошенько, на что рѣшаешься, и можешь-ли ты въ томъ успѣть?

рѣйскій. Объ этомъ не беспокойся. Софья дала слово, употребить все, что будетъ въ ея волѣ. А уѣхать развѣ не въ ея волѣ? На что-же лучше? Да ты читалъ: въ писемѣ все это есть; я ей напоминаю. Я сегодня видѣлъ ее, говорилъ съ ней.

лунскій. Видѣлъ, говорилъ — и въ дополненіе еще пишетъ! Что за глупый народъ — эти влюбленные!

Влюбленныхъ можно угадать
Безъ наблюдательнаго взора!
Они, что шагъ, то пропасть вздора
Готовы тотчасъ наказать.
Ты говорилъ съ ней безъ умолку,
Но многоль дѣльнаго сказалъ?
Ты прибѣжалъ и убѣжалъ —
И ничего не вышло толку.

рѣйскій.

Мнѣ время не было о планѣ
Подробно Софѣѣ рассказать;
Разсудокъ мой блуждалъ въ туманѣ,
И чувства лишь могли сіять.
О сила красоты земной!
О власть любви моея чудесной!
Я вашъ невольникъ безсловесный,
Слуга покорный и слѣпой.

лунскій. Что слѣпой—это правда, но ужъ черезъ-чуръ словесный. Послушай; можешь, ты испробуй-ка лучше средства повѣрѣе:

посватайся еще разъ; пристань покороче, — что за бѣда! Иначе, съ своею горячкой, ты ничего не сдѣлаешь, кромѣ глупостей; я даже опасаюсь неприятностей.

рѣйскій. Нѣтъ, другъ мой, въ ненастье ѣздить въ открытомъ экипажѣ, нынче не въ модѣ. А Черстовъ на Софьиныхъ старичковъ чудесно припрыснулъ золотымъ дождемъ, который, навѣрное, промочилъ ихъ самымъ чувствительнымъ образомъ. Теперь они ни за что на свѣтѣ не захотятъ разстаться съ этой живительною влагой и промѣнять ее на сушильную моихъ чувствъ. Пускай они, покуда, мокнутъ, а я прикроюсь. Да, мнѣ непременно должно дѣйствовать по своему плану, и завтра-же, а иначе будетъ поздно. Черстовъ уѣзжаетъ скоро, значить они спѣшатъ сбить Софью съ рукъ на руки, — ждуть вѣкогда: спроворилъ поскорѣй — ура! наша взяла! — и дѣло въ шляпѣ! Они увѣрены, что такую хорошенькую дочку, какова Софья, можно пустить очень выгодно.

Ты не знаешь, какъ ведется,
И какъ цѣнять красоту?
Красота, вѣдь не дается,
Словно птичка на лету.
А прикажутъ ей спуститься
На звѣзду, на эполетъ;
Съ парикомъ велеть ужиться,
Иль укажутъ на скелеть.
На подагру на подушкѣ,
На бессмысленный лорнетъ
Иль ниня побрякушки;
На сіяніе сіятельствъ
Иль крестьянъ на сотни душъ,
Безъ разбора обстоятельствъ,
Безъ сужденья: что есть мужъ?
Только-бъ видѣли приманку:
Гдѣ есть съ деньгами мѣшокъ,
Гдѣ дѣла не на изнанку,
Тамъ премилый женишокъ —
Будь осель первостатейный,
Будь уродъ онъ или глупецъ,
Его втянуть въ кругъ семейный
И отправятъ подъ вѣнецъ.
Гдѣжь душа безъ душъ ревизскихъ,

Гдѣ въ карманѣ ни гроша,
 И доходовъ гдѣ нѣтъ чистыхъ,
 Тамъ, другъ, мало барыша.
 И по этому расчету:
 Гдѣ богатство тамъ и — честь;
 Должно взять такую ноту,
 Чтобъ мать ея... провестъ.

Правда, это, порой, не совѣмъ легко, не всегда и трудно, и я рѣшился провестъ Аргусовыхъ: иначе не сладншь съ этими оригиналами. Головы у обоихъ, признаюсь!... Я даже не понимаю, отъ чего у нихъ дочь такая милочка... Нехотя согласншься, что и простаки не во всемъ бываютъ просты.

лувской. Да о чемъ-же тутъ и разсуждать? Вздумалъ провѣсти, увезти и вывезти — и кончено!

рѣйскій. Да, иначе не обойдешься съ ними. Вѣдь ихъ ни чемъ не урезонишь! Я рѣшился и поставлю на своемъ.

лувской. Рѣшился! Экая огненная голова! Но средства гдѣ? Какъ это сдѣлать? У тебя даже коляски нѣтъ.

рѣйскій. Коляска будетъ Лѣнина. Онъ самъ поѣдетъ въ ней съ Софьею; а мы съ тобою верхами прогалопируемъ.

лувскій. И я? Какъ-же, въ качествѣ твоего стремяннаго? Дальше что?

рѣйскій. Перестань дичь молоть, и слушай не шутя. Намъ непременно должно быть верхами, изъ предосторожности, знаешь, изъ предусмотрительности. Положимъ, что побѣгъ Софьи тотчасъ замѣтятъ и сдѣлаютъ погоню; положимъ, что насъ нагоняютъ; а ѣдемъ мы, ты знаешь, по берегу, около самой рѣки. Тогда мы хватаемъ Софью на руки и прямо въ рѣку — вплавь, на другой берегъ. Лошади лихія — вынесутъ! а тамъ, проскакать съ верету, и мы въ безопасномъ мѣстѣ. Пока они объѣдутъ на мостъ и, другимъ берегомъ обратно, что составитъ около пятнадцати верстъ, о я ужъ обвѣнчаюсь. А если не погонятся, мы преспокойно пройдемъ сухимъ путемъ.... Но.... надо быть готовымъ ко всему. у меня все обдуманно.

лувскій. И какъ превосходно! Только Софью Потровну, если случится, пожалуйста, ты самъ вези черезъ рѣку, а я останусь на берегу. Это знаешь, даже необходимо для удержанія погони. Я самымъ отчаяннымъ манеромъ нападу на нихъ, пожалуй.... ну, хоть съ рѣчью Цицерона противъ Катилины; разумеется, паскоро поправлю переводъ. И кто знаетъ, можетъ быть, собою

ихъ съ толку, уговорю не гнаться далѣе; просто, заслону имъ дорогу: не сунутся-жъ на человѣка! Такимъ образомъ отправлю ихъ назадъ, а самъ потомъ, объѣду на мостъ и поспѣшу къ тебѣ. Видишь: и у меня прекрасно обдумано!

рѣйскій. Не возражая на твои нелѣпицы, я увѣренъ, что мы всѣ пройдемъ благополучно; однакожь приготовиться не мѣшаетъ и отговорку твою я принимаю за шутку. Я знаю, что ты не трусъ и въ необходимости смѣло вскочишь въ воду.

лунскій. Я не заслуживаю упрека въ трусости, по согласенъ, что я могу-же утонуть и съ самой отчаянной смѣлостью.

Пусть ты влюбленъ: тебѣ вода,
Въ жару любви, вредить не можетъ;
А для меня рѣка — бѣда!
И много мостъ на ней поможетъ.
И для чегобъ мостить мосты,
Когда-бы люди всѣ влюблялись?

РѢЙСКІЙ.

Да развѣ не было-бъ воды?

ЛУНСКІЙ.

Любовью-бъ рѣки осушались:

рѣйскій. Кажется, мы не споемся на одинъ ладъ; но я не отступлюсь отъ своихъ намѣреній. Ты совѣтуй мнѣ все, что хочешь; я все буду слушать, а ты, пожалуйста, сдѣлай то, что мнѣ надобно. Именно — пособи утащить Софью и больше я ничего не прошу.

лунскій (*въ сторону*). Да, простякъ, просить сущую бездѣлку. (*Рѣйскому*). Хорошо, изволь, я твой! Только ужъ въ планы не вмѣшиваюсь: это пусть останется по твоей части.

рѣйскій. Милый Александръ! Я всегда вѣрилъ и вѣрю твоей дружбѣ.

лунскій. Боже мой! Какой сталъ чувствительный! Милый Александръ! О вы, друзья друзья! по оставимъ это. — Если ты

окрестилъ меня въ вѣрные твои друзья, то пожалуйста награди меня чиномъ шафера.

рѣйскій. О, безъ сомнѣнiя, кромѣ тебя, никто не будетъ монимъ шаферомъ.

лунскій. Я что-то сомнѣваюсь въ этомъ, потому что я вѣдь хочу быть шаферомъ Софьи Петровны, а не твоимъ.

рѣйской. Пожалуй себѣ и такъ.... Но пора дѣломъ заняться.
(Печатаеть письмо облаткою).

лунскій. Какъ же ты передашь письмо?

рѣйскій. Почталiонъ, братецъ, будетъ вѣрный, не хлопочи: Аргусовыхъ-же человекъ. Я посылалъ за нимъ: теперь старики вѣрно спать, и онъ скоро долженъ быть.

лунскій. Смотри, можно-ли довѣрить? Какое челоуѣкъ?

рѣйскій. Чортъ его знаетъ! Я его ни разу не видалъ; Сергѣй мой познакомился съ нимъ, узналъ, что его зовутъ Ивановъ, и что онъ здѣсь недавно, тѣмъ лучше: какъ новичокъ, проста, онъ обрабатываетъ всё, особенно за деньги и.... да что распространяться, узнаешь послѣ: все разскажу. Ужъ не дадимъ промаха.

лунскій. Посмотримъ; работай! А между тѣмъ до свиданiя!

ЯВЛЕНIЕ XI.

рѣйскій.

Наконецъ, я волей или не волей, вырву мою Софью изъ рукъ этого стараго черта Черстова. Эхъ! если это удастся! Чувствую, что удастся; теперь кажется все улажено! Каково будетъ положенiе папеньки и маменьки? Проснутся послѣ-завтра, и дочка не встрѣтитъ ихъ, по обыкновенiю, съ желанiемъ добраго утра. Я уважалъ ихъ отъ души, но теперь надобно проучить ихъ! О это ихъ взбѣситъ! Они отъ роду не знали сильныхъ ощущенiй, и теперь я посвящу ихъ въ эти таинства! пускай попробуютъ. Мнѣ жалко будущую мою маменьку. Ей сердечной, горче всѣхъ будетъ. Хватится своей Софьишки: туда сюда — нѣтъ ни гдѣ! Испугъ поразитъ ее сильнѣйшимъ образомъ; обдастъ вдругъ и жаромъ, и холодомъ. Тутъ она ахнетъ разъ двадцать и, наконецъ зареветъ благимъ матомъ. Ничего! послѣ помиримся. Жаль одного: некому будетъ крикнуть: «Браво! Браво! Марья Степановна, — продолжайте!...» Ну, да, я думаю, она и безъ того не

вдругъ уймется. Впрочемъ, пусть она дѣлаетъ, что хочетъ, только бы мнѣ сдѣлать свое; только-бы Софья была моя! Да; она будетъ моею — я докажу это!

Не безчестно быть тамъ воровъ,
Гдѣ свое должно украсть;
Будь она хоть подъ надзоромъ,
Мы надуемъ эту власть.
О, знакомъ я съ тономъ свѣта;
Знаю: онъ на чемъ стоитъ;
Кто не дремлетъ до разсвѣта.
И кто днемъ спокойно спитъ.
Я видалъ, хоть стороною,
Много хитростей — сътей
И умъные жонъ, порою,
Въ колпаки ридить мужей.
Нынче такъ обыкновенно
Надувать родныхъ, друзей;
Будь лишь ловокъ — незамѣтно
Все сойдетъ съ рукъ — ей-же, ей!

ЯВЛЕНІЕ XII.

РѢЙСКІЙ И СЕРГѢЙ.

СЕРГѢЙ. Привелъ, сударь, Ивана.
РѢЙСКІЙ. Давай его сюда! *(Сергей уходитъ).*

ЯВЛЕНІЕ XIII.

РѢЙСКІЙ И ИВАНЪ.

РѢЙСКІЙ. Здравствуй, любезный! Тебя зовуть Иваномъ?
ИВАНЪ. Точно такъ, сударь; что прикажете?
РѢЙСКІЙ. Очень не многое.... мнѣ хотѣлось-бы поручить тебѣ;
бездѣлицу... но это очень важно.... Впрочемъ, для тебя это пустяки;

при томъ легко и приятно, потому, что за это ты будешь щедро награжденъ. Только братецъ исполни вѣрно.

иванъ. Помилуйте, сударь, попробуйте, извольте приказать; а тамъ ужъ не беспокойтесь: это наше дѣло.

рѣйскій. Вижу, любезный, что ты парень смышленой; смотри-жь! я на тебя полагаюсь.... Вотъ тебѣ, на первый разъ два цѣлковыхъ (*Отдаетъ*) И вотъ письмо: доставь его своей барышнѣ; но какъ можно осторожнѣе; понимаешь? Чтобы никто не зналъ и не видалъ — Боже сохрани! А если доставишь отвѣтъ отъ нее, то вдвое, въ четверо больше получишь.

иванъ. Покорнѣйше благодаримъ, сударь; извольте быть спокойны: все сдѣлаю и отвѣтъ доставлю.

рѣйскій. Я увѣренъ въ твоей смѣтливости; только пожалуйста, любезный, по аккуратнѣй. Вѣдь для тебя-же будетъ лучше. Смотри-же! (*Уходитъ*).

ЯВЛЕНИЕ XIV.

иванъ. Не было ни гроша — вдругъ алтынъ! Письмо какое-то и два целковика: и во-спѣ не грезился; какъ съ неба упали! Куда хорошо баринъ сдѣлалъ, что остался ночевать въ городѣ съ Петромъ Никифоровичемъ; а то не видать-бы мнѣ этой благодати. (*Любуясь деньгами*). А какіе-же хорошенькіе! новенькіе, не вытертые, какъ ясное солнышко, и видно, что не изъ жидовскихъ рукъ. За то и я съ ними обойдусь, какъ слѣдуетъ православному: сейчасъ-же заверну въ харчевню; даже въ трахтиръ зайти не стыдно: есть съ чѣмъ, будетъ съ насъ, покуда. Ай-да я!.... Но вотъ бѣда, съ письмомъ-то, что дѣлать? Куда его дѣвать? Не худо-бы и къ барышнѣ; вѣдь въ четверо больше-бы заработалъ; да къ какой барышнѣ? Этакой взбалмашной—не скажешь, къ какой барышнѣ-то? а ужъ ей Богу сколько сортовъ и сколько разношерстныхъ есть этихъ барышенъ. Къ барышнѣ, а къ какой? спросить-то признаться, я посоветился. Иногда за невѣдѣніе, мало того отберутъ все назадъ, да еще начешутъ тебѣ такъ затылицу, что.... и поминай какъ звали! Эхъ, совѣсть ты эдакая, совѣсть! Живи вотъ съ тобой на свѣтѣ! А случай чудесный; во-сто дѣтъ не наживешь эдакаго. Ну, да чтожъ дѣлать! Гдѣ наше не пропадаетъ! А можетъ-быть еще и слажу, какъ-нибудь. А у него-то, у барина-то, батюшки мои, если сколько нибудь тол-

ку!—Сунуль мнѣ деньги и письмо, да и былъ таковъ, словно дѣло сдѣлалъ.

Два пѣлковыхъ — занятые

Безпрѣмѣнно — знаю я;

А затѣи-то какія,

Сказать, то есть, не шутя!

Ищи барышню! Да гдѣ-же?

Мнѣ о томъ вѣдь не сказалъ.

Пусть зоветъ меня невѣжей,

А деньжонки я прибралъ. (*Кладетъ въ карманъ*).

Наша братья такъ сбѣкаютъ:

(Мы на этомъ ужъ живемъ)

Господа долги считаютъ,

Мы-жъ наличнымъ счетъ ведемъ.

ДѢЙСТВІЕ ВТОРОЕ.

Театръ представляетъ прежнюю квартиру Рѣйскаго.

ЯВЛЕНІЕ I.

Рѣйскій (*встревожженный*). Можно-ль вѣрить женщинамъ!.... Увѣряла, клялась! Я съума схожу, тружусь надъ планами; нашелъ вѣрныя средства къ достиженію своихъ намѣреній; передалъ все это ей. Письмо, безъ сомнѣнія, она получила; вотъ ужъ третій день, какъ я его отправилъ, и между-тѣмъ, не прислать отвѣта до-сихъ-поръ! Но я и на это не посмотрѣлъ; можетъ-быть ей нельзя отвѣчать; можетъ-быть, Иванъ занять. Я все-таки свое сдѣлалъ: скачу, лечу, какъ угорѣлой. Въ половинѣ двѣнадцатаго, коляска стояла уже за калиткою ихъ дома.... Все тихо. Подхожу съ Лунскимъ къ ея окну; стучусь—едва слышно, потомъ сильнѣй, еще сильнѣй. Отвѣта нѣтъ! Она раздѣта, изволицъ почивать; ужъ поздо, полночь; въ это время она не имѣетъ привычки ѣздить.... Да, одна только эта причина: другихъ быть не можетъ. Не понимаю, какъ не озаботить себя въ то время, когда одна минута рѣшаетъ участь цѣлой жизни, и заставить меня прогуляться по пустому, простоять битый часъ подъ ея окошкомъ, и возвратиться ни съ чѣмъ.... Можетъ-быть, она изволила прогнѣваться, что я не задалъ подъ ея окошкомъ серенады.... Въ-самомъ-дѣлѣ ужасно глупо, что я и гитары не взялъ съ собою, и не въ гитару, а просто, по-Русски, застучалъ

въ окно... (Ходитъ.—Небольшое молчаніе). Развѣ.... не склонили-ли ее?... Не согласилась-ли она отдать себя Черстову, этому оригиналу, медвѣдю съ золотыми лапами? Не можетъ-быть! она мнѣ не измѣнитъ.... Она увѣряла меня!.... Увѣряла?... Это слово въ устахъ женщины, кажется, безъ значенія.

Вѣрять женщинамъ признаться,

Сомнѣвался я всегда,

Но нельзя-жъ и не разстаться

Съ этой мыслью иногда.

Иногда, порой, бываетъ,

Что хоть въ жизни одинъ разъ,

Страсть хитрить въ нихъ простываетъ

И приходитъ добрый часъ,

Что въ порокахъ, заблужденьяхъ

Сознаются отъ души;

Хоть въ минутныхъ исправленьяхъ,

А бываютъ хороши.

Но недолго продолжатся

Добродѣтели у нихъ:

Страсти съ платьемъ обновятся,

Унесутъ ихъ въ прежній мигъ!....

О женщины! женщины! всё-то вы таковы! Но если она, по милости своей, изволитъ паклеивать мнѣ носъ, то пускай не беспокоится, я этимъ носомъ подѣлюсь съ нею, отдамъ ей большую половину. У насъ такое условіе было: и радость, и горе — по поламъ! (Уходитъ въ боковую дверь).

ЯВЛЕНІЕ II.

Рѣпский. (Входитъ изъ среднихъ дверей). Десятый часъ уже, а здѣсь ни души. Неужто Рѣпскій еще спитъ? Что мудреного: съ досады крѣпко спитея; я по себѣ сужу. Если я взбѣшенъ когда, тотчасъ ложусь спать; за то какимъ довольнымъ просыпаюсь! (садится). Странно, подумаешь, какая чепуха стряпается на свѣтѣ. Одинъ готовъ изъ кожи выскочить, чтобы жениться, а другая видно въ лѣсъ глядитъ. Вотъ, напримеръ моя тетушка и спитъ и видитъ, какъ-бы меня женить.

Самой, сердечной, не досталось съ молоду узнать супружеских прелестей, а теперь уж не до того: зубы растеряла и не помнить гдѣ, такъ она обомлѣ прилагаетъ попеченіе... мерсі тетушка! ушки на макушкѣ у ней отъ этой мысли! а невѣсть подготвила сколько, право довольно было бы для самаго неистово-страстнаго правовѣрнаго. — И между тѣмъ мнѣ ужасно не хочется жениться; а признаюсь, плохо приходитъ отъ докукъ тетушки! а такъ какъ я законный наслѣдникъ ея, то, нечего дѣлать — терплю! подумаешь, подумаешь и согласишься, что терпѣніе у наслѣдниковъ — самая высокая добродѣтель! Начнешь отпѣкиваться — и слышать не хочеть: женись — да только! Да я пустился на штуки, видно рокъ хранить меня отъ нападковъ тетушки и влѣжилъ счастливую мысль: я передѣлалъ на свой ладъ извѣстную пѣсню *красный сарафанъ*. И какъ только тетушка принимается за свою пѣсню: (*подразжая голосу старухи*). «Пошмотри, Шашенька, Иванъ Тимофѣичъ, даромъ что моложе тебя, а ужъ другой годъ женатъ и живетъ какъ шавно.» (*своимъ голосомъ*) Тутъ, я начинаю подходить тиховкѣ къ фортепіанамъ, а тетушка свое продолжаетъ (*опять ея голосомъ*): «Отъ чего-бы и тебѣ, мой другъ, не жениться? Прашковья Николаевна, премилая дувушка» (*своимъ голосомъ*). Да пощадите, тетушка, что въ ней хорошаго? (*ея голосомъ*) «Такъ женись на Лижаветѣ Антоновнѣ: ты ей очень нравишься,» (*своимъ голосомъ*) это вѣроятно, потому что она страстная охотница до противоположностей и не пропуститъ случая подкатить глазками, чтобъ не воскликнуть, «Ахъ, mon-dieu! какой разительный контрастъ!» а я напротивъ люблю во всемъ гармонію, тетушка, согласіе, — значить — насъ нельзя согласить. (*Голосомъ тетки*) «Да перештанъ Шашенька! Если и эта не хороша, ну вотъ Варвара Штепановна, (*своимъ голосомъ*), Варвара Степановна! Творецъ мой!.... Тутъ ужъ я — слуга покорный! бросаюсь скорѣе къ фортепіано и пускаю въ ходъ свою пѣсенку:

Не спиши ты матушка

Вдругъ меня женить;

Позволь мнѣ, родимая,

Съ волюшкой пожить.

Пускай не зятянутый

Роговой петлей,

Незнаю заботушки

Съ скучною женой.

Женщины, извѣстно, всё
 На одинъ покрой:
 Въ дѣвушкахъ — овечками.
 Въ женахъ — сатаной.
 Ахъ нѣтъ, нѣтъ, родимая!
 Непришла пора;
 Не люблю сегодня я,
 Что любилъ вчера.
 А жену вѣдь надобно
 Одною любить;
 Полюби другихъ при ней —
 не дастъ просто жить.
 Что-жь самой угодно ей —
 Мужь молчи о томъ;
 У него не спросятъ:
 Видѣлся-ль съ дружкой?
 Право мнѣ нехочется
 Въ кругъ мужей влетѣть;
 На продѣлки жонушки
 Сквозь пальцы глядѣть.

(Да, признаюсь, я не пишу этого супружескаго блага. И когда я воспѣваю его, тетушка жалуется меня милостивымъ словцомъ: называетъ безпутнымъ, сорванцомъ; еще кое-чѣмъ, какъ ей вздумается: это бываетъ различно, а впрочемъ конецъ всегда одинъ — плюнетъ и уйдетъ (изъ среднихъ дверей, выходитъ Лѣнинъ).

ЯВЛЕНІЕ III.

ЛУНСКІЙ, ЛѢНИНЪ.

лѣнинъ. Что ты, Лунскій, одинъ тутъ дѣлаешь?
 лунскій. Я? подражаю великому Гомеру.
 лѣнинъ. Что? Гомеру?
 лунскій. Ну да. Онъ воспѣлъ троянскую войну, а я вотъ сейчасъ воспѣвалъ тоже преотчаянную войну мою съ тетушкой, Митродорой Алексѣвной.
 лѣнинъ. Шалунъ; отъ тебя никогда толку не добьешься.
 (Изъ боковыхъ дверей выходитъ Рѣйскій).

ЯВЛЕНИЕ IV.

РѢЙСКІЙ, ЛУНСКІЙ, ЛЬНИНЪ.

РѢЙСКІЙ. Здравствуйте, друзья! повторяю вамъ благодарность за участіе въ моей судьбѣ. Вы сдѣлали для меня все, что только могли! въ неудачѣ никто не виноватъ, кромѣ самой Софьи. Одна она всему виной.

ЛУНСКІЙ. Ну, велика бѣда, что неудалось! Если она сама не захотѣла — забудь ее, а если твой планъ открытъ и взяты мѣры предосторожности — покорись обстоятельствамъ. Въ обоихъ случаяхъ ты долженъ отъ нея отказаться. Эхъ Андрей! полно — отстань! Мало-ли въ мірѣ хорошенькихъ? Въ твои лѣта еще многія очаруютъ тебя, да и ты не останешься въ долгу.

РѢЙСКІЙ. Чистое философское положеніе! Жаль, что ты не профессоръ.

ЛУНСКІЙ. Ну, вотъ и сердисься! Чтѣ-жъ прикажешь дѣлать? Выдумать тебѣ Софью, чтѣ-ли? На это не прогнѣвайся: я не имѣю столько воображенія.

ЛЪНИНЪ. Какъ хочешь, РѢЙСКІЙ, а и я на сторонѣ Лунскаго, и также думаю, что, или она сама согласилась, или вы открыты, и ее заставили волей или неволей отказаться отъ тебя.

РѢЙСКІЙ. Что вы забрали въ головы — открыты, открыты! Какъ намъ быть открытымъ? Ивацъ меня увѣрилъ; ему обѣщана щедрая награда за услугу: для лакея это кладъ. Просто, она или сама не хочетъ, или побоялась ночнаго путешествія — и послѣднее вѣрнѣе всего.... Не даромъ она читала недавно Людмилу, Жуковскаго.

ЛЪНИНЪ. И побоялась, что мы ее проглотимъ! Однако правильно нельзя заключать ни о томъ, ни о другомъ. Будемъ ждать развязки повѣрній. Обстоятельства могутъ перемениться — и мы все еще можемъ надѣяться на успѣхъ. А что мы даромъ прогулялись — это пустяки! Пожалуй, пустимся еще, только-бы мелькнула надежда, хоть маленькая.

РѢЙСКІЙ. Когда большая обманула, такъ маленькой-ли вѣрить? Хорошо! теперь я дѣйствую открыто! Увижусь непременно съ нею, и если — Боже сохрани! она забыла меня, забыла свои обѣщанія — все расскажу ея родителямъ; обличу ее передъ са-

мымъ женихомъ ея, почтеннѣйшимъ Кузьмою Оомичемъ. Скажу ему, что ея сердце самое вѣтренное, самое непостоянное — совершенно негодное для жены, что оно, при малѣйшей вспышкѣ, можетъ имѣть жару до ста градусовъ, и чрезъ минуту, потомъ, холоднѣе льдины. Скажу, что въ ней нѣтъ чувства, а только самый холодный эгоизмъ, расчетъ! Пускай тогда женится! Я за нею не погонюсь; да, я ее теперь ненавижу.

лунскій. Bravo, Рѣйскій. Bravo! какъ много ты надблаеть! Только, смотри, не соглашайся на приглашеніе оставить ихъ прежде, нежели выскажешь; а просить объ этомъ, (*Въ-сторону*) то-есть, прогонять изъ дому. (*Рѣйскому*). Ужъ вѣрно будутъ.

рѣйскій. Непремѣнно все скажу; раскрою имъ глаза. Черстовъ глушь, и самъ ровно ничего не понимаетъ.

лунскій. Вотъ это истинно-благодѣтельный поступокъ!... Но послушай: не горячись-же прежде времени, пожалуйста; можетъ-быть, ты ошибаешься въ расчетахъ.

лунскій. Да! именно ошибаешься. Положимъ, что старикамъ Черстовъ ослѣпилъ глаза, а Софѣя-то не ослѣпить, и они, вѣрно, ее пожалѣютъ; побьются, побьются, да дѣлать будетъ нечего — откажутъ. Софѣя, въ это время, разумѣется, поплачетъ, а послѣ ты ее утѣшишь — и концы въ воду! Повѣрь, она не будетъ за Черстовымъ... Успокойся, Рѣйскій! этотъ соперникъ тебѣ не опасенъ: ты очень-недуренъ собой; а онъ — женихъ въ каррикатурѣ.

По Гогартову эскизу

Созданъ этотъ женишокъ:

Съ головы смотря до визу,

Онъ точнѣхонскій мѣшокъ.

Онъ поклонится — согнется,

Руки вытянетъ въ разлетъ,

Ротъ разинетъ — заикнется,

Или вздору наплететъ.

А хотѣлъ, злодѣй, влюбиться,

Сталь покряхивать, вздыхать;

Но въ чахотку, чтобъ не вбится,

Побоялся продолжать.

Старичкамъ любовь опасна:

Онъ, что моча есть кричатъ:

«*Красавица прекрасна!*»

А красавица молчитъ.

Онъ, съ отлышкой, начинаетъ
 Свои «гуэствія являть»,
 А красавица зѣваетъ,
 Иль изволить хохотать.

РѢЙСКИЙ. Все это такъ; но Черстовъ богатъ.

ЛУНСКИЙ. Да старъ! ему слишкомъ пятьдесятъ, а ты молодъ,
 ловокъ и правишься Софѣ; это стоить денегъ.

ЯВЛЕНИЕ V.

РѢЙСКИЙ, ЛУНСКИЙ, ЛЪНИНЪ, СЕРГѢЙ.

СЕРГѢЙ (РѢЙСКОМУ). Къ вамъ, сударь, пришелъ Иванъ.

РѢЙСКИЙ. Иванъ! зови скорѣй!

ЯВЛЕНИЕ VI.

РѢЙСКИЙ, ЛУНСКИЙ, ЛЪНИНЪ.

ЛУНСКИЙ (ЛЪНИНУ). Посмотримъ, что будетъ.

ЯВЛЕНИЕ VII.

**РѢЙСКИЙ, ЛУНСКИЙ, ЛЪНИНЪ, ИВАНЪ, и СЕРГѢЙ, (остана-
 вливается въ сторонѣ.)**

РѢЙСКИЙ (бросаясь къ Ивану). Я заждался тебя. Ну, что? гово-
 ри скорѣе.

(Иванъ подаетъ ему письмо.)

РѢЙСКИЙ (въ восторгѣ). Отвѣтъ! Другъ мой! я не знаю, какъ
 благодарить тебя! *(Вынимаетъ проворно деньги, и отдаетъ Ива-
 ну.)* Изволь! я вѣренъ въ словъ: вотъ тебѣ четыре пѣлковыхъ.
 Подожди не много. *(Отходитъ къ Лунскому и Лънину.)* Слушай-

те, друзья! Я чувствую неизъяснимый восторгъ! (*Разламываетъ печать, и читаетъ вслухъ, примѣтно измѣняясь въ лицѣ и голосъ*). «Милостивый государь, Андрей Григорьевичъ!» Милостивый государь! это что-то сухо, холодно!

лунскій. Да какъ по началу судить? Дай-ка я прочту. (*Беретъ и читаетъ*). Милостивый государь, Андрей Григорьевичъ! Пользуясь вашимъ благорасположеніемъ, я, съ крайнимъ удовольствіемъ увѣдомляю васъ о предстоящемъ для меня счастіи, имѣющемъ завтра совершиться чрезъ вступленіе мое въ законный бракъ съ Софьею Петровною. Покорнѣйше благодарю васъ за преданность къ будущей моей женѣ, и прошу пожаловать съ вашими друзьями ко мнѣ на свадьбу. Вашъ покорнѣйшій слуга Козьма Черстовъ.»

рѣйскій (*какъ-будто еще слушаетъ, и опомнясь, вскрикиваетъ*). Что? Какъ? Что тамъ?

лунскій. Видишь: приглашеніе всѣхъ насъ на свадьбу, въ родѣ повѣстки изъ полиціи.

рѣйскій (*Ивану*). Мошенникъ! такъ-то ты исполнилъ мое порученіе?

иванъ. Изъ всѣхъ силъ, сударь, бьюсь, чтобъ угодить вамъ; да повремените не много: видно письмо еще не дошло.

рѣйскій. Какъ не дошло? Что ты вздоръ мѣлешь!

иванъ. Никакъ нѣтъ, сударь. Грамотѣ вѣдь я не знаю, а вы такой доброй баринъ — напередъ изволили пожаловать два золотенькихъ рублика... Какъ-же я смѣлъ не послушаться васъ?

рѣйскій. Перестань врать! гдѣ письмо?

иванъ. Баринъ самъ обѣщалъ доставить его и взялъ его къ себѣ.

рѣйскій. Какой баринъ?

иванъ. Мой баринъ — Кузьма Фомичъ!

рѣйскій. Черстовъ? Разбойникъ! да какъ-же ты смѣлъ это сдѣлать! Я задушю тебя!

иванъ (*отступая*). Виновать, сударь! я не зналъ...

рѣйскій. Пошелъ вонъ, бездѣльникъ!

иванъ (*уходя*). А барину, сударь, что-же прикажете сказать? написать къ нему не изволите-ли?

рѣйскій. Писать? Скажи, я его отучу не только писать, но и читать, особенно чужія письма. Я заставлю его раскаться! Скажи, что я потребую отъ него удовлетворенія. Я буду съ нимъ драться. (*Лунскому*). Александръ! ты будешь моимъ секундантомъ!

лунскій. Разумѣется буду. Изъ стремянныхъ, да еще бы ней-ти въ секунданты? вѣдь эта должность очень почетная.

рѣйскій (Ивану). Чего-же ты ждешь? Убирайся къ чорту.

лѣнинъ. Послушай, Рѣйскій. Онъ меньше тебя виноватъ. Ты самъ сочинялъ всѣ планы, располагалъ ими также самъ и — не чего сказать — смастерилъ дѣло на славу!

рѣйскій. Не упрекай меня! Все пошло-бы хорошо, если-бы я не этому болвану поручилъ письмо. Впрочемъ, Сергѣй больше всѣхъ виноватъ: онъ, вмѣсто Ивана Аргусовыхъ, привелъ ко мнѣ этого болвана.

Ну, махну на пропалюю
И женюсь — я такъ и быть!
Полно мыкать холостую,
Полно безъ толку кутить!
Такъ судилъ — нельзя умнѣе —
И, казалось — все *идеть*:
А какъ *вышло* — такъ глушѣе
Ужъ едва-ль кто наплететь.
На бѣду-жъ тутъ замѣшался (*указывал на Ивана*).
Негодяй этотъ, уродъ!
Вотъ ужъ во-время попался!
Вотъ, друзья, Федотъ не тотъ!

ЛѢНИНЪ.

Вотъ такъ часто: ищутъ Ваньку —
А Ерема подойдетъ;
Глядь: все вышло на изнанку —
И какъ тутъ Федотъ не тотъ.

ЛУНСКІЙ (*къ зрителямъ*).

Пусть на свѣтѣ все клеится
На изнанку, въ переплетъ;
Мы готовы побожиться,

Что насъ это не убьетъ.
 Одного лишь мы боимся:
 Какъ надъ нами судъ пройдетъ:
 То надеждой мы живимся,
 То, страшить Федотъ-не тотъ.

(Послѣдніе стихи повторяютъ всѣ).

—

ВЪЗВРАЩЕНІЕ

А. ВРЖЕСКІЙ

* * *

Какъ дорожу я восторгами встрѣчи!
Какъ мнѣ оградно въ вечерней тиши,
Служать твой вдохновенныя рѣчи —
Отзвукъ прекрасной и чистой души!
Какъ дорожу я подобнымъ мгновеньемъ!
Въ эти-бъ минуты душѣ отлетѣть,
Сбросивъ земное, къ нагорнымъ селеньямъ:
Въ эти-бъ минуты легко умереть. —

А. ВРЖЕСКІЙ.

Г. Елизаветградъ.

==

ПУТЕШЕСТВІЕ
АПРАКСИНСКАГО КУПЦА

и

БЛАГОПОЛУЧНОЕ ВОЗВРАЩЕНІЕ.

ФАРСЪ-ВОДЕВИЛЬ ВЪ ТРЕХЪ ОТДѢЛЕНІЯХЪ.

Соч. П. Г.

Отдѣленіе I.

Ловля жениха на Рѣзвонъ островѣ.

Отдѣленіе II.

Вылетѣль въ трубу!

Отдѣленіе III.

Возвращеніе.

==

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ВЪ ПЕРВОМЪ ОТДѢЛЕНИИ:

- Данило Прокофьевичъ Аншпуговъ, купецъ-подрядчикъ. Г. *Ивановъ*.
 Мавра Савишна, его жена. Г-жа *Громова*.
 Аннушка }
 Глашенька } ихъ дочери. Г-жа *Волкова*.
 Домнушка } Г-жа *Радына*.
 Домнушка } Г-жа *Карпинская*.
 Селифонтъ Анкудиновичъ Оглодковъ, купецъ, торгующій
 въ Апраксиномъ дворѣ, въ лоскутной линіи. Г. *Григорьевъ 2-й*.
 Акулина Сидоровна Шлыкова, сваха. Г-жа *Медвѣдова*.
 Иванъ Семеновичъ Чуфимовъ, сынъ трактирщика, не-
 далеко отъ рынка. Г. *Смирновъ 2-й*.
 Маркъ Игнатьевичъ Букнинъ, стряпчій. Г. *Фоминъ*.
 Василий Васильевичъ Холминъ, крестьянинъ, торгующій
 книгами на двухъ заряхъ, въ Толкучемъ рынокѣ. Г. *Воробьевъ*.
 Карлъ Ивановичъ Гуть }
 Карлъ Ивановичъ Нейгутъ } Нѣмцы, башмашники. Г. *Гельсесъ*.
 Мишка, мальчикъ Аншпугова.
 Дарья }
 Фекла } Капорскія дѣвушки.
 Неизвѣстный господинъ въ плащѣ. Г. *Зиминъ*.
 Разношники, перевозчики, и люди разнаго званія.

Дѣйствіе происходитъ на Рѣзвомъ островѣ.

ОТДѢЛЕНИЕ I.

Довля жена на Ръзвомъ островъ.

Театръ представляетъ Ръзвый Островъ, по Невѣ видно множество янковъ, которые пристають къ берегу и опять отчаливають. На противоположной сторонѣ Невы, видна деревня Волянка.

ЯВЛЕНИЕ I.

ФЕКЛА, ДАРЬЯ, нѣсколько капорскихъ дѣвушекъ, ГУТЬ, НЕЙГУТЬ и толпа народа.

хоръ капорокъ (*поетъ русскую пѣсню. Гуть и Нейгутъ приплясываютъ*).

ГУТЬ (*капоркамъ*). Карошь! Очень много карошь!

ФЕКЛА. Что мусью, али по ндраву?

ГУТЬ. Я, я, пондравись.

ДАРЬЯ. А коли пондравилось, такъ подари двугривенничекъ, честной господинъ.

ГУТЬ (*охорашиваясь*). Почему вы знанть, что ми господинъ?

ФЕКЛА. Такъ что же ты, мужикъ что-ли?

ГУТЬ. Нѣтъ, ми не мужикъ.

ДАРЬЯ. Ну, а на бабу-то ужъ не прогнѣвайся, ни съ чего не схожъ. (*Вся толпа хохочетъ*).

гутъ (народу). Ну, что-съ ви смѣяея? Грубиянъ! дарья. Эвоя, да еще какой задорный! пойдемъ-те дѣвки, отъ нихъ знать алатынаго за грошъ не выторгуешъ. (Гуту). Прощай мусью! Да гляди, за нами не ходи, а то мы позовемъ своихъ огородниковъ. (Всѣ хохочутъ и уходятъ, толпа народу за ними).

гутъ (смотря иль въ слѣдъ). Теръ — тейфель!... Ду либеръ Готъ! Вассиръ-шейнъ! (вынимаетъ изъ кармана маленькую бутылку, пьетъ и потомъ подаетъ Нейгуту). Воллензи?

нейгутъ (беретъ бутылку). Гутъ; (пьетъ. Въ это время причаливаетъ къ берегу яликъ, изъ него выходятъ Оглодковъ и Чуфимовъ).

ЯВЛЕНИЕ II.

ТЪ ЖЕ, ОГЛОДКОВЪ И ЧУФИМОВЪ.

чуфимовъ (Оглодкову). Ну, братъ, завезъ же ты къ чертямъ на кулички! Хорошо гуляея, нечего сказать! толи дѣло въ Екатеринбургѣ? Прелесть!

оглодковъ. Да погоди, дура-голова! Будемъ и въ Екатеринбургѣ; вѣдь ночь-то наша.

чуфимовъ. Хорошо тебѣ говорить: «ночь-то наша!» ты одинъ какъ перстъ, а вѣдь у меня жена да отецъ.

оглодковъ (смѣется). Важное дѣло! жена смолчить, али ужъ много-много, что опять убѣжитъ къ роднымъ.

чуфимовъ. А отецъ-то?

оглодковъ. Ну, что отецъ? За волосы потоскаеть, да вѣдь таковъ же будетъ.

чуфимовъ. Да ты только скажи: коего лѣшаго здѣсь дѣлать? Хоть бы народъ былъ, а то вѣдь, вонъ, кромѣ двухъ пьяныхъ нѣмцевъ — никого нѣтъ.

гутъ (подбоченясь подходитъ къ Чуфимову). Васъ?

чуфимовъ. Да-съ. А что?

гутъ (струсивъ). Ничего-съ.

оглодковъ (смѣется). Ну такъ нечего и переливать изъ пу-стаго-то въ порожнее. Проваливай мусью! А нѣтъ, такъ вѣдь мы и того... (Показываетъ кулакъ).

гутъ (Нейгуту). коммензи-геръ, мейнъ либеръ Нейгутъ.

нейгутъ. Гуть (*уходятъ*).

оглодковъ. Что, фирлюхтеры? Небойсь, на утекъ! нѣтъ, вѣдь съ намъ, не съ кѣмъ другимъ; мы разомъ оборвемъ (*Чуфимову*). Такъ ли Ваня?

чуфимовъ. Такъ-то такъ; да только ты мнѣ скажи, за чѣмъ мы сюда заѣхали?

оглодковъ. Али я тебѣ еще не сказывалъ?

чуфимовъ. Да кажись что такъ.

оглодковъ. Въ правду?

чуфимовъ. Знамо дѣло, что не вкривду.

оглодковъ. Ну, такъ знай же: вѣдь у меня здѣсь назначены смотры.

чуфимовъ. Смотры!... что ты угорѣлъ, что-ли?

оглодковъ. Чего угорѣлъ? Дура голова! жениться собираюсь.

чуфимовъ (*съ удивленіемъ*). Ты! ты хочешь жениться?... да ужъ не лѣшій-ли тебя обошелъ?

оглодковъ. Нѣтъ, братъ, сваха подѣхала. Насулила съ три короба, вотъ поглядимъ.

чуфимовъ. Что за дьявольщина! Да вѣдь добрые люди смотрятъ невѣсть у обѣдни, али въ Лѣтнемъ Саду!

оглодковъ. А мы на Рѣзвонъ.

чуфимовъ. Ну, братъ, у тебя все и дѣлается-то какъ-то не по людски.

оглодковъ. То-то же и оно: ужъ мы на томъ стоимъ, чтобы только отличиться.

чуфимовъ. Надо быть хороша и невѣста, которую выдаютъ за прогорѣлаго.

оглодковъ (*перадразнивая*). За прогорѣлаго! за прогорѣлаго! Да по-чѣмъ знаютъ, что я прогорѣлъ? Вѣдь у меня хоть товару-то и нѣтъ, а лавки-то все-таки не заперты. А ужъ въ разсужденіи невѣсты, такъ сваха говоритъ, что это просто-края!

чуфимовъ. Изъ какого званія-то?

оглодковъ. Знамо дѣло, что изъ купечества.

чуфимовъ. А какъ по фамиліи?

оглодковъ. Аншпугова, ты можетъ слыхалъ?

чуфимовъ. Аншпугова? Да не дочка-ли Данилы Прокофьича?

оглодковъ. Вотъ, вотъ, какъ тутъ попалъ.

чуфимовъ. Да которая же? Вѣдь у него ихъ три.

оглодковъ. На выборъ, которую захочу; я-то ихъ и не знаю, а онѣ слышь, вся тринка въ меня врѣзалась.

чуфимовъ (*смѣется*). Полно врать-то, чортова голова!

оглодковъ. Не вѣришь?.. Ну такъ погоди же; вотъ какъ они прїѣдутъ, такъ ты останешься безъ сумленія.

чуфимовъ. Колотыринчай тутъ больше, ужъ это братъ не Еманъ!

оглодковъ. Не вѣришь?.. Давай-ко руку-то... (*протягиваетъ руку*). Двѣ бутылки портеру идетъ?

чуфимовъ (*бьетъ руку въ руку*). Ладно!

оглодковъ. Гляди же, не будь пяченымъ.

чуфимовъ. Мы не спятимся, не спятились-бы вы? (*смотритъ на Неву, къ берегу подъѣзжаетъ яликъ*). Гляди-ко, Оглодковъ, никакъ это книжникъ Васька Холминъ подъѣхалъ?

оглодковъ (*оглядываясь*). Онъ и есть! (*Въ сторону*). Ахти батюшки! а я ему долженъ по переводу 200 руб. серебромъ, ну что, если да онъ вексель-то подалъ ко взыскацію?

чуфимовъ, Э! да онъ съ Маркомъ Игнатьевичемъ....

оглодковъ (*съ истромъ*). Съ какимъ Маркомъ Игнатьевичемъ?

чуфимовъ. Ну вотъ, развѣ не знаешь? Съ маркомъ Игнатьевичемъ Букинымъ.

оглодковъ (*въ сильномъ испугъ*). Со стряпчимъ?... (*Въ сторону*). Ахъ ты Господи Боже мой! я вѣдь всемъ прикащикамъ наказалъ говорить, что я въ отъѣздѣ, да какъ нибудь пропюхалъ мошенникъ и протестовалъ, вѣрно протестовалъ! (*Чуфимову*) Ваня! Пойдемъ сюда!

(*Идетъ на право*).

чуфимовъ. Куда?

оглодковъ. Да ужъ пойдемъ, коли тебѣ говорить.

(*Утаскиваетъ за руку Чуфимова*).

ЯВЛЕНІЕ III.

АНШУГОВЪ, МАВРА, АНПУШКА, ГЛАШЕНЬКА, ДОМПУШКА,
СВАХА И МИШКА.

аншуговъ (*оглядываясь во всю сторону*). Ну, вотъ и прїѣхали! (*Дочерлямъ*) Чего верещали, словно поросята можайскіе?

домпушка. Ахъ, тятенька, да вѣдь на водѣ-то страшно-съ.

аншуговъ. А коего лыски?

глашенька. Еще бы-съ, того и гляди, что утонешь.

аншуговъ (*хохочетъ*). Полно, глупенькая! Ну какимъ-бы маперомъ тутотка утонуть лъзя?

аннушка. А какъ ни на есть да лодка перекувыркнется, вотъ и потонули-съ.

аншпуговъ. Э — эхъ, вы дуры, безсережныя!

мавра. Ужъ какой ты право Данило Прокофьичъ, ругатель! Ну чего ты вскинулся? вѣстимо что боязно.

аншпуговъ. Вафлюшка ты энтакая! Ну чего боязко-то? — Глядико, шелохнется ли хоча одинъ листокъ? и вода-то стоитъ словно зеркало.

мавра. Вотъ толкуй съ тобой: вѣдь и въ корытѣ утонуть можно.

аншпуговъ. Ахъ ты цикорія малосольная! *(Свахъ)*. Ну, а ты что, переполошилась али нѣтъ, старая карга?

свахъ. И! батюшка! да чего? Вѣдь это катанье: а меня въ старину и не энтакъ катывали.

аншпуговъ *(смѣется и бьетъ ее по плечу)*. Вотъ люблю молодца за обычай! А гдѣжъ бы намъ энтакъ расположиться? Здѣсь, али подальше поискать мѣстечка?

свахъ. Здѣсь, батюшка, здѣсь; я такъ и жениху сказала, что мы будемъ недалечко отъ берега.

аншпуговъ. Ладно! *(Мишкѣ)* Мишка! растилай здѣсь коверъ да таскай провизию.

мишка. Сейчасъ, дядюшка Данило-съ.

(Идетъ къ ялику, вынимаетъ коверъ, потомъ приноситъ самоваръ, чайный приборъ и небольшую корзинку съ винами).

аншпуговъ. А мы покуля пойдемъ прогуляться. *(Свахъ)* Вѣдь онъ я чай еще не скоро пріѣдетъ?

свахъ. Обѣщался незамедлить-съ; да ужъ я не знаю, полно онъ и не здѣсь ли-съ.

аншпуговъ. Такъ можетъ статья мы съ нимъ и встрѣнемся. *(Женѣ и дочерямъ)* Пойдемъ-текась, пойдете. *(Мишкѣ)* Ты, пузырь! Гляди, самоваръ-то скипяти, слышишь?

мишка. Слышу, дядюшка Данило, слышу-съ.

аншпуговъ. Ну, тото же, *(своимъ)*. Пойдете.

ЯВЛЕНИЕ IV.

МИШКА И ГРЕБЕЦЪ.

МИШКА (*разстилагетъ коверъ, садится и роется въ мышь съ провизіей*). Ишь ты вѣдь: ни черносливу, ни изюму, ничего не захватили.... Пстой, пстой, кажись постила попалась.... такъ и есть что постила. Знать. (*Развертываетъ и ѣстъ ее*).

ГРЕБЕЦЪ (*подходитъ*). Хлѣбъ да соль, паренекъ.

МИШКА (*испугавшись*). Ай!

ГРЕБЕЦЪ. Не полошися, я вѣдь хозяйну не молвлю, мое дѣло стороннѣе.

МИШКА (*оправляясь*). Да и молвить-то нечего; ну, чтобы ты молвилъ? Я вѣдь ничего.... я такъ....

ГРЕБЕЦЪ. Знамо дѣло что такъ; знать энтотъ красный-то кисель у тебя свой, а не хозяйской?

МИШКА (*въ сторону*). Вишь ты вѣдь: увидалъ-таки корявая рожа! (*ему*) видишь дядюшка: онъ хозяйской-то, хозяйской; да тутъ и на мою долю маленько прихвачево.

ГРЕБЕЦЪ. Экіе брать у тебя залихватскіе хозяйва! никого не запомнятъ. Чай и для меня припаси горло промочить.

МИШКА. Вишь ты дядюшка, больно лакомъ! Да ты-то что за родня?

ГРЕБЕЦЪ. Э! что тутъ толковать: въ полѣ сѣзжаются, родомъ не считаются. Вынимайко изъ корзинки-то полуштофикъ, да наливай вотъ сюда. (*Показываетъ ковшъ*).

МИШКА. Что ты, что ты, какъ энтотъ можно? Вѣдь мнѣ хозяйнѣ-то волосья надереть.

ГРЕБЕЦЪ. Ну, ну, поворачивайся что ли! а то вѣдь скажу, ей Богу, скажу!

МИШКА (*сквозь слезы*). Да какъ.... да что....

ГРЕБЕЦЪ. Наливай же, говорятъ тебѣ, пострѣлешь!

МИШКА (*вынимаетъ изъ корзинки полуштофъ и наливаетъ въ штофъ*). На, глотка!

ГРЕБЕЦЪ. Только-то?

МИШКА. Да чтожъ тебѣ, весь что ли вылить?

ГРЕБЕЦЪ. Да подбавь хоть маленько.

МИШКА (*подбавляетъ*). Эка ненасытная утроба!

ГРЕБЕЦЪ (*выливаетъ залпомъ*). Гмъ! Знато! спасибо. Ну, теперича давайко сюда самоваръ-то, я те налью воды да и поставлю, а ты покулеца сбйрай чашки. (*Беретъ самоваръ и хочетъ идти на берегъ*).

МИШКА (*останавливая его*). Да возьми ужъ и водку-то добавь водицей.

ГРЕБЕЦЪ (*глядитъ его по головъ*). И впрямь такъ. Ай-да умная голова!

(*Уходитъ. Мишка разставляетъ чашки на столъ*).

ЯВЛЕНІЕ V.

АНШПУГОВЪ, СВАХА, МИШКА И ГРЕБЕЦЪ.

АНШПУГОВЪ (*свахъ*). Ну вотъ Сидоровна, его все таки нѣтъ. СВАХА (*съ сторону*) Экой вѣдь пострѣлъ! Да ужъ будетъ, батюшка, будетъ, безотмѣнно будетъ.

АНШПУГОВЪ. Да мнѣ наплевать, мнѣ все равно: для моихъ дочерей всегда женихи найдутся. Ужъ двухъ просватала, а третій и самъ набъжить.

СВАХА. Какъ батюшка, такъ развѣ ужъ ты того съ?...

АНШПУГОВЪ. Чего съ?... Марья Трофимовна, спасибо ей, отыскала двухъ молодцовъ, да еще какихъ молодцовъ-то, коси-малина!

СВАХА (*обидясь*) Напрасно же вы батюшка и людей утруждаете, я вѣдь и не знала, что у васъ только и осталась одна дочька слободная съ.

АНШПУГОВЪ. Да что ты, что ты? Господь съ тобой! Вѣдь приданое-то за ними одинакое.

СВАХА (*ужимисто*) Что жъ, можетъ статья: приданое-то и одинакое, да доброта-то разная съ.

АНШПУГОВЪ (*съ сердцемъ*) Что! что? Да чѣмъ ты похулишь мою Домнушку? Она какому хошь бардадыму такъ подъ фалю подойдетъ!

СВАХА (*ужимисто*) Нѣтъ съ, мы вѣдь думали съ, что у васъ козырный хлюстъ! Мы такъ и жениху сказали съ.

АНШПУГОВЪ. Вотъ-те здравствуй! Да вѣдь не на трехъ же ему жениться, кажись и одной полно будетъ?

СВАХА. Оно такъ батюшка съ, да выбрать-то не изъ чего съ.

АНШПУГОВЪ. Что тутъ за выборка? У меня дочери масть къ

масти, одна другой здоровѣе. Чего другаго не спрашивай, а ужь плотностью да румяностью, такъ многихъ перещеголяли.

свахъ. Ну батюшка, за то и жинишекъ: что твой огурчикъ малосольный!

аншпуговъ. А вотъ поглядимъ (*смотритъ въ сторону*) Э! Да вонъ и наши идутъ. (*Мишка*) Мишка? Готовъ ли самоваръ?

мишка. Какъ же дядюшка, ужь давно заергался.

аншпуговъ (*свахъ*). Садись-ко сватья.

ЯВЛЕНИЕ VI.

ТЪ ЖЕ, МАВРА, АННУШКА, ГЛАШЕНЬКА И ДОМНУШКА.

мавра (*увидя мужа и сваху*). Ахти, батьки-свѣты! да ужь вонъ они гдѣ: а мы тамъ шарманки заслушались.

аншпуговъ (*женя*). Тотъ и есть, вы какъ вороны ртыто-разинули, есть чего слушать.

домнушка. Нѣтъ-съ, тятинька, очинно прикрасно играютъ-съ.

аншпуговъ. Полно тебѣ, бодваниха не обтесанная! что ты смыслишь? Ну какая игра на шарманкѣ? Энтакъ-то играть не важность! вонъ у насъ и Глафира однимъ перстомъ на протупьянахъ играетъ.

глашенька (*обидясь*). Что это вы тятинька, какіе надсмѣшники-съ, я и пятью перетами умѣю, да только что одной рукой-съ.

аншпуговъ. А другую-то знать бережешь для праздниковъ? (*женя*) Нутка, Мавруха, наливай чаю. (*Всѣ садятся на каверъ около самовара; Мавра наливаетъ чай. Аншпуговъ беретъ чашку и говоритъ; Господи благослови!*)

ЯВЛЕНИЕ VII.

ТЪ ЖЕ, ОГЛОДКОВЪ И ЧУФИМОВЪ, (*выбѣгаютъ. Оглодковъ безпрестанно оглядывается*)

чуфимовъ (*Оглодкову*). Да куда ты нарахтишься? Дура голова!

оглодковъ. Кажись не запримѣтили... пойдѣмъ братъ Ваня, пожалуйста пойдѣмъ.

чуфимовъ. Да куда идти-то?

оглодковъ (*съ нетерпѣніемъ*). Куда хошь, только отселева прочь.

чуфимовъ. Вѣдь говорилъ давеча: останемся въ Катерингофѣ, такъ нѣтъ:

оглодковъ (*съ нетерпѣніемъ оглядываясь*). Э-эхъ, братецъ, не рука была.

чуфимовъ. А теперича знать рука, бѣгать изъ угла въ уголъ? (*смотритъ въ сторону*). Эге! да никакъ это опять Васюха Холминъ?

оглодковъ (*съ испугомъ*). Гдѣ? гдѣ?

чуфимовъ. Да вонъ, за огородомъ-то.

оглодковъ (*обращаясь къ Невѣ, кричитъ*). Перевозчикъ! перевозчикъ! давай! (*лодка причаливаетъ къ берегу*).

чуфимовъ (*удерживая его*). Да постой, куда же ты?

оглодковъ (*вырываясь*). Въ Катерингофъ.

чуфимовъ. А невѣста?

оглодковъ. Провались она къ чорту! (*бѣжитъ къ берегу*). Перевозчикъ! перевозчикъ!

сваха (*въ это время приподнимается и подходитъ къ Оглодкову*). Селифонъ Анкуднычъ! мое почтеніе-сь. А ужъ мы васъ ждали, ждали...

оглодковъ (*въ сторону*). Сваха!.. пошла потѣха, прощай голова!

сваха (*показывая на Аншпугова*). Вотъ батюшка, камердую вамъ: Дашило Прокофьичъ Аншпуговъ. А вотъ это его сожительница, Мавра Савишна-сь. А это три херувимчика-сь, родные дочьки ихной милости-сь.

оглодковъ (*Аншпугову, разстроенный*). Вы очинно пріятное поколѣніе имѣете-сь... только мнѣ теперь знаете, некогда-сь... У меня здѣсь знаете должникъ бѣгаетъ, такъ надобно его изловить-сь.. мое почтеніе-сь (*хочетъ идти къ берегу*).

аншпуговъ. А мы было думали, что вы съ нами чайку раскушаете-сь?

оглодковъ. Съ нашимъ бы удовольствіемъ, да не того почерку дѣло-сь.

сваха (*тихо Оглодкову*). Полно тебѣ, батюшка, останься, не введи меня въ стыдъ.

оглодковъ (*тоже тихо*). Да вѣдь говорятъ тебѣ, что не могу. Эй! перевозчикъ! перевозчикъ!

аншпуговъ. Такъ какъ же-съ, сталося ужъ мы сегодня больше и не увидимся?

оглодковъ. Да вѣдь вы я чай еще здѣсь попробудете-съ?

аншпуговъ. Знамо дѣло, что коли погода не испортится, такъ намъ торопиться некуда.

оглодковъ. И очинно прикрасно-съ! а черезъ часокъ времени, мы безъ-отмѣяно къ вашему компанейству соединительство сварганимъ-съ (*Чуфимову*). Пойдемъ-ка, Иванъ Семенычъ. (*Аншпугову*) Мое почтеніе-съ! (*салятся въ яликъ и уѣзжаютъ*).

ЯВЛЕНИЕ VIII.

ТѢ ЖЕ, КРОМЪ ОГЛОДКОВА И ЧУФИМОВА.

сваха (*Аншпугову*). Ну, что батюшка, каковъ молодець?

аншпуговъ. Парень знатный! надо быть и обстоятельный, а все же опросить не мѣшаетъ.

сваха. Опрашивай, сколько душѣ угодно: про него и врагъ дурнаго слова не молвить.

аншпуговъ (*Домнушкѣ*). Ну, а ты какъ думаешь? Годится, али нѣтъ?

домнушка (*застѣнчиво*). Ахъ, тятинька! что вы это-съ....

аншпуговъ. Ну, ну, ну! я, финтилюшекъ не люблю! Говори дѣломъ: смачень, аль не смачень?

домнушка. Да я право... да я не знаю съ...

мавра (*Домнушкѣ тихо*). Ну, чего ты пужаешься? Говори!

сваха (*Домнушкѣ тихо*). Говори, говори, Домна Даниловна; тутъ вѣдь никакой стрѣкулятности нѣтъ.

домнушка (*стыдливо*). Коли правду сказать: такъ онъ ничего-съ....

аншпуговъ. То есть, какъ ничего?

домнушка. Кажись добротень будетъ-съ.

сваха. Ужъ въ разсуженіи энтаго-съ, останьте-съ безъ сумнительства: человекъ добръющій-съ!

аншпуговъ. Ну да ладно, тамъ видко будетъ (*ожень*). Наливай-ко, Мавруха, наливай! (*садится и начинаетъ пить чай*).

ЯВЛЕНІЕ IX.

ТЪ ЖЕ, ХОЛМИНЪ И БУКИНЪ.

холминъ (*входитъ быстро*). Провалился! Опять провалился! что ты будешь дѣлать?

букинъ (*вбѣгая*). Ну что, опять улизнулъ?

холминъ. Еще вы батюшка, Маркъ Игнатьевичъ, идете пейдете; словно черепаха, прости Господи!

букинъ. Полно, полно, почтенѣйшій! я бѣжалъ притче зайца.

холминъ (*съ досадою*). Ужъ не говорите вы пожалуйста.

аншпуговъ (*жестъ*). Вѣдь это Холминъ, право-те слово, Холминъ! (*встаетъ и идетъ къ Холмину*) Васюкъ! А Васюкъ!

холминъ (*оглядываясь*). Кто меня зоветъ? А? кто меня? (*увидя Аншпугова*). Мое почтеніе-съ, Данило Прокофьичъ! что, знать, погуливать изволите-съ? Доброе дѣло-съ!

аншпуговъ (*смотритъ на него пристально*). Да что ты братъ Васюта, какъ будто не въ себѣ? А?

холминъ. Ничего-съ... Ей Богу, ничего-съ! неуклюжести маленькія приключились.

аншпуговъ. Э! что, знать съ какимъ нибудь сочинителемъ повздорилъ? Вѣдь вы книжники — народъ ножовый, у васъ никому спуска нѣтъ, кажнаго оплестъ рады.

холминъ. Нѣтъ ужъ, то же и сочинителей - то оплестешь, такъ трехъ дней не проживешь.

аншпуговъ. Такъ что же такое? Али тебѣ кто нибудь полшубокъ-то выжарилъ?

холминъ (*со вздохомъ*). Да-съ, на мошенника-съ наскочилъ-съ. 400 рублей серебромъ чистыхъ денегъ пропадаетъ-съ.

аншпуговъ. Ой-ли! эка-братъ, право жалко! Вѣдь это для тебя, закуска-то нескусная.

холминъ. Что дѣлать-съ, знать полуса такая-съ; нынѣшній годъ меня тысячь на пять обначили-съ.

аншпуговъ (*недовѣрчиво*). Ужъ и на пять?

холминъ. Право — Ей Богу-съ! хошь скрость землю провалиться! Да вотъ, который у меня теперича ускользнулъ, — такъ на одномъ тысячу четыреста ассигнаціямъ, ну сами разсудите-съ.

аншпуговъ. По документамъ?

холминъ. Есть два векселя, да что проку-то: развѣ только что въ тюрьму посадить.

аншпуговъ. Изъ торговцевъ?

холминъ. Какъ же-съ, еще двѣ лавки имѣеть; да только въ одной-то моль на полкахъ, а въ другой — аршинъ да ножницы аншпуговъ. Ха, ха, ха! ну знатный же торговецъ! какъ фамилья то?

холминъ. Оглодковъ, чтобъ ему ни дна ни покрывки!

аншпуговъ *(съ удивленіемъ)*. Что? что?... Какъ ты молвилъ? Оглодковъ!... да какой это Оглодковъ? не Селифонть ли Анкудиннычъ?

холминъ. Э-эхъ! Данило Прокофичъ! Охота вамъ экова мазурика христіанскимъ именемъ называть!

аншпуговъ *(съ нетерпѣніемъ)*. Да ты говори дѣломъ: онъ что-ли?

холминъ. А съ какой бы стати я сталъ обманывать? Вѣдь съ вашей милостью мы не первый годъ знакомы-съ.

аншпуговъ. И ты досконально знаешь, что у него въ лавкахъ нѣтъ никакого товару?

холминъ. Ни сinya пороха.

аншпуговъ. А долговъ много?

холминъ. Да коли и самаго-то его продать, такъ сотой доли не выручишь.

аншпуговъ *(въ сторону)*. Ай да свашенька! Ай да женишекъ! отмѣняйшій!

букинъ *(тихо Холмину)*. Ну что же ты, или ужъ и позабылъ, что у насъ дѣло есть? Отправимся поскорѣе въ Екатеринбургъ, гляди, что онъ теперь ужъ тамъ.

холминъ *(тоже тихо)*. Да вѣдь вонъ видишь, привязался съ распросами, чтобъ его лукавый взялъ! *(Аншпугову)* Мое почтеніе-съ, Данило Прокофичъ!

аншпуговъ *(разстроенный)*. Прощай, прощай, Васенька....

ЯВЛЕНІЕ X.

ТѢ ЖЕ, КРОМЪ ХОЛМИНА И ОГЛОДКОВА.

аншпуговъ *(съ сердцемъ)*. Ну вы, самоварницы! напились что ли?

МАВРА. Мы-то напились, а ты развѣ не хошь больше? аншуговъ (*сердито*). Не хочу; Мишка! собирай посуду да укладывайся.

МАВРА. Да что ты батька, ужъ не домой ли?

АНШУГОВЪ (*мрачно*). Домой!

ДОМУШКА. Ахъ, тятенька! Да что вы это? Дайте хошь девятую-то чашку чаю выпить.

АННУШКА (*тихо Домнуткъ*). Полно сестрица...

ДОМУШКА (*съ сердцемъ*). Да тебѣ хорошо говорить-то, какъ ты двѣнадцать охолостила.

АНШУГОВЪ (*тоная ногою*). Молчать! сороки... (*вся компанія встаетъ*). Я васъ уже!

(*Мишкъ, который въ это время съ гребцомъ все уложили въ яликъ*). Готово ли?

МИШКА (*кричитъ съ берега*). Все готово-съ, извольте садиться, дядюшка.

АНШУГОВЪ (*своимъ*). Ну вы нечесанья! поворачивай оглобли-то! (*свахъ*) Прощай Сидоровна!

СВАХА. Куда же батюшка, прощай? ужъ и я съ вами.

АНШУГОВЪ (*отталкивая ее*). Нѣтъ, ужъ намъ пиковыя-то крали не подмасть! ты лучше подожди своего мильёнщика — жениха, да съ нимъ и прїѣдешь. (*Всѣ хохочутъ, садятся въ яликъ и утѣшаются*).

ЯВЛЕНІЕ XI.

СВАХА (*одна*). Захлѣбнуться бы вамъ! утонуть бы вамъ!... эка наказаніе! да чѣмъ я виновата?... эка напасть! эка напасть!... (*шаритъ въ карманахъ*), вѣдь и денегъ-то ничего съ собой не захватила, и наперевозъ-то даже нѣтутко.. (*Въ это время многіе гуляющіе торопятся къ берегу, садятся въ ялики и утѣшаются. Начинаетъ по немногу смеркаться*). Вонъ всѣ добрые люди домой спѣшать, а я хоть начуй здѣсь (*проходитъ несколько чело-вѣкъ подъ зонтиками*) Ахти, батюшки! дождикъ! (*выворачиваетъ салонъ на лѣвую сторону*).

ЯВЛЕНИЕ XII.

СВАХА, ОГЛОДКОВЪ.

оглодковъ (пьяный). Надулъ Ваську! падулъ! и пьянъ нашлся и Ваську надулъ.... молодець! Ей Богу, молодець! насъ не обначишь, насъ не обначишь!.... мы сами тоже не лѣвой ногой носъ утираемъ!... Да-съ! (поетъ) Ужъ какъ вѣтъ вѣтерокъ.... (декламируетъ). Не смѣйся братъ надъ сѣдинами.... Гуляй!

сваха (увидя Оглодкова). Ахъ ти! Да никакъ это мое сокровище? (подходитъ). Такъ и есть, (ему) Селфонтъ Анкудинычъ! что это ты дѣлаешь? озорникъ ты энтакой!

оглодковъ (не оглядываясь). Какъ ты смѣешь браниться?.... (увидя сваху) А! Грибъ-боровикъ!... А невѣста гдѣ?

сваха. Нѣтъ ужъ батюшка, невѣста-то твоя тю-тю!

оглодковъ. Уѣхала что ли?... Ну чортъ съ ней!... у меня есть другая невѣста... (вынимаетъ бутылку съ мадерой). Видишь?.. (пьетъ) А ты за чѣмъ здѣсь осталась?

сваха (въ сторону). Экъ онъ наморозился (ему). Да вѣдь и по неволѣ останешься, коли съ собой не взяли, а все черезъ твою милость; а денегъ у меня не гроша.

оглодковъ (не слушая ее, поетъ).

«Денегъ, денегъ, ни гроша,
За то слава хороша!!»

Эхъ-ма! (приплясываетъ).

сваха. Да полно дурить-то! нѣтъ ли у тебя, дай-ко мнѣ деньжонокъ-то.

оглодковъ Ни копѣйки!

сваха. Хошь маленечко.

оглодковъ. Ни денежки!

сваха. Да вѣдь мнѣ самую бездѣлицу.

оглодковъ. Ни полушки!

сваха. Только на перевозъ....

оглодковъ (поетъ). Дорогъ, дорогъ перевозъ!

сваха (разсердясь). Тьфу! провались же ты окаянный! (въ сторону). Неча дѣлать, надо будетъ хошь носовой платокъ отдать.

перевозчику (Оглодкову съ сердцемъ). Прощай окамелокъ! (Въ это время еще прибываетъ множество народа къ берегу. Сважа торопится за ними. Слышны отдаленные раскаты грома).

ЯВЛЕНІЕ XIII.

ОГЛОДКОВЪ (одинъ).

Проваливай! проваливай!... А я что буду здѣсь дѣлать?... я буду гулять! Я никого не боюсь... я самага чорта не испугаюсь! Васька Холминъ и страшнѣе его, да я и того надулъ... (Совсѣмъ смеркается.) Нужды нѣтъ, что темно, (принимается за бутылку) бутылку-то я и въ потьмахъ найду. (Пьетъ) Эхъ, жаль! поподчивать-то некого... хоть бы какой нибудь дьяволъ явился, да раздѣлилъ компанію... Эхъ, чортъ возьми!

(При сильномъ ударѣ грома, изъ-подъ земли* показывается пламя и является неизвѣстный господинъ въ плащѣ).

ЯВЛЕНІЕ XIV.

ОГЛОДКОВЪ И ГОСПОДИНЪ.

господинъ. Здоровы ли вы?

оглодковъ (отскакивая). По маленечку-съ.... (Въ сторону) Кто бы это такой былъ? лицо знакомое, а узнать не могу....

господинъ. Вы меня звали?

оглодковъ (струсивъ). Нѣтъ-съ.... я думалъ, что нѣтъ ли здѣсь какого нибудь пріятели-съ.... чтобы знаете, вмѣстѣ провести время-съ....

господинъ. Неудобно ли со мною?

оглодковъ. Да куда же-съ? ко мнѣ ни подъ какимъ видомъ нельзя-съ. (Въ сторону). Того и жду, что завтра должники нагрянутъ.

господинъ. Такъ ко мнѣ.

оглодковъ. А вы далеко ли жительствоуете-съ?

господинъ. Близехонько.

оглодковъ (въ сторону). Хоть рожа и обезьянья, а знатный парень! (ему) Съ нашимъ удовольствіемъ-съ.

господинъ. Такъ потрудитесь же сказать тоже, что вы сказали передъ моимъ приходомъ.

оглодковъ. Да что-же-съ? я казись сказалъ: чортъ возьме господинъ (беретъ его за руку). Пожалуйте-съ.

(Самый сильный ударъ грома, изъ-подъ земли опять показывается пламя. Оглодковъ и господинъ начинаютъ проваливаться).

оглодковъ (кричитъ). Караулъ! караулъ! помогите! Васька Холминъ; прикинулся чортомъ и тянетъ меня въ тюрьму!

(Проваливаются).

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ВО ВТОРОМЪ ОТДѢЛЕНИИ:

Его Мрачность, Сатана	<i>Г. Гедуб.</i>
Вельзевуфъ, долгохвостый взирь	<i>Г. Васильевъ.</i>
Астаротъ, чортъ по особымъ порученіямъ	<i>Г. Зилинъ.</i>
Атурей, чортъ журналистики	<i>Г. Антонолино.</i>
Фифи-коко, чортъ, завѣдывающій супружескими дѣлами.	<i>Г. Фальсезъ.</i>
Лежебокъ, старый чортъ, дуракъ и наушникъ сатаны.	<i>Г. Прусаковъ.</i>
Тузь, чортъ картежной игры	<i>Г. Радинъ.</i>
Асмодѣй, чортъ библіотекаръ	<i>Г. Сергѣевъ.</i>
Селлфонтъ Анкудинычъ Оглодковъ	<i>Г. Григорьевъ 2.</i>
1 { Чертв, караульные	<i>Г. Горшенковъ.</i>
2 {	<i>Г. Мушинъ.</i>
Множество чертей.	

ОТДѢЛЕНИЕ II.

Вылетѣльъ въ трубу!

(Театръ представляетъ адъ, на правой сторонѣ тронъ изъ костей, облепленный летучими мышами, на лѣвой, чугунная дверь, ведущая въ спальню сатаны, въ концѣ театра видна геенна, горящая адскимъ пламенемъ; — на сценѣ темно.)

ЯВЛЕНИЕ I.

1-й чортъ и 2-й чортъ (стоятъ по бокамъ чугунной двери).

1-й чортъ. Нѣтъ, братъ, воля твоя, а мнѣ надоѣло!

2-й чортъ (со вздохомъ). Охъ! и мнѣ тоже, да дѣлать-то нечего.

1-й чортъ. Слишкомъ 1200 лѣтъ мы исправляемъ должность почетной стражи, и не получили еще никакой награды, это ужасно! я буду проситься въ отставку.

2-й чортъ. Не отпустить.

1-й чортъ. Не отпустить? Это съ его стороны будетъ безсовѣстно! На томъ свѣтѣ хорошіе господа, за долговременную службу, даже крѣпостныхъ людей отпускаютъ на волю, да еще и пенсіоны даютъ.

2-й чортъ. Ну, да чегожь ты хочешь?

1-й чортъ. А я хочу, чтобы мнѣ по крайней мѣрѣ вызолотили рога.

2-й чортъ. Эге, куда залетѣлъ! Да много ли здѣсь чертей съ золотыми-то рогами?

1-й чортъ (*съ сердцемъ*). Такъ за то, много ли у него такихъ вѣрныхъ слугъ, какъ мы? Вотъ хоть бы и теперь: онъ спитъ, а мы не дремлемъ.

2-й чортъ. Тсъ! тише! Долгохвостый визирь идетъ сюда.
(*Оба вытягиваются*).

ЯВЛЕНИЕ II.

ТЪ ЖЕ И ВЕЛЬЗЕВУФЪ.

ВЕЛЬЗЕВУФЪ (*звывая и потягиваясь*). Здорово, черти.

ОБА. Здравія желаемъ, ваша маленькая темность!

ВЕЛЬЗЕВУФЪ. Ну, что нашъ властелинъ?

1-й чортъ. Почиваютъ.

ВЕЛЬЗЕВУФЪ. Спокойно?

1-й чортъ. Не совсѣмъ; — два раза кашлянули, два раза чихнули и....

ВЕЛЬЗЕВУФЪ. Хорошо. (*Видя входящихъ Астарота и Оглодкова*.) Кого это такъ рано несетъ сюда нелегкій?

ЯВЛЕНИЕ III.

ТЪ ЖЕ, АСТАРОТЪ И ОГЛОДКОВЪ.

АСТАРОТЪ (*Оглодкову*). Ну, что, каково у насъ?

ОГЛОДКОВЪ. Ничего-съ, тепленько-съ.

ВЕЛЬЗЕВУФЪ (*узнавъ Астарота*). Астаротъ! Душа моя!

АСТАРОТЪ (*узнавъ Вельзевуфа*). Вельзевуфъ! красавчикъ! (*Бросаются другъ другу въ объятія*) Сколько лѣтъ, сколько зимъ не видались!

ОГЛОДКОВЪ (*въ сторону*). Ахъ, прахъ ихъ побери! Глядики, вѣдь словно и люди здоровкаются!

ВЕЛЬЗЕВУФЪ. Душка! да гдѣ ты это пропадаешь?

АСТАРОТЪ (*тихо*). Охъ, братъ, ужъ лучше и не говори: все на томъ свѣтѣ, вотъ съ этими дураками баладаля.

ВЕЛЬЗЕВУФЪ. Ну, братъ, а вѣдь нашъ-то больно на тебя сердитъ, то и кричитъ: какъ онъ смѣлъ просрочить казенный отпущекъ? Есть-ли у тебя хоть докторское свидѣтельство?

АСТАРОТЪ (*величественно*). Дѣла мои и заслуги, стоять всякаго свидѣтельства.

ВЕЛЬЗЕВУФЪ. Какъ?!

АСТАРОТЪ. Да такъ, я привелъ съ собою 12 тысячъ докторовъ, 13 тысячъ лекарей, 11 тысячъ подлекарей, 15 тысячъ аптекарей, 10 тысячъ провизоровъ (учениковъ не бралъ, пускай подростутъ) и жидъ фокусника.

ВЕЛЬЗЕВУФЪ. Ну, въ такомъ случаѣ, ты будешь отлично принимать сатаню.

АСТАРОТЪ. Надѣюсь. Но это еще не все: посмотри на эту глупую рожу и полюбуйся (*показываетъ на Оглодкова*).

ВЕЛЬЗЕВУФЪ. Что это за тѣнь?

АСТАРОТЪ (*хохочетъ*). Хороша тѣнь! пудовъ восемь вѣсомъ будетъ! Нѣтъ, мой другъ, это живой человѣкъ.

ВЕЛЬЗЕВУФЪ (*съ удивленіемъ*). Какъ! что? живой человѣкъ! ты привелъ сюда живаго человѣка?... не можетъ быть!... Знаешь-ли ты, что со временъ Орфея и Геркулеса, въ аду не являлось ни одной живой души. Да и тѣ были ужасные мошенники! одинъ заставилъ насъ плясать подъ свою дудку, а другой намозолил намъ бока своей палицей, но этотъ вѣрно не надуется?

АСТАРОТЪ. Ну братъ, не надѣйся, и пальца въ ротъ не клади; вѣдь онъ апраксинскій.

ВЕЛЬЗЕВУФЪ. Познакомь меня съ нимъ пожалуста.

АСТАРОТЪ. Изволь. (*Оглодкову*) Селфонтъ Анкудиннычъ! оглодковъ (*который въ это время разсматривалъ адъ*). Что вашей милости требуется-съ?

АСТАРОТЪ. Вотъ это г. Долгохвостый! онъ желаетъ съ вами познакомиться.

ОГЛОДКОВЪ (*раскланивался*). Очень пріятно-съ...

ВЕЛЬЗЕВУФЪ. Никакъ нѣтъ.

ОГЛОДКОВЪ. Такъ извините-съ, а сходствіе большое-съ.

ВЕЛЬЗЕВУФЪ. Можетъ быть, на нашемъ свѣтѣ множество людей походятъ на насъ.

САТАНА (*за кулисами*). Чаю и сухарей!

чортъ (кричитъ). Его мрачности чаю и сухарей (слышно нѣсколько отголосковъ, которые кричатъ: чаю и сухарей).

вельзевуфъ (съ испугомъ). Ахти! онъ проснулся! а у меня еще и доклады не приготовлены, вотъ бѣда-то! прощай Астаротушка! прощай голубчикъ (беретъ за руку Оглодкова и жметъ ее). До свиданія съ.

оглодковъ. Ой-ой! Вотъ попался къ чорту въ лапы! (Вельзевуфъ уходитъ).

ЯВЛЕНІЕ IV.

ТЪ ЖЕ, КРОМЪ ВЕЛЬЗЕВУФА.

астаротъ (подбѣгая къ Оглодкову). Что такое? что съ вами? оглодковъ (дуетъ на руку). Да что, помилуйте-съ, его милость, своей лапой мнѣ всю руку провозилъ, глядитетко-съ какія поскребины надѣлалъ. (увидя восьмерыхъ чертей, которые несутъ съ спальню сатаны двѣ сороковыхъ бочки) А это что такое-съ?

астаротъ. Очищенное вино: Его мрачность, вмѣсто чая всегда выпиваетъ двѣ бочки очищеннаго.

оглодковъ (съ удивленіемъ). Эка глотка! откеле же это-съ?

астаротъ. Это съ вашего свѣта, подарокъ винныхъ откупщиковъ.

оглодковъ. Вотъ те батюшка и Юрьевъ день! такъ вотъ отчего вино-то и вздорожало!.. А мы все жалуемся на откупщиковъ. Ахъ, бѣдняги, бѣдняги! Коли они по эстольку дарятъ кажиному чорту, такъ тутъ и своихъ не выручишь. (Четыре чорта несутъ мышки, и у каждаго изъ нихъ въ рукахъ связка книгъ, какъ обыкновенно ходятъ букинисты).

астаротъ. Вотъ и сухари его мрачности.

оглодковъ. А кажись это книги-съ?

астаротъ. Онъ употребляетъ ихъ вмѣсто сухарей.

оглодковъ (въ сторону). Не диво же, что у насъ опосля энтаго и читать-то нечего. (Астароту) Тоже на шарамышку покупаете-съ?

астаротъ. Нѣтъ, его мрачность, беретъ ихъ съ книжниковъ за долгъ, по половинной цѣнѣ.

оглодковъ (съ радостью). Что вы говорите-съ? Да не долженъ ли ему Васька Холминъ?

Астаротъ. Помплуйте, какъ же не долженъ; это нашъ комисіонеръ.

оглодковъ (*бросается цаловать Астарота*). Голубчикъ! родной! чортушка ты мой отмѣниѣйшій! нельзя ли мнѣ сдѣлать переводецъ по двумъ векселишкамъ? Вѣдь я передъ нимъ въ обязательствѣ нахожусь.

Астаротъ. Я думаю, что его мрачность и согласится принять вашъ долгъ на себя, только на одномъ условіи.

оглодковъ. Какое его милости угодно, я все дамъ, хошь по 20 процентовъ въ мѣсяцъ.

Астаротъ. Нѣтъ, это много; ему кромѣ души ничего не надобно.

оглодковъ (*съ радостію*). Ходитъ съ (*съ-сторону*) Мнѣ бы только отерочку-то получить, а тамъ ужъ какъ нибудь да вывернемся,— наше дѣло торговое, надували и не такихъ чертей.

Астаротъ (*смотря за кулисы*). А! вотъ наконецъ и весь адскій штатъ собирается.

ЯВЛЕНІЕ V.

ТЪ ЖЕ; ВЕЛЬЗЕВУФЪ, АТУРЕЙ, ФИФИ-КОКО, ЛЕЖЕБОКЪ, БУВАНТУГЪ, ТУЗЪ И МНОГО ДРУГИХЪ ЧЕРТЕЙ.

оглодковъ (*смотря на чорта*). Славные хвосты у вашей братіи. (*беретъ за хвостъ Астарота и разсматриваетъ*). Наши барыни на плечахъ носятъ горазже хуже энтихъ, а по пяти цѣлковыхъ платять.

1-й чортъ (*кричитъ*). Его мрачность! (*Всѣ черти оправляютъ, становятся по ранжиру и начинаютъ хоръ*).

ХОРЪ.

Вивать! вивать! Духъ вѣчной тьмы!
Прими чертовское собранье,
Здѣсь для того явились мы,
Чтобъ исполнять твои желанья.

ЯВЛЕНИЕ VI.

ТЪ ЖЕ И САТАНА (*Выходитъ и садится на тронъ*).

САТАНА (*подумавъ, обращаясь къ прочимъ*). Ну, ракалин! рассказывайте! Да только не врать, потому что меня обмануть трудно.

ОГЛОДКОВЪ (*въ сторону*). Ахъ ты юлыманъ энтакой! Да у насъ на апраксинномъ, тебя кажинный мальчишка обмѣряетъ.

САТАНА. Чортъ журналистики, говори!... или нѣтъ, постой! Гдѣ чортъ бібліотекаръ?

АСМОДѢЙ. Я здѣсь, повелитель!

САТАНА (*). Какихъ ты сухарей мнѣ прислалъ сегодня на завтракъ? они черевты какъ дрова.

АСМОДѢЙ (*струсивъ*). Ваша мрачность! Другихъ не могъ достать. Это самыя новыя сочиненія, только что вышли изъ типографіи и сейчасъ же отправлены въ ломбардъ громоздкихъ вещей.

САТАНА. Сколько разъ говорилъ я тебѣ, что не люблю вещей тяжелыхъ? А ты какъ на зло, подсунулъ мнѣ что-то такое жесткое, сухое....

АСМОДѢЙ. Мрачнѣйшій повелитель, смѣю увѣрить, что это лучшая наша литература.

САТАНА. Это лучшая ваша литература? Такъ она дура!

ОГЛОДКОВЪ (*въ сторону*). Значить и къ чорту не годится!

САТАНА (*Асмодью*). Смотри, на первый разъ прощаю, но чтобы еще этаго никогда не было (*Атурей*). Ну теперь ты?

АТУРЕЙ. Журнальныя дѣла идутъ своимъ порядкомъ: шуму и брани очень много....

САТАНА. А драки?

АТУРЕЙ. Драки покуда еще нѣтъ.

САТАНА (*гнѣвно*). Такъ что за шумъ, коли драки нѣтъ!

ОГЛОДКОВЪ (*въ сторону*). Знамо дѣло, что хорошая потасовка, лучше всего.

САТАНА. И неужели ты не могъ ихъ довести до этого?

(*) Заимствовано изъ сочиненія Барона Брамбеуса: большой выходъ у
...аны.

АТУРЕЙ. Очень трудно, ваша мрачность! Все журналисты такіе трусишки... однакожъ мнѣ удалось устроить одну ссору довольно серьезную; между газетой и газеточкой.

САНА (съ восторгомъ). Ахъ, славно! спасибо! онъ давно этого стоить. (тузу) Ну, а ты что скажешь?

ТУЗЪ (вздыхая). Охъ плохо, ваша мрачность!

САНА (съ удивленіемъ). Что такое?... Ужъ не перестали ли люди играть въ карты?

ТУЗЪ. Нѣтъ, играть-то играютъ, да не такъ какъ прежде.

САНА. Это почему?

ТУЗЪ. Вы знаете, что многія игры теперь запрещены...

САНА. А ты развѣ не можешь выдумать другихъ?

ТУЗЪ. Стараюсь, ваша мрачность, изо-всѣхъ силъ стараюсь! И вотъ еще не очень давно пересочинилъ и усилилъ одну старую игру.

САНА. Какую это?

ТУЗЪ. Лото въ клубѣ.

САНА. Да это говорить ужасная мерзость!

ТУЗЪ. Виновать! лучшаго не выдумалъ!

САНА. Чтобъ освѣжить твой мозгъ и прибавить разума; такъ ступай въ геенну чихать два раза всякую секунду въ продолженіи 500 лѣтъ (стражамъ). Возьмите этого дурака! (Тузу чихаетъ, стража уводитъ его).

ЯВЛЕНИЕ VII.

ТѢ ЖЕ, КРОМЪ ТУЗА.

ОГЛОДКОВЪ (Астароту). Что же-съ? не пора-ли и намъ сказать: «съ пальцемъ девять» его милости-съ?

АСТАРОТЪ. Нѣтъ еще, погодите немножко.

ОГЛОДКОВЪ. Очень хорошъ-съ, мы и понаровку сдѣлаемъ-съ.

САНА (Вельзевуфу). Кто еще будетъ представляться?

ВЕЛЬЗЕВУФЪ. Управляющій супружескими дѣлами.

САНА. Гдѣ же онъ? (Фифи-коко подходит и раскланивается). А! любезный мой Фифи-коко, — ну что, здоровъ-ли?

ФИФИ-КОКО (раскланиваясь). По маленьку, ваша мрачность.

САНА. Какъ идутъ дѣла по твоей части?

ФИФИ-КОКО. Отмѣнно хорошо, ваша мрачность, — въ супру-

жествахъ господствуетъ необыкновенная скука; мужа и жены ссорятся по два и по три раза въ день.

САТАНА. Я знаю твою дѣятельность и усердіе, покажи мнѣ свою табель.

ФИФИ-КОКО (*подаетъ ему огромный листъ пергамента*). Вотъ она, ваша мрачность.

САТАНА (*читаетъ*). Сколько измѣнъ!... сколько ссоръ... какая пропасть дракъ! и какое множество любовныхъ писемъ разослано въ теченіе одного мѣсяца!... скажи пожалуста, неужели столько супружествъ ты разстроилъ въ такое короткое время?... 777, 777? Это ужасъ!...

ФИФИ-КОКО. Именно столько, ваша мрачность.

ОГЛОДКОВЪ (*Астароту*). Ахъ, мазурикъ проклятый! Надо бытъ и Евдокима Сидорыча Забулдыгина, онъ же поссорилъ съ сожительницей.

САТАНА. Дѣла текутъ у тебя чрезвычайно скоро.

ФИФИ-КОКО. Женщины, ваша нечистая сила, проволочекъ не любятъ.

САТАНА. Какъ бы то ни было, но я умѣю цѣнить дарованія, и награжу тебя блистательнымъ и приличнымъ образомъ. Вельзевуфъ! вызолотить ему рога.

ВЕЛЬЗЕВУФЪ. Слушаю, ваша мрачность (*чертямъ*). Возьмите его! (*Черти схватываютъ и уносятъ Фифи-коко*).

ЯВЛЕНІЕ VIII.

АСТАРОТЬ (*тихо Оглодкову*). Вотъ пришла и наша очередь. (*Выскакиваетъ*). Мрачнѣйшій сатана! я здѣсь передъ тобой, какъ листъ передъ травой!

САТАНА (*удивясь и скрывая свою радость*). А! Разбойникъ! Гдѣ ты пропадалъ? гдѣ скитался? гдѣ бродяжничалъ столько времени?

АСТАРОТЬ (*кланяясь*). По особымъ порученіямъ, ваша нечистая сила.

САТАНА. А отпускъ? на сколько я тебѣ далъ отпускъ?

АСТАРОТЬ. На 28 лѣтъ.

САТАНА. Какъ же ты смѣлъ просрочить?

АСТАРОТЬ. Экстренныя обстоятельства въ пользу ада, задержали меня на томъ свѣтѣ.

САТАНА. А вотъ посмотримъ, что ты сдѣлалъ путнаго. Гдѣ табель?

АСТАРОТЬ (*подаетъ табель*). Вотъ она, ваша мрачность.

САТАНА (*читаетъ и удивляется*). Какъ!... неужели?... и ты всѣхъ этихъ народовъ привелъ съ собою?

АСТАРОТЬ. Всѣхъ, ваша мрачность; даже еще одинъ не отмѣченъ.

САТАНА (*треплетъ его по плечу*). Молодецъ! Ну, а кто же не отмѣченъ?

АСТАРОТЬ (*выводитъ за руку Оглодкова*). Вотъ онъ.

САТАНА. По чему?

АСТАРОТЬ. Потому что въ данной мнѣ интрукціи, ничего не было сказано о живыхъ людяхъ, и я взялъ его на свой страхъ.

САТАНА. А развѣ онъ живой?

ОГЛОДКОВЪ (*разшаркиваясь*). Покуда еще по маленьку здравствуемъ-съ.

САТАНА (*вскакиваетъ съ креселъ и бросается обнимать Астароту*). Голубчикъ! Да за этотъ подарокъ, тысячу разъ тебѣ спасибо!... миллионъ тысячъ разъ благодарствуй!.. Откуда ты поддѣлъ этакое сокровище?

АСТАРОТЬ. Я взялъ его въ Петербургѣ, на рѣзвомъ островѣ, а торгуешь онъ...

ОГЛОДКОВЪ (*перебивая*). На Апраксиномъ дворѣ, по лоскутной линіи, двѣ лавки имѣемъ-съ; вотъ и номеръ съ. (*Подаетъ карточку*). Если для вашей милости что потребуется, такъ милости просимъ-съ. Мы торгуемъ по честности-съ, мальчишку пришлите, такъ и того не обманемъ-съ.

САТАНА. Ха, ха, ха! Да онъ шутъ естественный!

ОГЛОДКОВЪ. Или сами не будете-ли чего продавать изъ старого платья, мы тоже и покупаемъ-съ.

САТАНА (*Хохочетъ*). Ой-ой! Да онъ уморитъ меня со смѣху! Ну, Астаротъ! Одолжилъ ты меня, да за то и я передъ тобою въ долгу не останусь (*чертлмъ*). Вотъ вамъ еще долгохвостый визирь!

всѣ. Какъ!

АСТАРОТЬ. Ахъ, ваша нечистая сила! такая высокая милость... чѣмъ я заслужилъ?

САТАНА. Усердіемъ и ревностью къ службѣ нашей (*чертлмъ*) Принесите сюда, знакъ визирскаго достоинства! что же касается до этого молодца, такъ я дѣлаю его моимъ первымъ дуракомъ. Лежебокъ! подавай въ отставку.

ЛЕЖЕБОКЪ. Какъ, ваша мрачность! неужели?... *САНА*

САНА (грозно). Подавай въ отставку! не то и такъ выгоню! (Черти приносятъ длинный хвостъ и подаютъ сатанѣ). Астаротъ! приближься! (Астаротъ подходитъ къ сатанѣ, онъ оборакиваетъ его задомъ, отрываетъ старый хвостъ и припиливаетъ ему новый). Поздравляю тебя, долгохвостый визирь!

всѣ. Вивать! Вивать! Нашъ долгохвостый визирь!

ОГЛОДКОВЪ (разсматривая новый хвостъ Астарота). Съ обновкой честь имѣемъ проздравить-съ. (Тихо). Старого-то не уступите ли мнѣ-съ? Я бы знаете, невѣстѣ сдѣлалъ подарокъ.

АСТАРОТЪ (отдавая ему хвостъ). Съ большимъ удовольствіемъ.

ОГЛОДКОВЪ (разсматривая). Маленечко попостерть... Ну, да и то сказать: даровому коню въ зубы не смотрятъ.

САНА (звываетъ). Однако-же, мнѣ пора и успокоиться. Астаротъ! Ты ступай теперь въ канцелярію, пересмотри всѣ дѣла, и которые найдешь не конченными, доложи мнѣ послѣ отдыха.

АСТАРОТЪ. Слушаю, ваша мрачность.

САНА (чертлмъ). А вы всѣ по своимъ мѣстамъ!

Всѣ отправляйтесь по мѣстамъ

И принимайтесь за дѣло;

Я послѣ самъ явлюся къ вамъ,

Чтобъ все въ аду моемъ кипѣло!

(Уходитъ).

ХОРЪ.

Себя покажемъ передъ нимъ,

Усердьемъ къ службѣ отличимся!

Пойдемъ! весь адъ закипятимъ

И сами всѣ раскипятимся!

(Расходятся въ разныя стороны).

ЯВЛЕНІЕ ІХ.

ОГЛОДКОВЪ И ЛЕЖЕБОКЪ.

ОГЛОДКОВЪ (смотря въ слѣдъ уходящихъ). Не кипятись, ребята! Жилка лопнетъ! — Однакоже, что же это значить? Зата-

щипь-то меня сюда затащили, а переводу-то по вексялямъ не сдѣлали. Ужъ не хотять ли господа черти меня обначить, то есть, сбить на пустую?... Нѣтъ, моргенъ-фри!

ЛЕЖЕВОКЪ (*смотритъ нѣсколько времени съ презрѣніемъ*). Гмъ! И этотъ уродъ заступитъ мое мѣсто!—Обида! жестокая обида! (*Подходитъ къ Оглодкову*). Послушайте! Эй, вы, какъ васъ?....

ОГЛОДКОВЪ (*съ сторону*). Веѣ ушли, а этотъ остался.

ЛЕЖЕВОКЪ (*толкая его*). Я вамъ говорю!

ОГЛОДКОВЪ (*грозитъ ему пальцемъ*). Тсъ! Потише! языкомъ что хошь мели, да рукамъ воли не давай!

ЛЕЖЕВОКЪ (*грубо*). Такъ что же вы не отвѣчаете?

ОГЛОДКОВЪ. А для того, что не хочу; вотъ те и вся не долга.

ЛЕЖЕВОКЪ. Такъ я васъ заставлю.

ОГЛОДКОВЪ. Чего-съ? Полно, баринъ! Проваливай за добра ума! А нѣтъ, такъ вѣдь я и набольшому пожалуюсь.

ЛЕЖЕВОКЪ (*съ презрѣніемъ*). Интриганъ!

ОГЛОДКОВЪ. Самъ ты фондрыганъ.

ЛЕЖЕВОКЪ. Уродъ.

ОГЛОДКОВЪ. Вотъ красавецъ-то! Ха, ха, ха!

ЛЕЖЕВОКЪ. Ты думаешь и хорошо сдѣлавъ, что обидѣлъ стараго чорта? Ахъ ты!

ОГЛОДКОВЪ. Да какого чорта я обидѣлъ?

ЛЕЖЕВОКЪ. Какъ какого? А меня, развѣ ты меня не обидѣлъ?

ОГЛОДКОВЪ (*съ сторону*). Вотъ собака-то! Самъ лается, да на меня сворачиваетъ. (*Ему*). Слушайко-сь, дворецкій! Да ты, того?....

ЛЕЖЕВОКЪ (*съ сердцемъ*). Что такое, того?....

ОГЛОДКОВЪ (*прищелкивая по галстуху*). Нацапался что ли?

ЛЕЖЕВОКЪ. Самъ ты нацапался.

ОГЛОДКОВЪ. Ну нѣтъ, братъ, врешь! У меня со вчерашняго вечера еще и маковой росы во рту не было.

ЛЕЖЕВОКЪ. Такъ тѣмъ еще стыднѣе: въ трезвомъ видѣ и дѣлать подобныя глупости!

ОГЛОДКОВЪ. Тѣфу! дьявольщина! Да какія глупости?

ЛЕЖЕВОКЪ. За-чѣмъ ты сюда явился?

ОГЛОДКОВЪ. А тебѣ какое дѣло? Мнѣ хотѣлось полюбопытствовать, какъ вы здѣсь бобы разводите?

ЛЕЖЕВОКЪ. И какой чортъ привелъ тебя сюда?

ОГЛОДКОВЪ. Не знаю, онъ мнѣ своего имени и отечества не сказывалъ.

лежебокъ. Вотъ черезъ тебя мнѣ велѣно подавать въ отставку! Ты лишилъ меня дурацкой должности!

оглодковъ. Полноте, что вы-съ! Да я и въ понятіи своемъ никогда такого амбиціоннаго воображенія не имѣлъ, чтобы вашей чести какое ни на есть вредительство причинить-съ.

лежебокъ (*съ радостью*). Что?... какъ!... Такъ ты отказываешься отъ должности дурака?

оглодковъ. Съ моимъ удовольствіемъ-съ! Мнѣ ужъ и на томъ свѣтѣ дурачиться-то напрокучило-съ.

лежебокъ. И ты не хочешь здѣсь оставаться?

оглодковъ. Укажите только двери, такъ я въ сію-же минути и марширъ на хаузь.

лежебокъ. Въ томъ-то и штука, что дверей-то нѣтъ.

оглодковъ (*оглядываясь*). Эка оказія! это словно загадка: ни окошекъ, ни дверей, полна горница чертей!

лежебокъ (*подумавъ*). Правда, есть одно средство....

оглодковъ. Говорите-съ, можетъ статья и сподручно будетъ-съ.

лежебокъ (*показывая на пустыя бочки, вынесенныя изъ спальни сатаны*). Видишь-ли ты этѣ бочки?

оглодковъ. Вижу-съ. Вѣдь онѣ послѣ очищеннаго-съ?

лежебокъ. Да, каждый разъ послѣ отдыха, сатана, приказываетъ бросать ихъ въ глину, для того, чтобы очистить воздухъ въ аду, и распространить благовоніе.

оглодковъ. Ишь ты! Экой затѣйщикъ!

лежебокъ. Вотъ, если бы ты согласился съѣсть въ одну изъ нихъ, тогда бы непременно очутился на томъ свѣтѣ.

оглодковъ. Ай-да дворецкій! Что больно ловокъ! Вѣдь сгодишь?

лежебокъ. Ничего не бывало. Винными парамп, тебя сейчасъ же выброситъ въ трубу. Если только ты не боишься.

оглодковъ. Да тутъ кажись бояться нечего. Я и на томъ свѣтѣ по торговлѣ, въ трубу-то ужъ сколько разъ вылеталъ.

лежебокъ. Ну, такъ и дѣло съ концемъ. Садись-ко поскорѣе въ бочку, потому что его мрачность, долго отдыхать не любить.

оглодковъ (*въ раздумьи*). Гмъ! Да вѣдь тотъ чортъ, который привелъ меня сюда, обѣщался заплатить всѣ мои долги?

лежебокъ. Ну и я ихъ заплачу.

оглодковъ. А не смазурничаешь?

ЛЕЖЕБОКЪ (подаеъ ему палецъ). Вотъ тебѣ мой чортовъ палецъ.

ОГЛОДКОВЪ. Не надо. У насъ этакой дряннн и въ аптекахъ много.

ЛЕЖЕБОКЪ. Клянусь тебѣ рогами!

САТАНА (за кулисами) Курить въ аду!

ЛОЖЕБОКЪ. Слышишь? Сатана проснулся! полѣзай скорѣе въ бочку!

ОГЛОДКОВЪ. Э, была не была! (лѣзетъ въ разбитое дно бочки и выглядываетъ изъ другаго въ половину разбитаго дна) А что; меня не запримѣтно будетъ?

ЛЕЖЕБОКЪ. Нѣтъ, нѣтъ; только спрячь голову.

ЯВЛЕНИЕ X.

ТѢ ЖЕ, 1-й ЧОРТЪ И ПОТОМЪ ВСѢ ЧЕРТИ.

1-й ЧОРТЪ (выбѣгая). Курить въ аду! (за кулисами слышно повтореніе. Курить въ аду).

2-й ЧОРТЪ (вбѣгая). Гдѣ онъ? гдѣ онъ?

АСТАРОТЪ (вбѣгая съ другой стороны) Кто? кто?

2-й ЧОРТЪ. Его мрачность, спрашиваетъ новаго дурака.

АСТАРОТЪ (кричитъ). Гдѣ новыі дуракъ? (подбѣгая къ Лежебоку). Лежебокъ! гдѣ новыі дуракъ?

ЛЕЖЕБОКЪ. Не могу знать, ваше долгохвостіе! (это время черти схватываютъ бочки и бросаютъ ихъ въ геенну).

АСТАРОТЪ (кричитъ). Искать его! искать! (дѣлается страшная суматоха, черти бросаются изъ стороны въ сторону) Зажгите факелы! ищите по всемъ закоулкамъ! (пламя обхватываетъ бочки и Оглодковъ виденъ въ гееннѣ).

НѢСКОЛЬКО ГОЛОСОВЪ. Вотъ онъ! вотъ онъ!

ОГЛОДКОВЪ. Гуть моргенъ, — господа черти! (вылѣтаетъ въ трубу).

всѣ. Онъ убѣжалъ! онъ убѣжалъ! ловите его! ловите!

ХОРЪ.

Ахъ, какъ Апраксинецъ рискуеть!

Какую штуку отмахнулъ!

Кого жъ онъ послѣ не надуеть,

Когда ужъ сатану надулъ!

(Громкая музыка; но при опущеніи завѣсъ, самая тихая мелодія.)

=

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ВЪ ТРЕТЬЕМЪ ОТДѢЛЕНИИ.

СЕЛИФОНЪ АНКУДИНОВИЧЪ ОГЛОДКОВЪ. Г. Григорьевъ 2.

ПЕТРЪ СТЕПАНОВИЧЪ ПОДКОВИНЪ, ДЯДЯ ОГЛОДКОВА, Шуй-

скій купецъ. Г. Сосновскій.

ВАСИЛІЙ КОВЕРЗНЕВЪ, ПРИКАЩИКЪ ОГЛОДКОВА. Г. Марковецкій.

МАТВѢЙ ЗАКАЗНОЙ } торговли съ толкучаго рынка, Г. Петровъ.

ОНУФРІЙ ГЛАДКОВЪ } кредиторы Оглодкова. Г. Семеновъ.

КЛИМОВНА, КУХАРКА. Г-жа Ромазонова.

ОТДѢЛЕНІЕ III.

Возвращеніе.

(ТЕАТРЪ ПРЕДСТАВЛЯЕТЪ КОМНАТУ НЕ БОГАТОУБРАННУЮ. У ЗАДНЕЙ СТѢНЫ СТОЯТЪ ШЕРМЫ И ЗА НИМИ КРОВАТЬ, НА КОТОРОЙ СПЯТЪ ОГЛОДКОВЪ).

ЯВЛЕНІЕ I.

ПОДКОВИНЪ И КЛИМОВНА (*выходятъ изъ среднихъ дверей.*)

ПОДКОВИНЪ. Ну что, еще все дрыхнетъ?

КЛИМОВНА. Почиваетъ, батюшка, почиваетъ; да и не диво: пришелъ-то поздно, да и не тверезъ, ну такъ оно и спится.

ПОДКОВИНЪ (*ходитъ*). Каналья! мальчишка! (*Климовнѣ*). Поди-ко въ молодцовую, узнай, воротился ли Василій.

КЛИМОВНА. Ладно, батюшка, ладно. А коли воротился, такъ что молвить?

ПОДКОВИНЪ. Позови его ко мнѣ.

КЛИМОВНА. Слушаю сударь. (*кланяется и уходитъ*).

ЯВЛЕНІЕ II.

ПОДКОВИНЪ (*одинъ, ходитъ нѣсколько времени и потомъ садится на стулъ*). Такъ вотъ для чего покойный братъ наживалъ

капиталъ, вотъ для чего дрожалъ надъ кажиной копѣйкой, чтобы безпутный сынокъ протрапжирлъ все до снѣя пороха... эка шабала! шутка ли, въ три года промоталъ 25 тысячъ, да и долговъ надѣлалъ! еще слава Богу, что покойникъ не отдалъ ему всего капитала, а половину,—оставилъ у меня подъ сохраненіемъ, на всякій случай. Ну, а какъ бы да не такъ, ну чтобы теперича было? Вѣдь сгнилъ бы каналья въ тюрьмѣ!

ЯВЛЕНИЕ III.

ПОДКОВИНЪ И КОВЕРЗНЕВЪ.

КОВЕРЗНЕВЪ. Мое почтеніе, Петръ Степановичъ!

ПОДКОВИНЪ. А! Вася! ну что братъ?

КОВЕРЗНЕВЪ. Ничего-съ, все хорошо. Съ Холминымъ расплатился, вотъ и векселя-съ (*подастъ ему два вексела*).

ПОДКОВИНЪ. А съ другими?

КОВЕРЗНЕВЪ. Съ другими тоже-съ.

ПОДКОВИНЪ. Взялъ росписку?

КОВЕРЗНЕВЪ. Какъ же-съ, и въ книгахъ похерили (*подастъ росписку*). Извольте-съ (*взглянувъ на дверь*). Вотъ и остальные кредиторы-съ.

ЯВЛЕНИЕ IV.

ТЪ ЖЕ, ГЛАДКОЙ И ЗАКАЗНОЙ.

ПОДКОВИНЪ. А! милости просимъ, господа! милости просимъ! Что скажите хорошенькаго?

ГЛАДКОЙ (*Заказному тихо*). Вѣдь вотъ я правду говорилъ, что не онъ зоветъ.

ЗАКАЗНОЙ. Ну, такъ что-жъ, что не онъ? что тебѣ деньги-то получать не все равно, что-ли? (*Подковину*). Мы къ Селифонту Анкудину.

ПОДКОВИНЪ. Что, видно должку принеслъ?

ЗАКАЗНОЙ. Нѣтъ-съ, съ него-бы требовалось получить.

ПОДКОВИНЪ. А! за что же это?

ЗАКАЗНОЙ. Мнѣ за шляпы-съ.

гладкой. А мнѣ за книги-съ.
 подковинъ. И по многу онъ вамъ долженъ?
 заказной. Мнѣ 75 рублей серебромъ-съ.
 гладкой. А мнѣ 135 рублей ассигнаціямъ-съ.
 подковинъ (*въ сторону*). Экая голова! Сколько шляпъ переносилъ и сколько книгъ перечиталъ, все дуракъ дуракомъ! (*Имъ*).
 Пожалуйте, ваши счета.

заказной (*подаетъ счетъ*). Вѣрнехонько-съ!
 гладкой (*тоже*). Изъ копѣйки въ копѣйку-съ.
 подковинъ (*разсматривая счетъ Заказнаго*). Да, какъ же это такъ: тутъ у васъ записано, что въ одинъ день взяты двѣ шляпы?

заказной. Такъ и было-съ. Они изволили взять сперва одну шляпу-съ, да были маленечко въ куражѣ-съ, ну, а вѣдь куражный человѣкъ всегда пошатывается, вотъ они знаете, на Чернышовомъ мосту пошатнулись, да шляпу-то въ Фонталку и обро-нили-съ; а опосля пришли, да взяли другую-съ.

подковинъ (*смѣется*). Вѣрно. Получайте ваши деньги. (*Вынимаетъ бумажникъ и отдаетъ деньги*).

гладковъ (*кланяясь*). Покорнѣйше благодаримъ-съ! если и впредь понадобятся какія-нибудь книжки, то....

подковинъ (*перерывая*). Нѣтъ, ужъ онъ и такъ всему обученъ.

заказной. Тепереча у меня есть новыя, отличныя шляпы-съ!

подковинъ. Не нужно. Я его самъ накрою. Прощайте.

оба. Прощенія просимъ-съ. (*Кланяются и уходятъ*).

ЯВЛЕНИЕ V.

ПОДКОВИНЪ И КОВЕРЗНЕВЪ.

подковинъ. Уфъ! Ну что, Вася, все-ли?

коверзневъ. Теперь все-съ.

подковинъ. Слава Тебѣ Господи! Буди же его фондрыгала.

коверзневъ. Не лучше-ли дать ему поспать по-дольше?

подковинъ. И слышать не хочу.

коверзневъ. Да, не проспавшись-то, чтобы онъ не заартачился?

подковинъ. Да смѣть-ли онъ? Да я его!... Буди!...

КОВЕРЗНЕВЪ (подходитъ осторожно къ ширмамъ, и кличетъ). Селифонть Анкудинычъ!... Селифонть Анкудинъчъ!

ПОДКОВИНЪ. Э, да ты не такъ! А ты вотъ какъ. (Отдергиваетъ ширму и открываетъ спящаго Оглодкова). Селифонка! Селифонка!

КОВЕРЗНЕВЪ (тихо). Тихонько-сь, не испугайте-сь.

ПОДКОВИНЪ. Не бойсь, родимчика не сдѣлается. (Кричитъ еще сильнѣе). Селифонка! Селифонка! (Трясетъ его за руку). Вставай!...

ОГЛОДКОВЪ (во снѣ). Ммъ!... поди прочь! (Храпитъ).

ПОДКОВИНЪ (деретъ его за волосы). Вставай! Вставай! Вставай!

ЯВЛЕНИЕ VI.

ТЪ ЖЕ, И ОГЛОДКОВЪ.

ОГЛОДКОВЪ (просыпаясь, кричитъ). Ай-ай-ай!... Ой-ой-ой!... Стой! за что, за что?

ПОДКОВИНЪ (деретъ его еще сильнѣе). За волосы! за волосы!

ОГЛОДКОВЪ (вырывается). погоди!... (Оглядываясь). Гдѣ я?... (Увидя Подковина). Дядя!... Не можетъ быть! Это чортъ вырядился дядей!... (Бѣгаетъ и осматриваетъ комнату). Однакоже, вѣдь я, кажись, дома, въ своей горницѣ!... Нѣтъ, шалишь! погоди! (Подбѣгаетъ къ Подковину, поварачиваетъ его задомъ, и осматриваетъ). И хвоста нѣтъ!... (Смотритъ на руки). И когтей нѣтъ!... Да неужто я все это видѣлъ во снѣ?—Охъ, дай-то Господи! А вотъ сейчасъ узнаю. (Коверзневу). Василий! я всю ночь спалъ дома?

КОВЕРЗНЕВЪ. Всю ночь, Селифонть Анкудинычъ. Съ тѣхъ самыхъ поръ, какъ васъ привезли,—вы и не просыпались.

ОГЛОДКОВЪ (струсивъ). А! такъ меня привезли? кто меня привезъ?

КОВЕРЗНЕВЪ. Да двое молодцевъ, со шукина двора-сь.

ОГЛОДКОВЪ (отводитъ его въ сторону и говоритъ тихо). А не запримѣтилъ ты, хвостовъ у нихъ не было?

КОВЕРЗНЕВЪ. Что вы это, Селифонть Анкудинычъ, Господь съ вами! какіе хвосты? развѣ у людей хвосты бываютъ?

ОГЛОДКОВЪ (дѣлая изъ пальцевъ рога). И на лбу тоже, ничего этакаго?

- КОВЕРЗНЕВЪ. Я ничего не видалъ-съ.
- ОГЛОДКОВЪ. А откуда они меня привезли?
- КОВЕРЗНЕВЪ. Сказываютъ, что будто съ рѣзваго острова. Вы видишь сдѣлались больно хмѣльны, да тамъ и заснули.
- ОГЛОДКОВЪ (*въ сильной радости*). Ура! наша взяла! Вся эта чертовщина мнѣ пригрѣзлась во снѣ! (*Увидя дядю*). Дядюшка! Голубчикъ! Наше вамъ! съ пальцемъ девять!
- ПОДКОВИНЪ. Здорово, племянничекъ, здорово.
- ОГЛОДКОВЪ (*скороговоркою*). Здоровы ли вы-съ? Давно ли въ Шуи? Тетушка Маремьяна каково поживаетъ?
- ПОДКОВИНЪ. Да что ты, и въ правду, проспался, али нѣтъ?
- ОГЛОДКОВЪ. Маленечко не со всѣмъ, да это ничего-съ.
- ПОДКОВИНЪ (*горячо*). Разбойникъ! что ты дѣлаешь со своей головой?
- ОГЛОДКОВЪ. Торгую-съ.
- ПОДКОВИНЪ. Чѣмъ? развѣ въ проходномъ ряду вѣтромъ?
- ОГЛОДКОВЪ. Никакъ нѣтъ-съ; у меня двѣ лавки-съ.
- ПОДКОВИНЪ. Ну! собирайся въ дорогу!
- ОГЛОДКОВЪ. Чего-съ?
- ПОДКОВИНЪ. Оглохъ, что ли? тебѣ говорятъ, собирайся въ дорогу!
- ОГЛОДКОВЪ. Да куда же-съ?
- ПОДКОВИНЪ. Въ Шуи.
- ОГЛОДКОВЪ (*съ изумленіемъ*). Да развѣ вы не шутите-съ?...
- А лавки-то?
- ПОДКОВИНЪ. Вѣдь онѣ пустыя.
- ОГЛОДКОВЪ. Прикащики?
- ПОДКОВИНЪ. Разсчитаны.
- ОГЛОДКОВЪ. А долги-съ?
- ПОДКОВИНЪ. Всѣмъ заплачено.
- ОГЛОДКОВЪ (*съ радостью*). Ура! ура! (*обнимаетъ Подковина*). Ай-да дядя! ай-да мяляга!... (*Цалуетъ его*). А какъ же весь этотъ хламъ?
- ПОДКОВИНЪ. Не безпокойся ни о чемъ, ужъ я знаю что дѣлаю.
- ОГЛОДКОВЪ. Такъ стало быть, мнѣ только и слѣдуетъ, что уложиться?
- ПОДКОВИНЪ. Все твое платье ужъ давно уложено въ чемоданы, а ты только бери картузъ да и ѣдемъ!
- ОГЛОДКОВЪ. Ыдемъ дядюшка, ѣдемъ! (*идетъ и опять [возвращается]*). Погоди!
- ПОДКОВИНЪ (*у дверей*). Ну что тамъ еще?

оглодковъ. Погоди маленько! Вѣдь у меня еще есть долгъ, съ которымъ не знаю какъ и раздѣлаться?

подковинъ. Ну, братъ, какъ хочешь; а ужъ я платить болѣе не стану (*уходитъ*).

оглодковъ (*съ сердцемъ*). Да они тебя и не спрашиваютъ! тутъ ужъ видно одному приходиться отдуваться.

Я въ Шую отправляюся,
Прошу меня простить;
Но долгъ мой, постараюся
На предки заплатить.
Ужель меня обидите,
Войдете вы въ капризъ?...
Вѣдь глупости-то видите
Не въ первый бенефисъ...

МАДОННА.

(П. Д. Федорову).

Скажи, когда Мадонны образъ чистый
Восторженный художникъ рисовалъ, —
Не твой-ли взоръ божественно-лучистый
Онъ кистью творческой такъ живо передалъ? —

Безплотная! страдалицу ты явилась
Какъ горній лучъ, какъ ангелъ красоты, —
Въ его душѣ и въ мысляхъ отразилась
И — свѣтлыя его дѣлала мечты. —

И миръ узрѣлъ Мадонны ликъ священный —
И палъ онъ ницъ, и чистую молилъ!..
А передъ ней художникъ вдохновенный
Стоялъ задумчиво и — тихо слезы лилъ.

А. С.....

СМЪСЪ.

ДОКТОРСКІЙ ХАЛАТЪ.

(Истинное происшествіе).

«На свѣтѣ чудеса разсыяны по всюду» это неопровержимая истина, потому что иногда и вещи самыя обыкновенныя, на которыя мы всегда смотримъ весьма равнодушно, даже съ презрѣніемъ, вдругъ занимаютъ насъ, и тогда ужъ служатъ предметомъ нашихъ мыслей, нашихъ разговоровъ — дѣлаются для насъ чудеснымъ. Вотъ напримѣръ, исторія халата, который даже въ первыхъ гостинныхъ нашего города былъ главнымъ предметомъ разговора: халатъ — вещь, сама по себѣ обыкновенная, но описываемый мною халатъ, есть вещь необыкновенная. — Подарите мнѣ почтенные читатели нѣсколько минутъ, и я вамъ разскажу исторію халата.

Въ одномъ изъ лучшихъ переулковъ нашего роднаго города, вы проходите длинный рядъ деревянныхъ заборовъ, встрѣчаете калитки, ворота; вотъ одні ворота отперты, заглядываете во дворъ и видите нѣсколько деревянныхъ домиковъ, лачужекъ; въ каждомъ изъ этихъ домиковъ и лачужекъ есть особый квартирантъ: то оборванный портной, то босый сапожникъ, то миролюбивый чиновникъ, и даже — вы найдете здѣсь актеровъ и актрисъ. Актеры всегда на театрѣ и за театромъ, чудесно-натурально представляютъ горькихъ пьяницъ или надутыхъ глупцовъ, а М-мез актрисы, свободное отъ театральныхъ занятій

время, посвящаютъ рукодѣлю, и искусѣйшая изъ нихъ М...., слыветъ у насъ подъ названіемъ модницы.

Было прекрасное майское утро, когда къ описанной мною модницѣ вошла дама; ей было лѣтъ около тридцати пяти, она была средняго росту, лицо ее не выражало ничего необыкновеннаго; глаза черныя, носъ довольно роскошный—греческій. Наружность этой дамы была не привлекательна, но безчисленные на пальцахъ бриллиантовые кольца, безконечный платокъ на шеѣ; огромный на головѣ чепчикъ, съ множествомъ оборокъ и пестрыхъ лентъ и оборванный мальчишка безъ сапогъ, остановившійся въ почтительномъ отдаленіи, доказывали ясно, что это помѣщица, слѣдовательно съ деньгами. Модница М....., сообразивши все эти обстоятельства, вскочила со стула, привѣтливо поклонилась, подала гостѣ стулъ, и, опустивши руки почти по швамъ, раболѣпнымъ голосомъ начала повторять заученныя для подобныхъ случаевъ выраженія: вы навѣрно, сударыня, недавно пріѣхали въ городъ и желаете осчастливить общество наше вашимъ присутствіемъ? Я увѣрена, что васъ все съ восторгомъ будутъ здѣсь встрѣчать, принимать, заискивать вашей дружбы, вашего расположенія, а ежели ваше сердце свободно, прибавила М.... лукаво улыбувшись, и ежели это будетъ отвѣчать вашему желанію, то вы у насъ сдѣлаете тысячи побѣдъ. Вы такъ милы, такъ пріятны, однимъ словомъ, такъ прелестны и привлекательны, что при первомъ взглядѣ, я полюбила васъ отъ всей души и могу доказать вамъ это на опытѣ. Вы теперь въ городѣ, вамъ предстоитъ визиты; вечера, балы, театры, концерты, загородныя гулянія, и вы на каждомъ изъ этихъ увеселеній должны быть иначе одѣты: я угождаю въ этомъ случаѣ вкусу первыхъ нашихъ щеголихъ, по этому надѣюсь тоже и вамъ угодить; приказывайте все, что только будетъ угодно, и все это будетъ сдѣлано въ возможной скорости и въ наилучшемъ видѣ: дѣлая всегда за наличныя деньги, я желаю поддержать хорошее обо мнѣ всеобщее мнѣніе.

М-ме Шевро (*такъ звали помѣщицу*), выслушавъ этотъ длинный перифразисъ модницы, пришла въ восторгъ и уже когда та замолчала, она еще долго, долго смотрѣла, сама не зная, куда, и только-что хотѣла благодарить за комплименты, какъ вдругъ оборванный мальчикъ-лакей зѣвнулъ такъ громко, что барыня испугалась, а другіе, окружавшіе ея, примѣтно улыбулись. Ахъ ты дрянъ этакая, вскричала барыня, не могъ удержаться или выйти вонъ, а то каналья при мнѣ дѣлаетъ этакія невѣжливости. Погоди же бестія, я тебя проучу, какъ пріѣдемъ домой! Мальчикъ слушая нравоченія барыни своей, готовъ былъ, кажется, совершенно заснуть: по всему видно, что уши его или сроднились уже съ подобными выраженіями, или они во все были лишены чувства слуха.

М-ме Шевро, не переставая бранить своего камердинера, встала— подошла къ нему, выхватила у него изъ рукъ какой-то узе-

докъ, не упустивъ, разумѣется, при этомъ случаѣ отсчитать своему вѣрноподданному двѣ полновѣсныхъ пощечины, подошла къ столу, развязала узелъ и преосторожно вынула оттуда шелковую матерію неопредѣленнаго цвѣта, чрезвычайно плотную и съ огромными букетами цвѣтовъ: подобной матеріи очень много сходить. Но здѣсь М-ме Шевро чрезвычайно обидѣлась, когда модница спросила: что она прикажетъ сшить съ этой матеріи? негодованіе выразилось очень ясно на лицѣ М-ме Шевро, руки задрожали, и она, казалось, готова была взять матерію и бѣжать, но ловкая модница предупредила её желаніе, и выхвативъ изъ рукъ эту матерію, стала разсматривать ее съ притворнымъ вниманіемъ, высчитывала безчисленные достоинства ее, и въ это время языкъ модницы былъ такъ краснорѣчивъ, что помѣщица забыла прежнюю обиду, и съ барской спѣсью спросила:

Какова штука, неправда ли, хороша? За то ужъ сколько лавокъ я объѣздила, сколько товаровъ поребрала, пока ужъ нашла по вкусу

Не мудрено сударыня, перебила модница, здѣсь такъ мало людей съ благороднымъ вкусомъ, и потому, сбытъ подобныхъ прекрасныхъ вещей такъ ничтоженъ, что купцы и не рѣшаются ихъ вывозить; а ужъ именно что прелесть. Что-же прикажете вамъ сшить изъ этой безподобной матеріи: польку, пальто, плащъ, салопъ, пелеринъ, платье, все что вамъ угодно, все изъ нее будетъ отлично!!!

М-ме Шевро, выслушавъ преважно реэстръ вещамъ, которыя можно сдѣлать изъ её матеріи, протяжно сказала, нѣтъ, мнѣ хочется съ нее сдѣлать армякъ или мужской халатъ, въ родѣ того, какъ рисуютъ на модныхъ картинкахъ, которыя высыпаютъ изъ Питенбурга. Модница опять было сконфузилась, но не потерявъ присутствія духа, хвалила прекрасное назначеніе и начала маневрировать около помѣщицы, чтобы узнать, кто избранный счастливецъ, котораго неумышленно постригають. Послѣ нѣсколькихъ, искусно сказанныхъ словъ, помѣщица подъ секретомъ сказала, что это она желаетъ сдѣлать сюрпризъ доктору N. за искусное и успѣшное леченіе золотушныхъ ея дѣтей и за избавленіе ихъ отъ явной смерти.

Вы, можетъ быть, спросите, кто этотъ искусный докторъ? вотъ онъ:

Года два тому назадъ N, окончивъ курсъ наукъ въ X—скомъ Университетѣ по медицинскому факультету, вышелъ изъ заведенія съ патентомъ на медика 1-го класса. Изъ г. X... пріѣхалъ къ намъ, и въ очень короткое время много успѣлъ въ расширеніи своей славы: приятное лицо, искусственныя кудри, звучный голосъ и ловкость въ танцахъ, черезъ нѣсколько дней, послѣ его пріѣзда, на первомъ балѣ, гдѣ только въ первый разъ узнали, что N... докторъ, заставили дамъ въ умѣ своемъ рѣшить, что онъ опытнѣйшій и искуснѣйшій медикъ, и многія изъ нихъ здѣсь-же вдругъ

заболѣли, лишь бы только въ вальсѣ или кадрилѣ, можно было спрашивать у него медицинскихъ совѣтовъ. Разумѣется, N... не былъ опрометчивъ въ этомъ случаѣ, и просилъ у заболѣвшей позволенія явиться къ ней въ домъ, чтобы узнать лучше свойство болѣзни, испробовать пульсъ, и получивъ оное, на другой же день N... явился къ больной, рекомендовался хозяину дома, который только что хотѣлъ послать за медикомъ, и теперь благодарить судьбу, что она сама озботилась, и привела къ нему въ домъ эскулапа къ больной — со вчерашняго бала, его дражайшей половинѣ.

N... ахаетъ, бросаетъ шляпу, трость, летитъ къ больной и такъ искусно вкрадывается въ довѣріе, что мужъ, выходя изъ спальни, запираетъ дверь, чтобы кто не помѣшалъ медику разспрашивать больную. Послѣ экзамена N... пишетъ рецептъ съ надписью *statim* (вдругъ, тотчасъ), а самъ, уходя, жметъ руку хозяину, говорить, что ничего нѣтъ очень опаснаго, и что онъ самъ скоро опять навѣдается. Послѣ нѣсколькихъ подобныхъ визитовъ, умирающая воскресаетъ, и въ благодарность мужу за попеченія о ней, одѣваетъ его въ новорожденную луну. Съ пріѣздомъ къ намъ N..., у насъ творятся чудеса, и днемъ и ночью: днемъ по городу луноносцы бродятъ, а ночью умирающіе воскресаютъ. Впрочемъ, позвольте прибавить, что въ продолженіе двухъ-лѣтняго пребыванія въ нашемъ городѣ, N... много разъ доказалъ на опытъ, что онъ также искусно исцѣляетъ и истинныя трудныя болѣзни, какъ и вымышленныя; съ подобными достоинствами N... заслужилъ любовь жителей вообще, и ненависть медиковъ, тоже вообще. Вотъ вамъ, почтенные мои читатели и читательницы, вѣриѣйшій портретъ нашего медика 1-го класса, и ежели кто изъ васъ сильно занеможетъ (чего Боже храни), то пріѣзжайте къ намъ, N... предложитъ вамъ свои услуги, и какъ г-да, такъ и г-жи, въ совершенномъ здоровьи возвратятся домой и останутся довольны, увѣряю честию.

Слѣдовательно, халатъ готовился вотъ для какого медика, или доктора, какъ хотите. Но какимъ образомъ о халатѣ этомъ узналъ цѣлый городъ, и отъ-чего это всѣхъ заинтересовало?

Докторъ N... извѣстенъ у насъ цѣлому городу; въ-особенности, старался узнать его со всѣми подробностями родители дочерей-невѣстъ, многіе изъ нихъ надѣялись быть съ N... въ родствѣ, и нѣкоторые изъ нихъ для успѣшнѣйшаго достиженія желанной цѣли, подсылали къ N... факторовъ съ наставленіями, что за той-моль даютъ пятьдесятъ-тысячъ наличными и богатый гардеробъ; за другою — дома и заводы; за третьею — дачи и деревню; за четвертою — суды и веселя, — однимъ словомъ, невѣсть сколько, что хоть море зауруди. Но N... ко всѣмъ дѣвицамъ былъ хладнокровенъ, ему и безъ нихъ весело живется.

Нескромная модница M., передала повѣренную ей тайну своей задушевной пріятельницѣ, та своей, та своей, и такъ далѣе, изъ-

За кулисъ слухъ о докторскомъ халатѣ попалъ въ кресла, оттуда въ ложи, и весь театръ, въ короткое время, не только зналъ о халатѣ, но даже знали, что его подарила вдова помѣщица, м-ше Шевро, и оцѣнили его въ нѣсколько тысячъ. Халатъ этотъ, въ особенности обезпокоилъ, питавшихъ надежду отцовъ и матерей, которые пренебреженныя негодования, выдумывали разныя вещи и проклинали м-ше Шевро, что она халатомъ привлекла къ себѣ доктора, и что онъ непременно на ней женится; но увѣрю васъ, что ни докторъ, ни м-ше Шевро, не думаютъ о сватбѣ. Сколько опечалилъ халатъ этотъ родителей дочерей-невестъ, столько обрадовалъ онъ модницу М., всѣ приходили смотрѣть на халатъ, изъ венеціанскаго бархату, съ брилліантовыми пуговками, такъ его описывали, но чтобы не безпокоить модницу даромъ своимъ посѣщеніемъ, однѣ заказывали шляпки, другія чепчики, трети и т. д.

Докторъ же Н... обязанъ своему халату тѣмъ, что, влекомая желаніемъ видѣть его, вновь пріѣхавшая невеста, м-ле L..., пріискала случай быть у доктора въ квартирѣ, и видѣть халатъ. М-ле L..., была чрезвычайно удивлена, ей описывали венеціанскій бархатъ, брилліантовыя пуговицы, а онъ былъ просто, изъ извѣстной читателямъ шелковой матеріи, съ бархатнымъ воротникомъ и съ двумя дюжинами бронзовыхъ пуговокъ. Вотъ конецъ, слава Тебѣ Господи! Чудный халатъ оконченъ.

Почтенные читатели и читательницы, чувствую, что васъ сонъ ужасно моритъ, прочитавши о моемъ халатѣ, но не забудьте, что нѣтъ худа безъ добра, такъ и это. Теперь въ модѣ Присницева метода, и вы, вѣрно, много ходили, послѣ нѣсколькихъ стакановъ холодной воды, такъ засните же теперь, послѣ моего халата, это будетъ полезно; самъ Присницъ говоритъ: послѣ гулянья должно отдыхать.

1846. Мая 27.

Въ ѣ.

АКТРИСА, ИЛИ ДВѢ ВСТРѢЧИ.

(Изъ Записокъ Землемѣра).

ПОСВЯЩАЕТСЯ СПЕВЯКУ ВИЛЬГЕЛЬМУ ПИАНОВИЧУ БЕККЕРЪ.

БЫЛЬ.

I.

Въ одно прекрасное утро юня, 1842 года, я мчался на тройкѣ почтовыхъ изъ Георгіевска въ Пятигорскъ. Перѣздъ невеликъ — всего 40 верстѣ. Гладкая дорога, яркая зелень необозримой степи, холмистая возвышенность по сторонамъ, впереди Лысая Машуха, Бештау, Зміевая, Желѣзная, а слѣва — величественная гряда Кавказскихъ горъ, межъ конми Эльбрусъ великолѣпно красуется, какъ великанъ, и восходитъ до облаковъ, снующихъ вокругъ него — все это заняло и зрѣніе и душу... Отъ вершины Эльбруса я спустился къ подошвѣ — и воображеніе мое тотчасъ испугалось непріязни немирныхъ ауловъ... Оттуда я перенесся въ невиданный мною еще дотолѣ Пятигорскъ, гдѣ я заранѣе, то прислушивался къ меланхолическимъ звукамъ Золовой арфы, то къ гулу камня, брошеннаго въ глубокое провалье, то прогуливался по роскошному цвѣтнику (при этомъ я даже — мнѣ казалось, чувствовалъ благоуханіе аромата), то взбирался на Машуху и разсматривалъ съ любопытствомъ памятникъ Хозревъ-Мирзы, то купался въ знаменитыхъ минеральныхъ ваннахъ, то... и множество подобныхъ идей толпилось попеременно въ головѣ моей дотѣхъ поръ, пока я заснулъ сномъ сладкимъ, восхитительнымъ. Тогда все то, о чемъ я думалъ на яву, перевернулось наизнанку во снѣ: вмѣсто Пятигорска передо мною стоялъ Ставрополь и рядомъ съ Георгіевскомъ, мыльный источникъ очутился на вершинѣ Лысой, вмѣсто Подкумка — широкая Волга, со множествомъ судовъ, а я самъ на Араратѣ, который тоже случился на этотъ разъ тутъ, но какимъ-то весьма страннымъ образомъ. Грѣзы мои были многочисленны, разнообразны и непонятны до того, что самому казались очень смѣшными. Послѣ мнѣшного размышленія о такомъ странномъ безпорядкѣ въ природѣ, я вдругъ покотился въ какую-то глубокую яму, съ чувствомъ чрезвычайной боли...

— Пошелъ!

— Куда, баринъ?

— Какъ, куда?

Протираю глаза — что это? Я [поперегъ дороги, а мой *ресорный* перекладный экипажъ, съ изломанною осью, вверхъ колесами, покоится не много въ сторонѣ—вотъ тебѣ и на! Ямщикъ, охая отъ сильнаго ушиба ноги, силится встать, чтобы поймать оторвавшихся лошадей, которыя рады случаю избавиться отъ визита въ любезный Пятигорскъ. Думаю, дай попробую встать — не могу, цѣла-ли у меня голова — цѣла; да что-жъ за дьявольщина! — Я весь какъ разбитый...

— Эй, ты дуралей!

— Чего изволите, баринъ?

— Отчего я не могу повернуться?

— Оттого, баринъ, что васъ порядкомъ перевернуло, какъ колесо ударилося вонъ о этотъ камень, да и мнѣ досталось на орѣхи! А страшно, прости Господи! — я свѣту Божьяго не взвидѣлъ! Ну, чальный, я до тебя доберусь, — ужъ такую жереху задамъ, что ты у меня перестанешь брыкаться какъ дикой!

Долго еще простодушный ямщикъ бурлилъ себѣ подъ пось, пока удалось ему вскарабкаться на ноги. Я же къ несчастію—лишенъ былъ этого удовольствія. Какъ это я уцѣлѣлъ, думаю себѣ. Сдѣлавъ нѣсколько пируэтовъ въ воздухъ, я еще остался живъ — чудо!

— Нельзя-ли принести воды, любезный?

— До Подкумка далеко, да у меня и посудины-то нѣту-ти...

О, — сказала онъ, немного погодя: постой, баринъ, я тѣ въ шляпенку наберу, дырява маленько, ну да ничего...

— Не вужно; далеко-ли до города?

— До Пятигорскова-то?

— Да.

— А верстъ десятка полтора чуть-ли таки не будетъ.

— Что-жъ ты, любезный, думаешь дѣлать?

— Поймаю одну лошаденку, да поскачу въ Пятигорской. Не до вечера же здѣсь сидѣть.

— Правда; а скоро ты вернешься?

— Заразъ же, какъ доѣду.

— Ну ладно, да смотри же не мѣшкать!

— Помилуй, Господи!

И онъ принялся ловить одну изъ своихъ лошадей, которыя очень спокойно и вѣжливо паслись на травѣ. Мнѣ страннымъ показалось, что такія смиренныя лошади могли разбить. Успѣвъ кое-какъ встать на отбитыя лыжи; я захотѣлъ освидѣтельство-вать, отъ чего произошло кораблекрущеніе. Оказалось, что ось была на половину надломлена. Вѣдь вздумалось же ей окончатель-но переломиться чуть не на полови-нѣ дороги!

— Ахъ, ты, Господи, подумаешь: до чего доведетъ скорая ѣзда!

И я привалясь очень не скромно хохотать, смотря на свое жалкое положеніе... Гонецъ мой вскорѣ скрылся изъ виду. Успокоившись нѣсколько на счетъ ушиба, я досталъ изъ кармана помятыя моиѣ падеиѣмъ сигары, и закурилъ въ ожиданіи помощи изъ Пятигорска.

Надобно замѣтить, что къ величайшему моему счастью—это случилось со мною на большой трактовой дорогѣ, изъ станицы Александріи въ Пятигорскъ, на которую мы выѣхали незадолго предъ тѣмъ. Продавъ такимъ образомъ по-напрасну около двухъ часовъ, я уже начиналъ скучать, какъ вдругъ былъ обрадованъ звуками приближающагося колокольчика. Еще одно мгновеніе—и красивая дорожная коляска остановилась предо мною. Въ ней сидѣла прелестная дама, лѣтъ тридцати пяти, а съ нею рядомъ, хорошенькая дѣвушка лѣтъ шестнадцати. Сзади помѣщался усатый лакей на кучѣ чемодановъ и узловъ. Послѣ первыхъ привѣтствій, я объяснилъ дамамъ въ чемъ дѣло. Разсказъ мой тронулъ ихъ до того, что они, съ первыхъ же словъ моихъ, съ радушіемъ предложили мнѣ мѣсто въ своей коляскѣ. Предложеніе было принято мною съ большою радостію, послѣ одного, изъ приличія сдѣланнаго отказа. Дама эта была—актриса, молоденькая дѣвушка—ея племянница. Они имѣли родственницу за-мужемъ за гусарскимъ полковникомъ Ж..., лечившимся въ Пятигорскѣ отъ послѣдствій давнишней раны, полученной имъ въ грозную эпоху 1812-го года. Вотъ все, что я могъ узнать дорогой отъ моихъ очаровательныхъ собесѣдницъ. Приѣхавъ въ Пятигорскъ, я принесъ—по обыкновенію—благодарность, разсыпался въ комплиментахъ и отправился отыскивать квартиру знакомаго офицера Л...го, получивъ напередъ приглашеніе *назвѣщать почаще*. Въ два слѣдующія посѣщенія я не могъ узнать даже фамиліи дамы, которой обязанъ былъ одолженіемъ, сдѣланнымъ мнѣ такъ кстати. Послѣ того, во все время пребыванія моего въ Пятигорскѣ, я очень часто посѣщалъ семейство полковника, стараго раненаго ветерана. Часы, которые я провелъ въ этомъ семействѣ, останутся незабвенными въ моей памяти, какъ лучшіе въ цѣлой жизни.

II

Прошло съ тѣхъ поръ около года слишкомъ — и я совершенно успѣлъ забыть о моей встрѣчѣ на пути къ Пятигорску. Однажды, это было лѣтомъ прошлаго года, я прохаживался съ знакомцемъ моимъ, Сибирякомъмъ, по нашему доморощеному бульвару, въ Ставрополѣ. Я только-что возвратился изъ Округа, съ съѣмки, съ *межи*, какъ хотите, — и былъ очень радъ случаю видѣться съ нѣкоторыми изъ моихъ знакомыхъ. Въ глуши,

знаете, жить мнѣ не совсѣмъ по душѣ, а дѣлать нечего—служба... Вотъ я и дамъ себѣ волю *нагуливаться* до-сыта, а языку свободу—говорить безъ умолку: сообщать свои степныя новости и спрашивать о городскихъ, о экспедиціи въ горахъ и т. п. Спутникъ мой былъ тоже изъ *говорунцовъ*. Такимъ образомъ фантазируя, я находилъ съ своей стороны это очень пріятнымъ. Не говорю о тѣхъ толчкахъ, которыми мы весьма щедро надѣляли встрѣчавшихся съ нами, увлекааясь жаромъ дружескаго разговора, помнится о Смирновой, которую на-капунѣ видѣлъ мой Сибирякъ въ самой лучшей изъ ея ролей.

Такъ, при спускѣ по одной изъ горныхъ тропинокъ къ главной аллеѣ, мы столкнулись съ густой толпой гуляющихъ. Пробираясь мимо, мы услышали слѣдующій разговоръ:

— М. Г!..

— Извините ваше превосходительство, печальность.... неожиданность.... случайность....

— Невѣжество.... вы должны были извиниться....

— Виновать, двадцать разъ виновать!..

И какой-то опрятно одѣтый, губернской секретарь изогнулся «въ три погибели». Товарищ мой межъ тѣмъ остановился и всматривался въ черты генерала и его дамы. Я тоже взглянулъ на нее....

— Здравствуйте, monsieur!

— Мое почтеніе, сударыня!

Сибирякъ и я раскланялись. Какое поразительное сходство! Нѣтъ больше сомнѣній, это моя Пятигорская знакомка...

— Милости просимъ — домъ Дьячкова Тарасова.... Генераль, это мой Петербургскій знакомецъ, который бывалъ у насъ часто... а это....

И она задумалась, смотря на меня.

— Мы, кажется, съ вами встрѣтились въ Пятигорскѣ.

— Въ 1842-мъ году, сударыня.

— Помню. Это....

— Очень радъ, очень радъ!..

— До свиданія! сего-дня вечеромъ, я увѣрена?..

— За счастье....

Сибирякъ не успѣлъ договорить начатой фразы и дополнилъ только воображеніемъ все то, что хотѣлъ сказать — она была уже въ каретѣ и быстро мчалась съ генераломъ внизъ по Большой улицѣ.

— Скажите, кто этотъ генераль,—спросилъ я у Сибиряка,—и за чѣмъ эта дама съ нимъ?

— Это генераль С—кій съ женой.

— Какъ, съ женой?—да это актриса...

— А вы ее знаете?

— Въ Пятигорскѣ....

И я рассказалъ ему мою встрѣчу.

— А вы какъ знакомы съ нею.

— Я ее зналъ еще въ Сибири и потомъ видѣлся съ нею нѣсколько разъ, прошлой зимой, въ Петербургѣ. Она была тогда не за мужемъ и жила у стараго родственника Ж...на. Вскорѣ вышла она за генерала, котораго вы видѣли.

— Прекрасно!—такъ вы можете мнѣ сообщить относительно ея все подробности?

— Съ большимъ удовольствіемъ; а это васъ интересуеть, не правда-ли?

— Чрезвычайно! Представьте сами: встрѣтить одинъ разъ актрису, а потомъ генеральшу—удивительное повышеніе, и самое странное приключеніе, какія со мною когда-либо встрѣчались!

— Но вы за то, что я вамъ расскажу, должны быть со мною откровенны.

— Согласенъ.

— Вы были въ нее влюблены?

— Въ кого?

— Въ эту даму?

— Никогда!

— О, вздоръ?

— Увѣряю васъ.

— Но что же она васъ такъ заинтересовала?

— Какъ знакомка. Вѣдь я вамъ рассказывалъ....

— Не больше-ли?

— Нѣтъ, увѣряю васъ, нѣтъ.

Онъ съ минутою смотрѣлъ на меня испытующимъ взглядомъ, какъ будто стараясь проникнуть мою мысль.

— Но по крайней мѣрѣ, — продолжалъ онъ, — вы знаете что пибудь о ея семейныхъ обстоятельствахъ?

— Совершенно ничего.

— Слушайте же; рассказъ мой будетъ коротокъ.

Мы подошли къ бесѣдкѣ, подъ навѣсъ акацій.

— «Адель родилась въ Вѣнѣ. Отецъ ея былъ бѣдный оружейникъ, вызванный въ Россію, въ числѣ прочихъ мастеровъ, для заводовъ на Уралѣ. Имъ, какъ извѣстно, были даны большія привиллегіи: огромныя жалованья, чины — и даже обѣщаны большія пенсіи. Пріѣхавъ къ мѣсту назначенія въ Ижевскій Оружейный заводъ (Вятской губерніи, въ Сарапульскомъ уѣздѣ), онъ былъ помѣщенъ на должность старшаго мастера, съ жалованьемъ по 2500 руб. ассигнаціями. Стараніями покойнаго генерала, онъ переведенъ прямо на должность въ Сибирь, — а старшая дочь его Адель, отправлена къ родственникамъ въ Москву, для помѣщенія въ пансіонъ. При переводѣ, отецъ ея получилъ и чинъ 10-го класса, хотя только былъ въ 14-мъ. По прошествіи осьми лѣтъ, Адель возвратилась изъ Москвы въ полномъ цвѣтѣ красоты и молодости. Привыкнувъ въ столицѣ къ веселости и удовольствіямъ, она стала скучать въ глуши,

не развлекаясь ни обиліемъ снѣгу, ни морской воды... Она проклинала наши богатые морозы, съ которыми мы, Сибиряки, свыклись, какъ съ необходимою потребностью жизни. Вся библіотека, которую она нашла у отца, заключалась въ десяткѣ старыхъ нѣмецкихъ книгъ, нѣкоторыя изъ нихъ были молитвенники. Однажды она увидѣла въ кабинетѣ своего отца (начальника порта, важнаго въ своемъ родѣ чиновника!) молодого мичмана З—на. Молодой морякъ былъ хорошъ собою. Этого довольно было для Адели — она страстно влюбилась. З—нъ въ три дня чуть не сошелъ отъ нея съ ума, посватался — и получилъ пышный отказъ. Это его огорчило — онъ бросилъ службу. Молодые люди, говорятъ, изобрѣтательны. Мичманъ придумалъ средство быть счастливымъ. Онъ уговорилъ Адель — и они бѣжали. Въ Сибири это очень легко: широкия безлюдныя степи и услужливость туземцевъ, — помогли имъ какъ нельзя лучше. Скитаясь около двухъ лѣтъ такимъ образомъ, они истощили все средства къ сохраненію себя. Я забылъ сказать, что они тотчасъ же на побѣгѣ были обвѣчаны. Въ 18.. году, они явились въ Енисейскѣ, потомъ въ Иркутскѣ, въ Омскѣ, въ Тобольскѣ и другихъ городахъ Сибири, гдѣ всюду давали концерты на фортепiano и скрипкѣ. Слышавши игру и пѣніе ихъ, Сибиряки утверждаютъ, что голосъ Адели былъ истинно *небесный*! Перебывъ имена, они пристали потомъ къ кочующей труппѣ актеровъ, и перѣзжали съ ними изъ мѣста въ мѣсто. Такимъ образомъ случилось, что я видѣлъ на одномъ изъ лучшихъ театровъ Сибири игру Адели и ея мужа. Она точно имѣла *небесный* голосъ, но игра ея — была несравненна! До сихъ поръ голова кружится при воспоминаніи о томъ восторгѣ, въ который она приводила публику! Тогда они уже имѣли дочь Шарлоту, милостивую дѣвочку, лѣтъ шести. Адель получила нѣсколько ангажементовъ отъ одного изъ Петербургскихъ театровъ, но не согласилась ни за-что на свѣтѣ разстаться съ добродушіемъ жителей Сибири. Отецъ ея умеръ съ печалію, проклиная имя дочери... Въ прошломъ году, зимой, я встрѣтилъ ее въ Петербургѣ, на одномъ балѣ, а потомъ былъ ежедневнымъ посѣтителемъ. Я узналъ, что первый ея мужъ утонулъ въ Ледовитомъ морѣ въ бурѣ, поступивъ снова на службу, и возвращаясь съ нею въ Охотскъ, чтобы упасть къ ногамъ ея разгнѣваннаго отца и испросить у него прощеніе. Она возвратилась одна, и уже не застала его въ живыхъ.... Слезы ея при разсказѣ были крупны и горячи, а печаль — безгранична!

Сибирякъ замолчалъ.

— Кто же эта дѣвушка, которую я видѣлъ съ нею въ Пятигорскѣ, и которую она называла своею племянницей? Ее тоже, кажется, звали Шарлотой....

— Ея дочь.

— А какъ ее фамилія?

— Теперь генеральша С—кая, а урожденная —

— Боже мой, да я эту фамилию слышалъ!

— Гдѣ?

— Въ *** заводѣ.

— Развѣ вы были тамъ?

— Я тамъ родился...

Черезъ недѣлю генералъ С—скій уѣхалъ въ Варшаву, а я въ Ставропольскій Округъ, съ грустнымъ воспоминаніемъ...

Вотъ вамъ мои двѣ встрѣчи. Они взяты изъ эпизода моей жизни. «Чѣмъ богатъ, тѣмъ и радъ» — извините.

А — ОА ЛЬ АРХИПОВЪ.

16-го Ноября 1844.

Отселокъ Николаевскій.

ИЗЪ ШКОЛЬНЫХЪ ЗАПИСОКЪ.

....Стѣнные часы, что стоятъ въ корридорѣ передъ нашимъ классомъ, прозвенѣли скороговоркою—четыре часа, а Ивана Богданыча всё еще нѣтъ. Вотъ уже длинный сторожъ нашъ Антошъ, котораго за угощеніе насъ березовымъ черносливомъ, звали мы крестнымъ отцемъ, — принесъ свѣчки въ классъ, а Ивана Богданыча, нѣтъ-какъ нѣтъ.... Впрочемъ и неудивительно нисколько; это случается съ нимъ часто; вѣдь отъ его квартиры до нашей школы,—дорога не близкая, а на улицѣ—Святки въ полномъ разгулѣ, такъ мудрено ли, что такъ долго нѣтъ нашего любезнаго преподавателя Географіи?..

Прочіе классы давнымъ давно были уже распушены, а нашъ старшій, съ четырехъ часовъ, дождался своего любезнаго наставника Ивана Богдановича. — Мы иначе не зовемъ его, какъ любезный наставникъ и пріятнѣйшій человекъ. Иначе и быть не можетъ. Иванъ Богданычъ, по добротѣ сердца, рѣдко журитъ насъ за шалости. Да вотъ, хоть бы теперь, напримѣръ, мы уже съ мѣсяцъ бродимъ по Испаніи, и уже находимъ на картѣ, за-жмура глаза, всё ея мѣлочныя города, а Иванъ Богданычъ и по

думаетъ передвинуть насъ во Францію, видно Паризійскія горы мѣшаютъ; говорить, что Испанія—это такая страна, которая заслуживаетъ тщательное изученіе, что спѣшить не вредно, и что де-Франція уже недалеко, а къ экзамену, Богъ дастъ, доберемся и до Россіи. Мы рѣшили единогласно, что Иванъ Богдановичъ разсуждаетъ благоразумно; успѣемъ еще до Россіи, намъ и въ Испаніи хорошо....

И такъ—мы цѣлымъ классомъ полчаса уже ждемъ лекціи географіи. — И чего, чего не сочинили мы въ этомъ пріятномъ ожиданіи?.. всѣ школьныя игры были переиграны и въ гривельки и въ загадки, и какъ мы не играли?.... Даже всѣ мухи въ классѣ были переловлены, и ползали, бѣдняжки, съ воткнутыми въ спину перышками по учительному столу. Намъ ничего рѣшительно не оставалось болѣе дѣлать, какъ смиренно дожидаться Ивана Богдановича.

Вдругъ гениальная мысль озарила пустую голову одного изъ собратіи нашихъ, перваго въ классѣ на шалости, послѣдняго въ наукахъ. Быстро вскочилъ онъ на учительскій столъ, ударилъ объ него для возобновленія тишины ливійскою, и съ новой кафедрой громогласно требуетъ вниманія. Ораторъ обращается къ почтенному собранію съ предложеніемъ, заняться дѣломъ серьезнымъ, дать на досугѣ спектакль въ пользу общества, и на вырученныя деньги составить завтра общее угощеніе збитнемъ съ сухарями.

Времени оставалось цѣлый часъ, а Иванъ Богдановичъ по вѣроятности не будетъ, и потому предложеніе принято съ восторгомъ. Наградой изобрѣтателю было—разрѣшеніе задачи изъ Правилъ Товарищества, заданной ему на завтрашній день, и за которую онъ безъ общаго содѣйствія непременно познакомился бы завтра съ крестнымъ отцомъ, Антономъ. Карлъ Ивановичъ, учитель математики, не-такъ любезенъ какъ прекрасная географія, и доставляетъ изрядный доходъ поставщику метель для нашего училища. Слѣдовательно цѣль спектакля была, въ нѣкоторымъ отношеніи и благотворительная.

Выборъ пьесы насъ не затруднялъ, потому, что въ репертуарѣ была только одна — Филатка и Мирошка, которую давно уже разучили мы, ради куплетовъ; въ талантахъ недостатка не было—мы всѣ были артисты. — Роли назначены, публика, получивъ билеты, уже изъясляла рукоплесканіями знаки нетерпѣнія. Двѣ большія классныя доски, замѣнявшія кулисы, были размѣщены, какъ слѣдуетъ; и азъ грѣшный, состояющій въ должности антрактшера и суфлера, усѣлся подъ столомъ на авансценѣ. Наконецъ всё приведено въ должный порядокъ, подавъ сигналъ въ учительскій колокольчикъ, и вотъ.... оркестръ, составленный изъ свернутыхъ въ трубку тетрадей, съ аккомпаниментомъ ливѣкъ, грянулъ увертюру — и спектакль начался.

Сцена Филатки и Мирошки съ Мельникомъ, была исполнена

въ совершенствѣ; Мирошка уморительно отпускалъ — люди-азъ-ла, зрители въ восторгѣ аплодировали оглушительно, и даже по окончаніи перваго явленія, удостоили вызовомъ Мирошку, какъ отличнаго комика и изобрѣтателя спектакля. Вотъ выходить и Кузминнишна съ Машей; на нихъ были вывороченныя шубы, что ни сколько не мѣшало имъ вполне показать свое сценическое дарованіе. Филатка и Мирошка, прячутся, какъ звѣство, одинъ въ душло — другой закустъ, — то есть одинъ за доску, другой подъ столъ. Кузминнишна съ дочкою исполнила, какъ нельзя лучше свои роли, хотя одно неприятно было для слуха — мать говорила дискантомъ, а дочка — хриплымъ теноромъ. — Наконецъ отворяется дверь изъ корридора, является фигура, завернутая въ шубу; это долженъ быть подъячій Поборолкинъ. — Но вотъ тутъ-то, какъ на грѣхъ произошло странное недоразумѣніе. Я, какъ человѣкъ, облеченный въ немаловажный санъ, тшетно кричалъ изъ-подъ стола, что нарушаются правила дѣйствія. Дѣло вотъ въ чемъ: — Подъячій явился слишкомъ рано и сбиль съ толку прочихъ дѣйствующихъ лицъ, Филатка, во-преки ролю, выльзаетъ изъ своей засады, причемъ опрокидываетъ съ подножекъ огромную классную доску прямо на голову подъячему; Мирошкѣ также не успѣлось на своемъ мѣстѣ; я, чтобъ возстановить должный порядокъ, спѣшу изъ-подъ стола на сцену, а зрители, не понимая дѣла, хлопаютъ, топаютъ, какъ помѣшанные, хоть святыхъ вонъ понеси.... Между тѣмъ вытащили кой-какъ изъ-подъ доски бѣднаго подъячаго, поставили на ноги.... но, о ужасъ! вообразите.... вмѣсто подъячаго, стоитъ передъ нами съ разинутымъ отъ удивленія ртомъ и потирая со слезами лобъ рукою — нашъ любезнѣйшій Иванъ Богданычъ....

II. ѲЕДОРОВЪ.

АНЕКДОТЫ И МЕЛОЧИ.

Мадмуазель Тальйони, недавно прѣхавшая въ Лондонъ, захотѣла еще разъ проститься съ публикою, которая была такъ благосклонна къ ней.— Слухъ о бракѣ Маріо съ дочерью леди Ф..., распространяется болѣе и болѣе. Тѣтка, на которой, безъ сомнѣнія, основываютъ отдаленныя надежды, будетъ, какъ говорятъ, *единственнымъ* препятствіемъ предполагаемому союзу; думаютъ, впрочемъ, то, что отказывая она *тенору*, она отдаетъ графу Кандіа. Дѣвушка не очень богата; это будетъ бракъ по любви.

— Увѣряютъ, что новая итальянская труппа займетъ подмостки Ковентъ-Гарденскаго театра; но она, по крайней мѣрѣ, не будетъ соперничать съ группою Ломлея, потому что директоръ ея, сынъ знаменитаго импрессарио Лавари, имѣетъ намѣреніе поставить въ октябрѣ Аттилу Верди. Изъ ангажированныхъ пѣвцовъ замѣчательны Барбіери, мадмуазель Лѣвъ, Гуаско (теноръ), Мюзишъ, Корради и нѣкоторые другіе. Если это будетъ продолжаться такъ, то итальянскій театръ процвѣтетъ въ Лондонѣ.

— Французская опера изъ Брюсселя основывается въ Дрѣри-Ленъ. Въ объявленіи своемъ, директоры извѣщаютъ, что кромѣ оперъ, игранныхъ въ послѣдній годъ, они дадутъ *Графа Ори*, *Мушкетеры Королевы*, *Черное Дюмино*, *Посланицу*, *Занетту* и *Ригардъ-Львиное сердце*.

— По неизвѣстной причинѣ, мадмуазель Рашель не могла играть въ трагедіи *Гораціи*; по счастью, Лафонъ былъ еще въ Лондонѣ; онъ предложилъ свои услуги, и, благодаря ему, состоялся блестящій спектакль; но Лафонъ скоро отправляется въ Брюссель. Отсутствіе Рашель можетъ причинить великое негодованіе въ публикѣ и нанести уронъ театру, въ которомъ всѣ мѣста уже заняты на первое представленіе трагедіи.

— Въ бенефисъ г. Митчеля собралось самое лучшее лондонское общество, Парижане и принцъ Албертъ; Митчель оправдалъ благосклонность публики. Онъ не жалѣетъ ничего, чтобы сдѣлать свой театръ достойнымъ посѣщающей его публики, и, если нѣкоторыя изъ пьесъ, данныхъ въ этотъ сезонъ, не удалась, вина не его, а французской драматической литературы, которая, въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ, принимаетъ слишкомъ вольное направленіе, которое пора бы измѣнить. Директору театра предстоитъ много затрудненій въ выборѣ пьесъ. Такимъ образомъ, всѣ англійскія газеты единогласно осудили *Жантиль - Бернара*, хотя и не совѣтъ основательно. Къ несчастію, шуточный слогъ самый легкій, и часто

имѣть успѣхъ. Но, единственная ли цѣль театра имѣть успѣхъ? Имѣть ли цѣли, болѣе возвышенной, и развѣ — нельзя быть веселымъ, не бывъ вольнымъ? Старинная комедія, ужь конечно, не такъ понимала веселость. Девизъ ея *castigat ridendo mores*, далеко не оправдывается нашими современными драматургами, которые, кажется, стараются болѣе испортить нравы, нежели исправить ихъ. Могутъ отвѣтить, что сами Мольеръ и Шекспиръ употребляли этотъ стиль; но, въ такомъ случаѣ, они имѣли цѣлю, или очертить характеръ, или озлословить смѣшное. Между ними и французскими водевиллистами, разница такая же, какая между соблазнителемъ и врачомъ. Одинъ возбуждаетъ страсти; другой побѣждаетъ ихъ. И если, впрочемъ, это вредное направленіе и не имѣетъ результатомъ возбужденіе страстей, представляя безпрестанно порокъ въ соблазнительныхъ формахъ, оно вредитъ Французамъ въ глазахъ иностранцевъ, которые возстаютъ на нихъ, повторяя вездѣ, что французскія театральныя пьесы, точное изображеніе нравовъ страны. Необходимо, чтобы общественное мнѣніе во Франціи само вооружилось противъ этой вольности.

— Въ то время, какъ артистическій мѣръ и профессора консерваторіи, въ особенности, занимаются изобрѣтеніемъ г. Лев. Д***, котораго цѣль облегчить изученіе игры на фортепіанахъ, и вообще на струнныхъ инструментахъ, не безъ интереса, можно привести здѣсь письмо, адресованное Тальбергомъ на имя изобрѣтателя. Известно, что Тальбергъ разсматривалъ это замѣчательное изобрѣтеніе; поэтому, онъ, болѣе кого-либо, можетъ оцѣнить его важность. Одно это обстоятельство достаточно придаетъ цѣну этому письму:

«Милостивый государь!

«Уполномоченный вами разсмотрѣть инструментальную часть вашего созданія, и инструментъ, изобрѣтенный вами, для облегченія движеній пальцевъ, я съ живымъ любопытствомъ изучалъ вашу новую теорію, и она показалась мнѣ основанною на фактахъ неоспоримой очевидности; но когда къ очевидности этой теоріи присоединилась очевидность фактовъ, я не колебался ни одной минуты принять методу, фундаментальное выполненіе которой, простое и емкостъ рациональное, уменьшаетъ въ короткое время, весьма чувствительнымъ образомъ, причину всѣхъ трудностей исполненій.

Нынѣ, м. г., я съѣшу воздать полную справедливость вашему изобрѣтенію, упомянувъ о томъ времени, которое чрезъ него сберегается, и о тѣхъ послѣдствіяхъ благодѣтельныхъ, которыхъ дѣйствительность могутъ засвидѣтельствовать многіе любители и артисты, ежедневно употреблявшіе вашъ инструментъ.

При постоянномъ упражненіи трехъ послѣднихъ пальцевъ, дѣйствительно чувствуется болѣе свободы въ движеніяхъ ихъ; чрезъ нѣсколько времени, сила пальцевъ увеличивается соразмѣрно пріобрѣтенной ими бѣглости; но

чтобы извлечь изъ вашего инструмента всю пользу, необходимо, какъ я убѣдился, упражняться на немъ, ежедневно однимъ словомъ, когда рука отдохнула, чтобы не потерять пріобрѣтенной бѣглости силы.

«Независимость указательнаго пальца, какъ вы развили это въ вашемъ твореніи, — хороша.»

«Необходимость, показанная вами играть форте и развивать сколько возможно всѣ движенія пальцевъ, чтобы достигъ, какъ можно скорѣй, всей желаемой густоты выполненія въ трудностяхъ пальцевъ, кажется мнѣ весьма важною.»

Жаль, что вы не держались той же методы въ отношеніи къ трудностямъ кисти руки; ибо то, что вы говорите во 2-й части вашего сочиненія о трудностяхъ пальцевъ, можетъ быть, какъ мнѣ кажется, примѣнено съ удобностію къ трудностямъ кисти.

«Я очень радъ, что могу присоединить мое свидѣтельство къ свидѣтельствамъ Г-а. Озіа-Тюрени и Кровельера, чтобы удостовѣрить краткость времени, по прішествіи котораго, полугаются отъ вашей методы удовлетворительные результаты.»

Отношеніе анатоміи къ механизму пальцевъ, вообще неизвѣстно. Эта истина не была еще до сего времени замѣчена, но она такъ ясно изложена въ вашемъ сочиненіи, что, безъ сомнѣнія, сдѣлается столь же общою, сколько до сего времени была неизвѣстна.

«Я почту себя совершенно счастливымъ, милостивый государь, если въ состояніи буду убѣдить кого-либо слѣдовать вашей методѣ, когда столько любителей, видя трудности изученія механической части искусства, и имѣя въ своемъ распоряженіи, только нѣсколько часовъ въ день, не рѣшаются пожертвовать такимъ большимъ количествомъ времени, какое необходимо было для того, чтобы дать полную свободу музыкальному чувству.»

«Примите увѣреніе, м. г., въ моему глубочайшемъ почтеніи»

«Тальбергъ».

Парижъ.

28 Іюня, 1846.

— Одинъ испанскій журналъ рассказываетъ слѣдующее печальное происшествіе: Актриса театра Балу, умертвила себя страшнымъ образомъ: она развела въ укусу фосфоръ и выпила этотъ растворъ. Муки ея были ужасны. Дѣйствіе яда, нейтрализованное частью кислоты, было медленно, но невыносимо мучительно. Она прожила восемь дней. Въ два послѣднихъ дня, боль до того усилилась, что въ ней обнаружили признаки, подобные признакамъ бѣшенства. Всѣ пособія искусства были бесполезны. Ей было отъ роду девятнадцать лѣтъ и она была хороша собой. Безнадежная любовь, была причиною этой печальной катастрофы.

ГЕРБЪ СЕЛИМЕНА.

Теперь начинают разочаровываться на счет гербовъ, ибо они стали нѣрѣдки. Каждый считаетъ себя обязаннымъ имѣть гербъ и обзаводиться девизами, какъ во времена Крестовыхъ походовъ.

Есть портные, гербы которыхъ многосложнѣе герба Монморанси; есть фабриканты шляпъ, въ гербѣ которыхъ болѣе золотыхъ звѣздъ, нежели въ гербѣ Рогановъ. Впрочемъ, это встрѣчается во всѣхъ категорiяхъ общественаго состава, чаще же всего въ театрѣ. Да, артисты очень заботятся о своемъ дворянствѣ; имъ недостаточно того, что они каждый вечеръ бываютъ дворянами и даже королями—на сценѣ, они хотятъ быть дворянами и на дѣлѣ, въ жизни дѣйствительной.

Авторы, актеры, музыканты, всѣ они забываютъ о *Мъщанинѣ во дворянствѣ*.

Г-нъ Мейерберъ, носитъ на часовой печаткѣ изображенiе Оивской лиры. Викторъ Гюго, печатаетъ письма свои гербомъ съ виконтской короной. Александръ Дюма, который въ тоже время и маркизъ де-ла-Пайлетри (de la Pailletrie), имѣетъ гербъ съ изображенiемъ трехъ горлицъ въ лазурномъ полѣ.

Всѣ Парижане видѣли гербъ на каретѣ г-на Скриба, изображающiй два крестообразно расположенныя пера надъ опрокинутой чернилицей.

Но это еще не все; вотъ новый гербъ, подобно предыдущимъ, вышедшiй изъ театра.

Селимена (г-жа Марсъ), въ свою очередь выбрала себѣ гербъ.

Гербъ, о которомъ я упоминалъ, можно видѣть на дверцахъ весьма красивой кареты.

Нѣтъ сомнѣнiя, что Селимена, скорѣй нежели кто-либо, имѣетъ право имѣть красивую карету, карету самаго моднаго цвѣта, на лежачихъ рессорахъ, запряженную парю самыхъ быстрыхъ бѣгуновъ.

Пол-вѣка была Селимена цвѣтомъ дамъ высшаго общества. Мало того, она была царицею салоновъ и образцомъ самыхъ утонченныхъ кокетокъ.

Модныя женщины временъ Директорiи, слѣпо подражали ей; всѣ маршальши временъ Имперiи, признавали превосходство ея обращенiя; герцогини временъ Реставрацiи, кропи платья свои по ея выкройкамъ, и говорили не иначе, какъ ея словами; послѣ Юльской революцiи, владычество ея все еще продолжалось.

Для чего-жъ бы ей не взять на себя трудъ поучить актрисъ, назваться маркизамъ, и обзавестись гербами?

Ея гербъ весьма простъ и приспособленъ къ ея званiю, онъ напоминаетъ многія ея роли.

Однакожь въ гербѣ этомъ нѣтъ короны герцогини де-Гизъ въ *Генрихѣ* III-мъ; ни цѣпи Дониъ Соль въ *Германи*; ни стиха Мольера, ни фразы Мариво. Гербъ изображаетъ простой вѣеръ въ лазоревомъ полѣ, а всякій знаетъ, что вѣеръ есть оборонительное и наступательное оружіе кокетства.

Выбирая гербъ, Селимена не забыла, что всѣмъ блескомъ своимъ обязана она театру.

Н о в о с т и

Уже давно журналы беспокоятся и спрашиваютъ другъ друга о пронесшемся слухѣ на счетъ новаго музыкальнаго труда, знаменитаго Россини. Одни предполагаютъ, что этотъ новый трудъ есть нечто иное, какъ возобновленная *Donna del Lago*, другіе утверждаютъ, что совершенно новая опера. Намъ приятно, что можемъ разрѣшить этотъ интересный вопросъ и объявить положительно, что новый трудъ знаменитаго маэстро, — совершенно новая опера. Конечно, по примѣру большей части современныхъ композиторовъ, маэстро вдумаетъ можетъ быть, повторить въ новой оперѣ нѣсколько старыхъ мотивовъ, но мы ничего не можемъ сказать объ этомъ, онъ одинъ судья въ своемъ дѣлѣ, хотя намъ кажется навѣроятнымъ, чтобы послѣ столь долгаго молчанія, великій маэстро рѣшился снова явиться передъ публикой, съ извѣстными уже ей мотивами.

— 3-го Іюля праздновали въ Вѣнѣ сто-тридцать-второй день рожденія Глюка. Прошлаго года была открыта подписка на сооруженіе гробницы великому композитору, теперь эта гробница окончена, и была открыта на другой день послѣ празднованія памяти Глюка, при звукахъ Моцартова *Requiem*.

— 12-го іюня (н. с.) сгорѣлъ театръ въ Квебекѣ (Канада). Пожаръ начался въ концѣ представленія. Испуганные посѣтители устремились въ узкій коридоръ и многіе погибли, задохнувшись отъ тѣсноты и дыму. Въ тоже самое мгновеніе, лѣстница, ведшая въ ложи, сокрушается подъ тяжестію ищущихъ спасенія, и тутъ еще нѣсколько несчастныхъ дѣлаются добычею смерти. Не смотря на скорую и дѣятельную помощь полиціи и горожанъ, театръ сгорѣлъ совершенно. При отъѣздѣ послѣдняго курьера, найдено было *сорокъ шесть* совершенно сгорѣвшихъ труповъ. Въ числѣ этой катастрофы, находятся весьма важныя лица. «Весь городъ, говоритъ одинъ очевидецъ, погруженъ въ такое отчаяніе, какого мы не видали со времени холеры. Еслибъ это несчастіе послужило, по крайней мѣрѣ, предостереженіемъ, но человѣкъ не исправимъ и не объяснимъ, несчастія ужасаютъ и огорчаютъ его, но рѣдко служатъ ему предостереженіемъ.

Подробности этого пожара ужасны. Вотъ онѣ: Несомнѣнно почти, что пожаръ произошелъ отъ спиртовой лампы, которая, будучи по неосторожности опрокинута, зажгла заднюю занавѣсъ, и огонь распространился столь

быстро, что въ нѣсколько мгновеній, вся зала была объята пламенемъ. Видъ этой залы былъ тогда поразителенъ: всякій стремился въ узкій корридоръ, единственный пеходъ, чрезъ который можно было спастись; и тѣ, которые были назади, испускали неистовые вопли и съ отчаяніемъ тѣснились впередъ; мы слышали, какъ нѣкоторые отдавали все свое состояніе, за позволеніе сдѣлать нѣсколько шаговъ впередъ, какъ другіе предлагали огромнѣйшія суммы, за спасеніе жены и дѣтей; пять минутъ спустя послѣ начала катастрофы, крики умолкли, ибо несчастные, испускавшіе ихъ, уже задыхались отъ дыму. Въ первую минуту ужаса, забыли, что есть другой, болѣе широкій выходъ подъ платформой партера. Лѣстница, на которую устремилась толпа, обрушилась, и несчастные, неуспѣвшіе пройти ее, поверглись въ пропасть, изрыгавшую дымъ и пламя. Сквозь облака дыму видѣлось цѣлое море головъ, среди котораго совершались самыя страшныя битвы. А между тѣмъ, все молчало, и только слышался свистъ пожара, да изрѣдка раздавался стонъ. На заднемъ планѣ этой страшной картины, видѣлось нѣсколько лицъ спокойныхъ и гордыхъ, которые, казалось, засыпали непробуднымъ сномъ, подъ этимъ пылающимъ саваномъ. Братъ принималъ послѣдній вздохъ брата; далѣе — изнеможенный и задыхающійся отъ дыма, предлагалъ все состояніе за свое спасеніе, но помощь была невозможна. Пяти минутъ было достаточно для того, чтобы превратить эту массу людей, въ груды обгорѣвшихъ костей. Здѣсь было болѣе жертвъ, нежели прошлаго года, когда пожаръ превратилъ въ пепелъ почти цѣлый городъ. Нѣсколько семействъ совершенно исчезли. Театръ и пристройки сгорѣли до земли; но намъ пріятно возвѣстить, что ничего не было пощажено, чтобъ уменьшить несчастье: меръ и городскіе начальники сдѣлали все, что отъ нихъ зависѣло. На другой день, весь городъ покрылся трауромъ, и священнослужители всѣхъ исповѣданій, служили панахиды; съ самой холеры Квебекъ не представлялъ такого печальнаго зрѣлища. Большая часть жертвъ — женщины и дѣти; вокругъ театра томится родственники тѣхъ, чьи трупы были неотысканы, зрѣлище это раздирательно. Открыли подписку въ пользу оставшихся вдовъ и сиротъ.

— Знаменитые скрипачи, Вьетанъ и Сивори теперь въ Лондонѣ, и участвуютъ въ лѣтнихъ концертахъ Жюльена. Концерты Жюльена въ Лондонѣ почти тоже, что концерты Миозара въ Парижѣ. Для Франціи странно, что первоклассные артисты такъ унижаютъ себя, а въ Англіи на это никто не обращаетъ вниманія. Что городъ, то норовъ!

— Листъ строитъ на Монтпарнасскомъ бульварѣ фортепіанную школу, о которой онъ такъ давно думалъ. Это будетъ прекрасное зданіе. Г. Белони, секретарь Листа, прибылъ въ Парижъ для надзора за работой.

— Листъ ѣдетъ въ Черное-море, въ сентябрѣ онъ будетъ въ Одессѣ, и объѣздитъ весь Крымъ, а къ будущей веснѣ—возвратится въ Парижъ. Че-

резь три года, онъ совершенно поселится въ Парижѣ, и приметъ начальство надъ своей школой.

— Знаменитая Женни-Линдъ теперь въ Гамбургѣ; ея успѣхъ непомыслимый; нельзя представить себѣ ея ангельскаго голоса, не услышавъ ея.

Женни-Линдъ ангажировалась на Вѣнскій театръ на мѣсяцы: ноябрь, декабрь, январь, февраль и мартъ за 100,000 фран., и будетъ между прочимъ пѣть въ оперѣ Мейербергера—*Лагеръ въ Силезіи*, Мейербергеръ ѣдетъ теперь въ Вѣну, чтобы быть при репетиціяхъ.

— Покойный Папа Григорій XVI отказалъ свое богатое собраніе нотъ, обществу и академіи учителей, и профессоровъ музыки Св. Цециліи въ Римѣ.

— Въ итальянскихъ журналахъ пишутъ, что г-жа Виардо-Гарсія будетъ пѣть будущю осенью въ Венеціи, гдѣ ея невѣстка Евгенія Гарція, въ прошлый карнавалъ приводила всѣхъ въ восторгъ.

— Давно ни одно изъ музыкальныхъ произведеній не имѣло такого успѣха, какъ вальсъ изъ оперы Разель, переложенный для фортепiano Бюргмейстеромъ. Такой успѣхъ дѣлаетъ честь автору. Всѣ учителя музыки заставляютъ играть его своихъ ученицъ, и вѣрно, зимой онъ будетъ раздаваться на всѣхъ балахъ. Авторъ милаго балета Перри, можетъ надѣяться на успѣхъ, тѣмъ болѣе, что его піеса вошла въ свѣтъ безъ шуму и возгласовъ, а принята съ восторгомъ.

— Въ Парижѣ строятъ третій лирическій театръ; въ октябрѣ будущаго года надѣются начать представленія.

— Актеръ М**, человекъ чрезвычайно талантливый и умный, имѣлъ артистическую привычку подчасъ вовсе не знать своей роли: это еще ничего, за то онъ хорошо зналъ *свою* публику, и публика его знала.

Разъ какъ-то это было въ бенефисѣ, и притомъ въ бенефисѣ на провинціальномъ театрѣ; ему нужно было приготовить двѣ огромныя роли jeunes premiers въ двухъ раздираемыхъ драмахъ. Что дѣлать? не учить же ихъ стать: оно и некогда, да притомъ актеръ нашъ былъ склоненъ къ артистической жизни, а начиналась уже масляница. Онъ рѣшилъ выучить одну роль.

Начинается первая драма. М. играетъ прекрасно и добросовѣстно. Публика молчитъ или хлопаетъ изрѣдка. М** взбѣшенъ, потому что рассчитывалъ на эту роль въ особенности.

Въ другой драмѣ, онъ долженъ былъ играть влюбленнаго до безумія, ибо извѣстно, что границы любви и безумія не совсѣмъ опредѣлены.

М** выходитъ смущенный и разстроенный, потому что не знаетъ роли.

Его приветствуютъ рукоплесканія.

Я ѣду въ Кадиксъ.... начинается суфлеръ.

— Что? кричитъ не разслушавшій М**, я ѣду.... Что?

— Я ѣду въ Кадиксъ, бормочетъ суфлеръ.

— Я ѣду въ Кадиксъ, повторяетъ М** и потомъ останавливается, какъ бы пораженный внезапною мыслию, останавливается, потому что вовсе не знаетъ роли.

Рукопесканія все громче и громче.

Нельзя было естественнѣе сыграть съумасшедшаго.

На другой день только и говорили, что про М** и про то, какъ *дивно худо* жественно сыгралъ онъ роль съумасшедшаго.

СОСТАВЪ ИТАЛЬЯНСКОЙ ОПЕРЫ ВЪ ПАРИЖѢ НА 1846 — 47 ГОДЪ.

Открытіе Итальянскаго королевскаго театра назначено 1-го октября будущаго мѣсяца: театральная сезонъ кончится 31 Марта 1847 года. Много будетъ поставлено новыхъ оперъ.

Вотъ артисты ангажированные для первыхъ ролей:

Прежніе:

Г-жи Гризи, Персіани, Маріетта Брамбилла; гг. Маріо, Лаблашъ, Ронжони, Челлини, Коррели, Тагліафико.

Новые:

Примадонна сопрано: Дѣвица Пеппина Брамбилла; вторая примадонна: дѣвица Анджіола Альбони; баритонъ: Ф. Колетти.

ТЕАТРАЛЬНАЯ ЛѢТОПИСЬ.

ЮЛЬ.

ИНОСТРАННЫЕ ТЕАТРЫ.

ПАРИЖСКІЕ.

Королевская Академія Музыки. Первое представленіе *Бетти*, пантомимнаго балета въ 2-хъ дѣйствіяхъ.

Первый дебютъ дѣвицы Фуоко.

Картина 1-я. *Небольшая гостинная.* Молодой пажъ, влюбленный въ молодую дѣвушку и почитая себя любимымъ взаимно, знакомится съ ней подъ именемъ танцовальнаго учителя. Графъ Рочестеръ узнавъ объ этомъ происшествіи, задумываетъ свести интригу между этой дѣвушкой и Наслѣднымъ Принцемъ. Когда Принцъ Карлъ возвращается съ охоты, то Рочестеръ рассказываетъ ему о своемъ открытіи и до такой степени затрогиваетъ его любопытство, что Принцъ изъявляетъ непремѣнное желаніе видѣть дѣвушку и переодѣвается матросомъ.

Картина 2-я. *Набережная Темзы.* Является Эдуардъ, переодѣтый танцовальнымъ учителемъ, къ величайшему удовольствію прекрасной трактирщицы и тотчасъ же принимается за дѣло. Раздаются девять пушечныхъ выстрѣловъ, возвѣщающіе о прибытіи корабля. Входятъ Карлъ и Рочестеръ, переодѣтые матросами, расталкиваютъ мужей и отцевъ и цѣлуютъ женъ и дочерей. Эдуардъ узналъ мнимыхъ матросовъ, но Рочестеръ приказываетъ ему молчать и представляетъ Бетти Карлу. Принцъ пьетъ пушшъ и роняетъ кошелекъ, который Эдуардъ поднимаетъ. Танцы кончаются, пора расходиться. Рочестеръ, сказавъ Карлу, чтобы онъ расплатился, уходитъ. Но, о ужасъ! у Карла нѣтъ денегъ, у него одни только часы. Хозяинъ таверны спрашиваетъ его, какимъ образомъ случилось, что онъ, простой матросъ, владѣетъ такою драгоценностію. Эдуардъ замѣчаетъ, что на часахъ королевскій гербъ. Карла увлекаютъ въ таверну и запираютъ его тамъ, какъ подозрѣваемаго въ воровствѣ.

Дѣйствие 2-е. *Картина 1-я таверна.* Карлъ старается воспротивиться, но тщетно, и начинаетъ раскаиваться въ своемъ недобдуманномъ поступкѣ. Бетти приходитъ утѣшать его, но не смотря на просьбы, не рѣшается его выпустить. Наконецъ она соглашается покровительствовать его бѣгству, съ условіемъ, что онъ раскается. Мнимый воръ соглашается на все и съ помощію обоихъ любовниковъ спускается въ окно, такъ что, когда хозяинъ таверны является со стражей, то находитъ только Бетти въ обморокъ и Эдуарда, который тоже готовъ упасть въ обморокъ. Хозяинъ таверны посылаетъ въ слѣдъ за бѣглецомъ стражу, но она устремляется въ противоположную сторону.

Картина 2-я. *Зала во дворцѣ.* Карлъ пробирается украдкой и наталкивается на Эдуарда. Пажъ призываетъ придворную даму, которая подаетъ Карлу просьбу, Карлъ не смотря, подписываетъ и встрѣчается съ Рочестеромъ, который спрашиваетъ его, какъ провелъ онъ ночь. Начинается балъ. Нѣсколько времени спустя является Эдуардъ и возвѣщаетъ Рочестеру, что пришла Бетти съ отцемъ, чтобы возвратить Принцу украденныя у него часы. Карлъ сперва не хочетъ принять ихъ, но наконецъ рѣшается и приказываетъ впустить. Честный трактирщикъ весьма удивляется — узнавъ Эдуарда, Рочестера и Принца, Карлъ не хочетъ простить Рочестера, но ему подають бумагу имъ самимъ подписанную, Карлъ соглашается на все, а также и на свадьбу пажа своего съ Бетти, и балъ снова идетъ своимъ чередомъ.

Мысль, сдѣлать изъ этого сюжета пантомимный балетъ, весьма

удачна. Но намъ кажется, что хореографъ не вполне выполнилъ свою обязанность, что-же касается до дѣвицы Фуоко, то она получила заслуженный успѣхъ.

Théâtre des Variétés. Первое представление. Sport et Turf. Gentilhomme en deux actes.

Трактирная комната въ Шантильи. Всѣ парижскіе Gentlemen Riders помѣщаются кое-какъ въ этой комнатѣ, въ ожиданіи начала скачекъ. Англичанинъ Лордъ Бокспилль, сопровождающій дѣвицу Гренъ-д'Орѣ, встрѣчается съ Теобальдомъ де Серне, соперникомъ своимъ въ любви. Они соглашаются прозакладовать сердце дѣвицы Гренъ-д'Орѣ на наступающей скачкѣ. Выигравшій долженъ быть счастливымъ любовникомъ. Гренъ-д'Орѣ узнавъ объ этомъ договорѣ, рѣшается составить заговоръ противъ коварнаго сына Албіона. Въ это время Серне встрѣтилъ кузину, которую онъ прежде любилъ, которая теперь овдовѣла и успѣла также сдѣлаться предметомъ некаательства Лорда Бокспилля.

Дѣйствіе 2-е *Гипподромъ*. Мщеніе Гренъ-д'Орѣ состоитъ въ томъ, что ей удалось посадить на скакуна Лорда Бокспилля, весьма толстаго жокея, Теобальдъ обскакиваетъ его и отказавшись отъ Гренъ-д'Орѣ, женится на своей кузинѣ.

Пьеса имѣла успѣхъ. Она принадлежитъ г-мъ Клервину а Сиродену.

3) Мой сосѣдъ въ омнибусъ (*Mon voisin d'omnibus*), комедія въ стихахъ. Годиберъ, богатый негоціантъ, оставившій дѣла, имѣлъ дочь невѣсту, которую онъ сначала прочилъ *Гектору-Живеле*, сыну одного изъ старыхъ друзей; но (хотя онъ и хвастался непоколебимостію своихъ намѣреній) онъ уступаетъ просьбамъ своей дочери и ходатайству господина Клериссо и отдаетъ за мужъ за Карла де-Вареннъ. Онъ не зналъ, что этотъ молодой человекъ промоталъ свое состояніе, въ самомъ дѣлѣ Карлъ образумился и слѣдуя благимъ совѣтамъ своего благодѣтеля (Клериссо), съ которымъ онъ познакомился въ омнибусѣ, занимаетъ мѣсто которое ему доставилъ этотъ другъ Филантропъ, который еще болѣе сосваталъ ему хорошенькую женщину съ 300,000 р. приданаго. Но вотъ пріѣзжаетъ Гекторъ, не зная этой переменны; когда онъ узнаетъ, что Карла де-Вареннъ ему предпочитаютъ, то онъ даетъ знать отцу, что это негодяй заваленный долгами и пр. Сейчасъ-же Годиберъ объявляетъ Карлу, что онъ долженъ отказаться отъ руки Ортанзы; къ счастью тутъ случился Клериссо, который

отдаетъ Карлу уплаченные его векселя. Хотятъ уже готовиться къ свадьбѣ; но женщина—прежняя любовница Карла, пишетъ къ Годиберу и называетъ чудовищемъ его будущаго зятя. Она является сама; Клериссо ее принимаетъ, и изъ-за подарка въ 300 р. она жалуется на Гектора а не на Карла, наконецъ благодаря Клериссо, назначается церемонія брака.

Клериссо узнавъ, что Карлъ вызванъ на дуэль, идетъ на мѣсто его, и угостивъ, Гектора у Лефура, возвращается сказать, что Гекторъ мертво пьянъ какая же причина заставляетъ такъ заботиться Клериссо, о Карлѣ? не отецъ ли это его? Годиберъ въ этомъ увѣренъ; мѣжду-прочимъ ничего этого нѣтъ, это Филантропъ — просто спекуляторъ, который заплатилъ деньги молодого человѣка. Бывши увѣренъ, что получить капиталъ съ процентами изъ приданого. Я позабылъ сказать, что Филантропъ Клериссо горбатъ, а потому очень уменъ и веселъ.

4) ЧЕТЫРЕ КОРОЛЕВЫ (*Les quatre Reines*), комедія-водевилъ въ двухъ дѣйствіяхъ гг. Полена и Лорансена (*Gymnase*).

Изъ четырехъ королевъ, объявленныхъ на афиши этого ребяческаго фарса *три* молодья и прекрасныя, четвертая стара—это Катерина Медичи — остальные: Маргарита Наваррская, Марія Стюартъ и Елизавета Испанская. Всѣ три за мужемъ, и всѣ три не знаютъ своихъ мужей, потому—естественно скучаютъ страшнымъ образомъ въ Севъ-Жерменскомъ замкѣ, гдѣ ихъ держитъ въ заперти правительница Катерина Медичи. Отъ скуки онѣ болтаютъ и занимаются туалетомъ. Всякій день имъ посятъ изъ Парижа новыхъ матерій на платье. Носитъ—молодой прикащикъ, подъ видомъ котораго, скрывается графъ Оливье де-Кастельно, племянникъ заговорщика, къ которому Катерина де Медичи поклялась страшною враждой. Оливье переодѣлся потому, что боится Катерины, а королевы каждая принимаетъ его за своего мужа и прячутъ его отъ регентши. Но объ этомъ узнаютъ; Оливье преслѣдуютъ. Открытый, онъ на вопросъ Катерины говорить свое имя и получаетъ прощеніе и руку своей любезной Алоизы.

РУССКІЕ ТЕАТРЫ.

САНКТПЕТЕРБУРГСКІЕ.

I.

АЛЕКСАНДРЫНСКІЙ ТЕАТРЪ.

Лѣтніе мѣсяцы обыкновенно не богаты театральными новостями. Петербургъ пустѣетъ и переправляется на дачи наслаждаться природою, т. е. насмѣхаться надъ нею вѣчными преферансомъ и толками о производствахъ. Въ театрѣ — одни только присяжные посѣтители, такъ что мы право отъ души удивимся иногда великодушію нашей Дирекціи, вполне безкорыстному, вполне основанному на любви къ искусству. Посѣтителей мало, — иногда въ театрѣ слишкомъ пусто, а пьесы, какъ обыкновенно, исполняются со всевозможнымъ стараніемъ.

Вотъ все, что было особенно замѣчательнаго въ этотъ мѣсяць:

1) Дана была старая, но умная и прекрасная драма Ильина — *Велокодушіе или Рекрутскій наборъ*. Признаемся откровенно, что представленію этой пьесы, мы были рады гораздо болѣе, чѣмъ появленію нвой бенефисной новости. Пусть старой школой отзывается постройка драмы, пусть подчасъ сентиментальная любовь вовсе не кстати разрушаетъ впечатлѣніе цѣлаго — благородный въ полномъ смыслѣ духъ, вѣющій изъ за устарѣлыхъ соромъ, благотвѣтельное вліяніе на верхніе *слои* массы — възбуждаетъ частныя несообразности. Чуть ли даже не больше историческаго постиженія Русскаго народа въ этой старой, сентиментальной драмѣ, чѣмъ во многихъ новѣйшихъ патріотическихкихъ представленіяхъ. Славянскій духъ общины, духъ мірскихъ сходовъ — вражда этого общиннаго духа съ дружиннымъ — съ Варяжскимъ духомъ старость и подъячихъ — все это можетъ быть случайно далось покойному

автору, по тѣмъ не менѣе сообщаетъ народную печать его созданию. Нельзя не пожалѣть, что всѣ роли, за исключеніемъ роли неподражаемой *Гусевой*, выполнены были довольно слабо.

2) За драмою шелъ водевилъ: *Двушка отшельница*, гдѣ очень милъ былъ *Самаринъ*, и чрезвычайно граціозна наша прекрасная молодая артистка—г-жа *Левкѣва*. Роль Бургошара игралъ г. *Славинъ*, и сыгралъ ее прекрасно. Потомъ намъ удалось еще видѣть этого артиста въ водевилѣ: *Двушка морякъ*, гдѣ въ немъ было чрезвычайно много простоты и естественности, и что очень у насъ рѣдко, много не поддѣльной веселости. Что г. *Славинъ*—человѣкъ съ талантомъ, въ этомъ съ нами никто не будетъ спорить,—но мы вовсе не ожидали, чтобы кромѣ того онъ былъ для театра то, что называется *utilité du premier ordre*.

3) Возвращеніе любимца нашей публики, г. *Мартынова*, было тоже очень пріятнымъ явленіемъ. Любезный артистъ былъ принять съ единодушнымъ восторгомъ въ *Синичкинъ*, гдѣ онъ всегда такъ хорошъ. И въ этотъ разъ, какъ всегда, онъ былъ превосходенъ, въ этомъ же водевилѣ была, какъ всегда чудесно-мила—*Н. В. Самойлова*.

4) Еще замѣчательною новостью былъ дебютъ танцовщицы Брюссельскаго театра, *Mlle Руссе*, въ балетѣ: *Дѣво волшебницы*. Въ немъ замѣчательна одна только роль *Миранды*, выполненная *Mlle Руссе*. Что сказать объ артисткѣ? Боимся право быть слишкомъ односторонни, и не отдать ей должной справедливости. Она—наивна... Слова нѣтъ! школа ли, къ которой принадлежитъ эта танцовка, въ этомъ виновата, или она сама,—въ ней нѣтъ души и жизни, нѣтъ легкости, нѣтъ элевацин,—но опять повторяемъ, мы можетъ быть слишкомъ односторонни, не признавая другой, истинной вполнѣ методы, кромѣ методы нашей несравненной сѣверной *Тальйони*, усвоившей себѣ всю грацію и страсть южной *Тальйони*. Кстати, одинъ изъ пароходовъ возвратилъ Петербургу его очаровательную *Жизель*, возвратилъ увѣнчанную лаврами Парижа и Милана. Вѣроятно, мы скоро будемъ ей восхищаться въ одной изъ этихъ граціозно-страстныхъ ролей, которыя она одна умѣетъ такъ дивно создавать, въ роляхъ: *Елены Жизели*, въ неистовомъ *Сальто-релло*.

5) Бенефисъ г. *Григорьева* 2-го, состоялъ изъ пьесъ: *Розанъ, Дядюшка-болтушка, Необыкновенное путешествіе гостиниодворскаго купца и Бородинской годовщины*.

Пьеска *Розанъ* была бы довольно миленькая пьеска, если бы не была испорчена фарсомъ. Авторъ въ концѣ пьесы заставляетъ

прыгать въ окно — майора Безпардоннаго и даму — сплетницу. Райкуэто правится — спору пѣтъ, — но каково же не райской части публики? Тѣмъ больше, что подобныя выпрыгиванія изъ окна во все даже не новость послѣ Гоголевскаго Подколесина: въ Подколесинѣ его выпрыгиваніе выходитъ изъ самой природы, перѣшительной и робкой до того, что онъ скоро сломаеть себѣ шею, сдѣлаеть неприличный поступокъ, нежели рѣшится жениться — а здѣсь поп erat hic locus. Къ чести автора упомянемъ, что роли майора Безпардоннаго и уѣздной сплетницы обрисованы прекрасно. Содержанія всей пьесы не станемъ пересказывать, потому, что мы ее напечатали на страницахъ нашего изданія. Исполнена она была превосходно — нельзя было быть очаровательнѣе *В. В. Самойловой* въ маленькой роли пансіонерки. *Г-жа Линская*, создала прекрасно типъ уѣздной сплетницы, хотя — не много слишкомъ давала волю своимъ рукамъ; *г. Третьяковъ* не менѣе отчетливо понялъ и передалъ характеръ Безпардоннаго. Очень милъ былъ и *г. Смирновъ* 2-й, вообще по нашему мнѣнію, онъ у насъ лучшей *второй любовникъ*.

Въ водевилѣ *Дядюшка - Болтушка* игралъ *Мартыновъ*, игралъ, какъ всегда, до того естественно и просто, до того не прибѣгая ни къ одному утрированному жесту, что только манеру великаго *М. С. Щепкина*, можемъ мы поставить наравнѣ съ манерой игры нашего комика. Естественно, что *г. Максимовъ* 1-й и *г-жа Самойлова* 1-я, были превосходны въ этомъ водевилѣ.

Пьеса самаго бенефицианта. Есть у Французовъ разные балаганные фарсы, которые ишутся обыкновенно братьями Ковьяръ — отъ чего же у насъ не быть имъ? Потому мы вовсе не назовемъ, немного Суздальской, правда пьесы *г. Григорьева* 2-го униженіемъ искусства. *Summ cuique!* масса хлопаеть, массѣ это правится, и масса права по своему. Надобно сказать правду, что неподражаемое выполненіе бенефициантомъ роли купца, много содѣйствовало успѣху. Пьесу самую мы печатаемъ, не какъ произведеніе литературное, но какъ произведеніе, имѣвшее своего роду успѣхъ. Репертуаръ долженъ быть посредникомъ между театромъ и *вѣтли* — безъ исключенія слоями публики.

Въ *Бородинской годовщинѣ* *г. Каратыгинъ* 1-й былъ осыпанъ рукоплесканіями за прочтеніе стиховъ Пушкина. Пріятно было видѣть такъ-же, какой единодушный восторгъ возбуждаетъ воспоминаніе о великомъ поэтѣ въ народѣ. Что касается до насъ лично, мы бы желали впрочемъ слышать *Бородинскую* годовщину Жуковского или Лермонтова. Стихотвореніе Пушкина ниже

его великаго гения, въ немъ нѣтъ ни трогательнаго величія стихотворенія Жуковскаго, ни мѣдной, энергической простоты стихотворенія Лермонтова.

6) Представленіе прекрасной драмы С. А. Геденова, какъ и всегда собрало въ театрѣ много народу. Ансамбль былъ удивителенъ—*трагикъ* нашъ превзошелъ въ этотъ разъ самого себя. Псалъ него полная честь г-жѣ *Дюръ*, г. *Сосницкому* и г. *Славишу*, за прекрасное исполненіе роли Ржевскаго—награжденное единодушными рукоплесканіями публики, доказывающей этимъ, что она не забыла благосклонно ей принятаго таланливаго трагическаго артиста.

7) Къ числу театральныхъ новостей принадлежать такъ-же новыя композиціи г. Кажинскаго, въ особенности—аранжировка *въ первый разъ* для большаго оркестра давной поэмы Шуберта *Erl-König*, аранжировка истинно мастерская. Чуть-ли даже созданіе Шуберта не выигрываетъ въ инструментальномъ исполненіи. Пріятно было бы, если бы нашъ почтенный Мазетро переложилъ побольше Шуберовыхъ пѣсень.

8) Спектакль 24-го іюля. *Черный день на Черной рѣчкѣ. Опекуны*, оригинальная комедія въ двухъ дѣйствіяхъ.

Новая оригинальная комедія отличается большими достоинствами; уже одно то показываетъ въ ея авторѣ—человѣка съ дарованіемъ, что онъ не прибѣгъ ни къ одному изъ общихъ мѣстъ нашихъ комедій и драмъ, ни къ розовой любви, ни къ сладенькой добродѣтели: притомъ же и самый выборъ сюжета, до-сихъ-поръ еще не тронутаго, говоритъ много въ его пользу. Отношеніе между опекунами и опекуемыми, или по большей части *улекаемыми*, играетъ слишкомъ важную роль въ Русской жизни. Конечно, можно бы взять сферу немного повыше той, въ которой дѣйствуютъ плуть Окунь Жидовичъ и картежникъ гусаръ Рундукъ Щелкоперовъ и тогда бы впечатлѣніе было глубже и поразительнѣе,—но тѣмъ не менѣе, мастерски выдержанные характеры, превосходныя сцены—въ особенности ссоры двухъ опекуновъ, разговоры Жидовича съ лакеемъ и съ ребенкомъ, все это выхвачено изъ жизни: замѣтимъ только, что слишкомъ юридическій характеръ лежитъ на цѣломъ произведеніи, такъ что въ послѣдствіи эта комедія вѣроятно будетъ причислена къ *fontes jurisprudentiae*, какимъ нибудь досужимъ преподавателемъ Русскаго права: у автора, всѣ—тонкіе знатоки дѣла, всѣ, чуть-ли даже не младшій изъ опекуемыхъ. Разыгрыва была эта комедія пре-

восходно гг. *Сосницкимъ, Каратыгинимъ 2-мъ, Максимовымъ и Славинимъ.*

Передъ комедіею былъ данъ водевилъ *Черный день на Черной рѣчкѣ*, гдѣ неподражаемо хорошъ г. *Мартыновъ*, заставляющій игрою своей просмотрѣть до конца это уродливое произведеніе.

9) *Спектакль 29 Юля. Горе отъ ума*: мы боимся наскучить нашимъ читателямъ, говоря нѣсколько разъ объ одной и той же *старой* пьесѣ, но въ этой пьесѣ играетъ г. *Самаринъ* и мы считаемъ долгомъ слѣдить за развитіемъ его блестящаго дарованія. По видимому г. *Самаринъ* все болѣе и болѣе вдумывается въ трудную роль *Чацкаго*, съ каждымъ разомъ яснѣе понимаетъ, что *Чацкій* — не ходячая фраза, какъ думали *нѣкоторые*, но живая, полная, яркая личность. Въ первомъ актѣ, почему-то *Самаринъ* былъ холоденъ, но съ первой сцены втораго, онъ былъ истинно *Чацкимъ*. Было ли это слѣдствіемъ художническаго расчета или внезапнаго вдохновенія, но онъ умѣлъ сообщить два разныхъ колорита увлеченію *Чацкаго*, въ первомъ разговорѣ съ *Фамусовымъ* и его рѣзкимъ выходкамъ послѣ явленія *Скалозуба*. Съ *Фамусовымъ* *Чацкій* говоритъ шутя, вовсе не злобно: желчь разливается въ немъ тогда уже, когда онъ довольно долго былъ безмолвнымъ слушателемъ морали *Московского барина* и отвратительно-циническихъ пошлостей *Скалозуба*. *Самаринъ* быстро обернулся при первыхъ словахъ гостя *Фамусова*, — и потомъ когда ему стало, какъ говорится не въ *мочь* отъ такихъ рѣчей, какъ напримѣръ:

Довольно счастливъ я въ товарищахъ моихъ...

или

Да, чѣмъ Господь кого пощеть, вознесеть.

онъ всталъ съ мѣста и началъ ходить по комнатѣ. Этимъ онъ сдѣлалъ понятными *тирады* *Чацкаго*.

Еще болѣе, въ этотъ разъ благодаря *Самарину*, мы помирились и съ монологомъ:

Французикъ изъ *Бордо*, надсаживая грудь. и прог.

это скверное, ложное, принявшее только лоскъ Европейской образованности общество хоть въ комъ возбудить желаніе поучиться у *Китайцевъ*. Наглая профанация *Христіанскаго* сожалѣнія уста-

ми Хлестовой, смѣняющееся тотчасъ же споромъ о душахъ, цинизмъ невѣжества въ Фамусовѣ, заклтая ненависть къ уму — вотъ страшныя черты, которыми гениальный поэтъ заклеилъ этотъ бытъ. Какъ послѣ этого не пожелать ужъ лучше Китаизма...

А. ГРИГОРЬЕВЪ.

II.

КАМЕННО-ОСТРОВСКИЙ ТЕАТРЪ.

Французскіе спектакли.

Въ протекшемъ мѣсяцѣ французская сцена не подарила насъ ни одной новостью. Возобновлены были вѣсколько пьесъ и мы, съ своей стороны, возобновимъ отчетъ объ нихъ читателямъ нашего журнала.

Спектакль 6-го іюня.

DAVIS OU LE BONHEUR D'ETRE FOU, comédie-vaudeville en deux actes. (Дависъ или блаженство безумія).

У Лорда Блестона есть дочь Памела. Семейныя обстоятельства препятствуютъ богатому Лорду, признать Памелу своей дочерью, и потому она воспитывается въ Ирландіи, на мызѣ кормилицы своей — Бриджиты, подъ именемъ ея дочери, вмѣстѣ съ молодымъ живописцемъ Дависомъ, племянникомъ Бриджиты. Молодые люди любятъ другъ друга, любятъ Бриджиту, Бриджита любитъ ихъ, и все они живутъ спокойно и счастливо на бѣдной Ирландской мызѣ. Неожиданный случай прерываетъ теченіе этой покойной и счастливой жизни; Лордъ Блестонъ рѣшается признать Памелу своей дочерью и вызываетъ ее въ Лондонъ, Бриджита зная любовь племянника своего къ Памелѣ, увозитъ ее тайкомъ, и бѣдный Дависъ остается одинокимъ и несчастливымъ, не зная, что стало съ его возлюбленной. Вотъ завязка пьесы. Первое дѣйствіе происхо-

дять въ Лондонѣ, въ отелѣ Лорда Блестона. Не смотря на богатство, знатность и всѣ удобства жизни, Памела несчастлива; въ богатомъ отелѣ, окруженная роскошью и удовольствіями, она груститъ по своей милой Ирландіи, по своей прежней бѣдной, но свободной жизни, по другѣ дѣтства своего—Дависѣ. Она блѣдна, она худа, она больна. Тщетны заботы доктора Джемса Андрюса, который предписываетъ ей спокойствіе и пилюли и интригуетъ противъ нея, чтобы лишить наслѣдства въ пользу какого-то другаго родственника, тщетны заботы доброй Бриджиты, которая страдаетъ не менѣе своей барышни, глядя на ея страданія, Памелѣ хуже съ каждымъ днемъ и жизнь ея тихо угасаетъ. Въ домѣ Лорда Блестона есть еще несчастливецъ, или нѣтъ, виноватъ, счастливецъ, потому что онъ сумасшедшій. Счастливецъ этотъ — Патрикъ, бѣдный ученый, помѣшавшійся на великихъ открытіяхъ, ожидающій отъ нихъ великихъ богатствъ и заранѣе уже ихъ расточающій. Онъ въ самомъ дѣлѣ счастливъ, потому что воображаетъ себя такимъ. Между тѣмъ Дависъ страдалъ не менѣе Памелы, разлученный съ нею, не зная даже, что съ нею случилось и гдѣ она, онъ также заболѣлъ и его жизнь была также въ опасности. Едва оправившись отъ болѣзни, онъ собралъ свой бѣдный скарбъ, свои кисти и краски, взялъ съ собой любимое произведеніе свое — портретъ Памелы и отправился. Куда?... онъ самъ не зналъ... отыскивать Памелу. Съ трудомъ достигаетъ онъ Лондона, долгій путь, горе и недавняя болѣзнь — истомили его, голова его слаба, мысли стали смутны. Одинъ, въ огромномъ, неизвѣстномъ городѣ, онъ не знаетъ къ кому обратиться, что дѣлать съ собой, онъ долго блуждаетъ по лабиринту улицъ и наконецъ падаетъ изнеможенный. Добрый, безумный Патрикъ видитъ его изъ оконъ отеля *друга своего* Лорда Блестона, въ которомъ, по его выраженію, онъ какъ дома, спѣшитъ къ нему на помощь и приводитъ съ собой обѣщая свое покровительство и часть ожидаемыхъ богатствъ. Дависъ оживаетъ, онъ нашелъ друга съ первыхъ шаговъ своихъ въ Лондонѣ; это воскрешаетъ въ немъ надежду отыскать Памелу. Докторъ Андрюсъ, которому Патрикъ представляетъ своего protégé, принимаетъ его очень дурно и даже велитъ вывести; гордость артиста вспыхиваетъ въ Дависѣ, онъ говоритъ, кто онъ такой и показываетъ свою картину. Докторъ Андрюсъ узнаетъ портретъ Памелы и думая открыть какую нибудь тайну, полезную для своихъ плановъ, перемѣняетъ тонъ и даже проситъ Дависа остаться. Между тѣмъ Дависъ разговаривая съ Патрикомъ, изъ темныхъ и несвязныхъ

словъ безумца, начинаетъ подозрѣвать о присутствіи Памелы, входитъ Бриджита и онъ уже не сомнѣвается, что находится подъ кровомъ своей возлюбленной. Раздается зовъ въ комнатѣ Памелы, ей хуже. Не смотря ни на какія препятствія Дависъ бѣжитъ на этотъ зовъ... бѣдный Дависъ!... Онъ видѣлъ Памелу, но не прежнюю Памелу... онъ увидалъ ее блѣдной, больной, умирающей!... больной разсудокъ его не устоялъ противъ этого новаго горя... Дависъ сошелъ съ ума!... Во второмъ дѣйствіи мы на Ирландской мызѣ. Дависъ выздоровѣлъ, но оплакиваетъ свое безуміе; въ безуміи онъ не разлучался съ Памелою, онъ говорилъ съ ней, теперь онъ снова одинъ. Докторъ Андрусъ не знаетъ, что съ нимъ дѣлать, его нпохондрія кажется ему новымъ безуміемъ, бѣдная Бриджита въ отчаяніи, ибо Дависъ не хочетъ говорить съ нею, бѣгаетъ всѣхъ, не спитъ ночей и ходитъ съ однимъ только Патрикомъ, который представляетъ уже себя богачемъ. Но и теперь случай, повергшій столько людей въ горе, возвращаетъ покой и счастье страдальцамъ. Памела выздоровѣла, сдѣлалась независимой, получила все имѣніе отца своего и возвратилась на мызу. Нужно ли говорить, что Дависъ сдѣлался ея супругомъ, вопреки совѣтамъ Доктора и соперничеству Патрика, который почитая себя богачемъ, искалъ жены — и остановилъ выборъ свой на Памелѣ.

Пьеса эта принадлежитъ перу г-на М. Фурнье, и игралась съ постояннымъ успѣхомъ въ Парижѣ и у насъ, вотъ лучшая ея оцѣнка; скажемъ теперь нѣсколько словъ объ ея исполненіи.

Роль Дависа занималъ г-нъ Пешенá, роль Памелы г-жа Л. Майеръ, Доктора г-нъ Додель, Патрика г-нъ Верпе, Бриджиты г-жа Л. Додель.

Роль Дависа могла бы лучше быть сыграна, понять ее не трудно, и мы не смѣемъ сомнѣваться, что г-нъ Пешенá, артистъ не безъ дарованія, вполне понялъ ее. Отъ чего же сыгралъ онъ ее такъ неудовлетворительно? Вотъ вопросъ, который, кажется, нетрудно разрѣшить. Во первыхъ, г-нъ Пешенá не изучилъ, а только выучилъ роль свою, и надѣясь на двѣ, три патетическія тирады, явился на сцену. Надѣмся, что онъ замѣтилъ эту ошибку. Многое въ роли прошло незамѣченнымъ, многое выражено слабо, самое появленіе на сцену Дависа; усталого, изнеможенного, близкаго къ сумашествію—совершенно не удалось. Оскорбленный докторомъ, больной Дависъ разсердился, какъ здоровый человѣкъ, а сошелъ съ-ума, оно совсѣмъ неестественно, переходъ былъ слишкомъ быстръ.

Наконецъ, въ сценѣ упрековъ доктору, во 2-мъ дѣйствіи, онъ прочелъ довольно длинный монологъ безъ всякой интонаціи, однимъ голосомъ, это имѣло весьма непріятный эффектъ. Впрочемъ; г-нъ Пешенъ артистъ не безъ таланта, и нѣкоторыя сцены, какъ напр., сцена свиданія, была сыграна имъ весьма удовлетворительно; въ игрѣ его есть теплота, чувство и увлеченіе, но мало естественности, и слишкомъ много самопадѣянности.

Г-жа Л. Майеръ играла по обыкновенію хорошо, роль была передана вполне, и мы не можемъ сдѣлать ей никакого важнаго упрека.—Г-нъ Верне, не смотря на свой талантъ, не понялъ своей роли, и вмѣсто того, чтобы тронуть зрителей, онъ насмѣшивалъ ихъ.

Говорятъ, что эта пьеса будетъ скоро разыграна на сценѣ Александринскаго театра, пріятно было бы увидать г-на Самарина въ роли Дависа; мы не сомнѣваемся, что онъ исполнилъ бы ее превосходно.

Послѣ Дависа давали LES BRODEQUINS DE LISE (*Нюжка*).

Спектакль 13-го Юля.

UN BAL DU GRAND MONDE (Баль у Банкира).

Нарцизъ Бишоно (г-нъ Верне) *artiste en cheveux*, т. е. парикмахеръ, пылаетъ столь сильною страстію къ своему искусству, что являсь, съ намѣреніемъ полюбоваться на прически, къ подъѣзду одного богатаго дома, въ которомъ дается балъ, онъ приходитъ въ истинно-артистическій восторгъ отъ одной головки, убранной розами, невольно слѣдуетъ за ней, и совершенно неожиданно попадаетъ на блестящій балъ. Онъ хочетъ ускользнуть, но уже поздно, распорядитель бала (г-нъ Варле), человекъ чрезвычайно предупредительный, отбираетъ у него и г-на Адольфа (г-нъ Курси), явившагося на балъ также безъ приглашенія, шляпы, и Нарцизъ принужденъ остаться. Г-нъ Адольфъ привлеченъ былъ на балъ тою же любовью къ изящному, которая привлекла и Нарциза, но предметъ его любви не прическа, а весьма милая дѣвушка, племянница банкира барона Токенбурга. Положеніе молодыхъ людей весьма затруднительно, но Нарцизъ приходитъ еще въ большее затрудненіе, когда распорядитель бала, знающій по собственному увѣренію весь Парижъ, выдаетъ его

сперва за королевскаго прокурора, потомъ за депутата, и наконецъ — за сына голландскаго банкира Вантрюка. Къ довершенію горя, Нарцизь узнаетъ въ супругъ барона Токенбурга, прежній предметъ любви своей, гризетку Фифину, и баронъ застаетъ его у ногъ ея. Хотя баронессѣ удается на этотъ разъ спасти своего прежняго чичебея, но положеніе несчастнаго артиста столько ложно, что онъ дѣлаетъ безпрестанные промахи. Онъ ссорится съ барономъ, который вызываетъ его на дуэль, чуть не женится на его племянницѣ, путаетъ фигуры французской кадрили, и наконецъ открываетъ свое званіе. Не смотря на все это, ему удается женить Адольфа, помириться съ барономъ и раздать всѣмъ свои адреса.

Изъ всего этого вы видите, что въ пьесѣ мало толку и правдоподобія, что она принадлежитъ къ разряду тѣхъ пьесъ, которыя пишутся на-скоро, между трюфелями и шампанскимъ, но г-нъ Верне съ такимъ совершенствомъ выполняетъ роль свою, что публика смѣется до слезъ, и стало быть довольна—и мы находимъ, что она въ своемъ правѣ.

В. ПЕТРОВЪ.

==

ПРОВИНЦИАЛЬНЫЕ ТЕАТРЫ.

ТЕАТРЪ ВЪ ЯРОСЛАВЛѢ.

Не давно меня забросила судьба на берега Волги-Матушки. Бывши въ старые годы записнымъ театраломъ, я очень обрадовался, узнавъ, что и здѣсь могу видѣть картонные лѣса, полотняное небо и разрумяненныхъ актрисъ. Едва окончился постъ и начались спектакли, какъ я уже здѣлался постояннымъ посѣтителемъ здѣшняго театра. Признаюсь, при самомъ входѣ въ этотъ храмъ Мельпомены, я былъ пріятно пораженъ его опрятностію; освѣщеніе, отдѣлка и чистота, въ какой его содержатъ — примѣрны. Въ Ярославскомъ театрѣ 2 яруса ложъ, галлерей, пять рядовъ креселъ и мѣста за креслами, — устройство всѣхъ этихъ отдѣленій очень удобно. — Надобно отдать справедливость содержателю этаго театра г-ну Алексѣеву, онъ не щадитъ ни стараній, ни издержекъ; было бы *хорошо*, вотъ кажется его девизъ. Нельзя вмѣстѣ съ тѣмъ не пожалѣть, что публика здѣшняя остается совершенно равнодушною ко всѣмъ его усиліямъ. Рѣдко, рѣдко когда театръ бываетъ полонъ. Чтобы дать вѣсть о Ярославскомъ театрѣ и другимъ жителямъ нашей Руси православной, я написалъ обзоръ нѣсколькихъ видѣнныхъ мною спектаклей и покорнѣйше прошу Редакцію: «Пантеона и Репертуара», помѣстить статью мою въ своемъ изданіи.

14 Апрѣля для открытія Театра давали въ первый разъ: *Купецъ Михляевъ*, былъ сочин. г. Славина, Артиста С. Петербургскихъ театровъ, былъ, проникнутую чувствомъ глубокаго патріотизма, — и Вицъ-Мундиръ, водевилъ г. Каратыгина 2-го. Главную роль въ первой піесѣ занималъ г-нъ *Ленскій* (*) (Михляевъ) и

(*) Удивляемся, для чего г-да провинціальныя актеры берутъ себѣ фамиліи столичныхъ артистовъ. Неужели это спекуляція на извѣстность? —

надобно сказать выполнилъ ее отчетливо. Твердое знаніе роли, (что не бездѣльца), правильная дикція, и мѣстами игра одушевленная, вотъ за что г. Ленскій заслуживаетъ полной благодарности. Онъ игралъ просто, не становился на ходули и понималъ, что увлечь зрителя можно: не возгласами, не неистовыми жестами, а игрой благородной и естественной; въ нѣкоторыхъ сценахъ, какъ на примѣръ: въ сценѣ его съ княземъ Долгорукимъ, онъ былъ даже хорошъ. Въ немъ я видѣлъ именно Русскаго купца, который сознаетъ достоинство своего званія; онъ честно нажилъ себѣ достояніе и жертвуетъ его для блага родины, только лишь надъ нею собралась гроза. — Да, я былъ очень благодаренъ г-ну Ленскому за этотъ вечеръ, тѣмъ болѣе, что все окружающее его въ этой пьесѣ, ни мало меня не порадовало. Все гг. актеры, участвовавшіе въ этой пьесѣ, были ниже посредственности.... Г-нъ *Головановъ*, въ роли Князя Долгорукова, былъ похожъ не знаю на кого, только ни какъ не на Князя; мнѣ кажется, что онъ старается и въ игрѣ, и въ произношеніи подражать г-ну Толченову 1-му, но разумѣется, какъ всякій подражатель, онъ несравненно ниже подлинника. Г. *Самойловъ*, въ роли купца Подлипалина, былъ совершенно дуренъ. Не знаю какъ можно актеру прибѣгать къ фарсамъ самымъ пошлымъ, для того только, чтобъ разсмѣшить. Да вѣдь не благопристойной походкой или гримасами можно позабавить только глупцовъ и невѣждъ; всякой же благомыслящій зритель ищетъ въ игрѣ артиста, во первыхъ: естественности, а во вторыхъ — благородства, ни того, ни другаго на этотъ разъ въ г. Самойловѣ не оказалось. Будь г. Самойловъ актеръ бездарной, я бы не высказалъ такъ рѣзко своего мнѣнія объ немъ, но то-то и досадно, видѣть, что могутъ, да не стараются быть хорошими. Впрочемъ одно извиняетъ г. Самойлова за эту роль, она совершенно не принадлежитъ къ его амплуа, — но все таки всякую роль можно выполнить безъ кривляній. — г. *Красовскій* комикъ съ замѣчательнымъ дарованіемъ, выполнилъ на этотъ разъ роль свою (старика Сви-

Мы часто встрѣчаемъ въ провинціальныхъ афишахъ гг. Дюръ, то Максимовыхъ, то Ленскихъ, то Мочаловыхъ, то Славинныхъ и т. д. и непонимаемъ этихъ притязаній и расчетовъ на извѣстныхъ фамиліи нашихъ талантливыхъ Артистовъ; чего добраго, кто нибудь назовется пожалуй и Каратыгинымъ.

Ред.

поухова) не удовлетворительно. Я видѣлъ въ немъ не пьянищаго, веселаго Старичька, у котораго въ головѣ вертятся: и Царь, и Михляевъ, и награда; итѣтъ, это былъ просто старикъ, который прыжками и кривляньями, хотѣлъ перещеголять любого акробата, а Красовскому грѣшно впадать въ фарсерство: въ немъ много таланта, что онъ и доказалъ мнѣ въ послѣдующіе спектакли. Прочіе мужскіе персонажи въ этой пьесѣ, были до того незначительны, что объ нихъ ни чего сказать не могу. Изъ актрисъ участвовавшихъ въ этой пьесѣ, ни одна ни пошла далѣе посредственности. Удачливѣ всѣхъ выполнила свою роль г-жа *Пемшинова*, она по крайней мѣрѣ, похожа была на сварливую и болтливую старуху. *Дѣвица Косицкая*, имѣя пріятной голосъ и довольно милою наружность, въ продолженіи всей пьесы, оставалась какимъ-то неодушевленнымъ существомъ, ни одного порыва артистки, ни одной одушевленной сцены, — недурно пропѣла двѣ Русскія пѣсни — и только, нельзя не пожалѣть, что она играетъ хорошо иногда. — А что она можетъ выполнить отчетливо роль, требующую много теплоты и одушевленія, это она доказала въ послѣдствіи, явившись съ полнымъ успѣхомъ въ роли *Михаэлы*, въ пьесѣ г. Зотова: дочь Карла Смѣлаго, дай Богъ, чтобы это случалось по-чаще. г-жа *Голованова* (жена Михляева) была вяла и безцвѣтна, какъ нельзя болѣе, и мнѣ все казалось, что ее клонитъ сонъ. Имѣя довольно хорошую фигуру и талантъ, хоть небольшой, она съ успѣхомъ однакожъ является въ роляхъ благородныхъ матерей и знатныхъ дамъ.

Въ этотъ вечеръ въ первый же разъ данъ былъ вицъ-Мундиръ водевилъ г. Каратыгина 2, главную роль Чиновника Разсѣяннаго, занималъ г. *Красовскій*, и выполнилъ ее очень недурно — но еще разъ повторяю: не естественная походка, хлопаніе глазами и тому подобныя фарсы, нисколько не интересуютъ зрителя, отъ таланта г. Красовскаго, можно и должно требовать многого. Г. *Бышеницовъ*, въ роли Гуторина, былъ похожъ, на пародію Гамлета, а не намирнаго Чиновника, къ чему эти страшные взоры, эти рѣзкіе жесты — болѣе простоты, дѣло будетъ лучше. Г-нъ *Головановъ* (экзекуторъ) былъ нехорошъ, Г-жа *Орлова* выполнила роль Феклы кухарки довольно естественно, слѣдовательно хорошо. Дѣвица *Смирнова*, въ роли вдовы Любецкой была будто связана, но она не давно кажется на сценѣ, и имѣя хорошую фигуру и довольно благородныя манеры, можетъ со-временемъ сдѣлаться не дурною артисткою.

Послѣ этихъ двухъ пьесъ, былъ данъ дивертисементъ, въ ко-

торомъ артистками Ярославскаго театра, очень не дурно, выполнено было нѣсколько характерныхъ танцевъ, особенно г-жа *Ленская* прекрасно проплясала намъ по казацки. — Къ стати рѣчь зашла объ этой артисткѣ, поговоримъ объ ней по подробнѣе. Изъ всѣхъ женскихъ персонажей Ярославскаго театра, она преимущественно заслуживаетъ особеннаго вниманія. Г-жа *Ленская* имѣетъ всё для сцены: милую оживленную физиономію, пріятный голосъ и талантъ; но отдадимъ же справедливость нашей артисткѣ: она не довольствуется всеобщимъ одобреніемъ публики, которая радушно встрѣчаетъ каждое ея появленіе на сценѣ, нѣтъ, она совершенствуется — и каждый разъ, миѣ кажется, она играетъ лучше вчерашняго; въ комедіяхъ и водевиляхъ, это сама натура, ни какаго фарса, ни тѣни принужденности. Въ роляхъ молодыхъ повѣсь и субретокъ она всегда такъ хороша, что зрителю не остается ничего желать болѣе. За одно можно попенять г-жѣ *Ленской*, она иногда увлекается своимъ живымъ характеромъ, и не можетъ спрятать улыбку, когда нужно, за то она заслуживаетъ полную благодарность за твердое знаніе ролей, чѣмъ здѣсь не многіе могутъ похвастать.

Апрѣля 17 въ первый разъ: *Карпатскіе горы*, драма *Коржевскаго* и *Цвѣтосіе Шутка* *Гр. Сологуба*.

Въ этотъ вечеръ, я помирился съ г. *Самойловымъ*, душевно радуюсь, что наконецъ могъ видѣть этого актера такимъ, какимъ онъ долженъ быть; отъ начала до конца пьесы, онъ былъ хорошъ и выполнилъ роль свою отчетливо; въ нѣкоторыхъ сценахъ, какъ напримѣръ въ сценѣ съ *Комисаромъ*, г-нъ *Самойловъ* былъ даже благороденъ; желательно бы было видѣть его всегда такимъ. *Господинъ Ленскій* въ роли *Антоня*, дяди *Ровизорчука*, былъ хорошъ. *Госпожа Голованова*, (мать *Ровизорчука*) въ этотъ вечеръ была весьма не дурна — въ игрѣ ея проблескивали мѣстамп и чувство и одушевленіе. *Дѣвица Косицкая* и на этотъ разъ была холодна, какъ пельзя болѣе. Въ послѣднемъ актѣ, гдѣ она является безумной, она была просто странна, и казалась совершенно чуждою своей роли. Къ чему приписать это нерадѣніе, неужели къ молодости,

да когда же и учиться, когда же и совершенствоваться, какъ не въ лучшую пору своей жизни? когда каждый шагъ такъ легокъ. Вы не разъ заставляли меня радоваться за васъ, за-чѣмъ же неглижировать?

Роль Прокопа выполнилъ г-нъ Славинъ (провинціальный) очень не дурно. Вообще Ампула стариковъ, злодѣевъ, скупцовъ—занимаетъ онъ съ успѣхомъ, въ игрѣ его много патуры. Жаль только, что слабость груди заставляетъ его говорить иногда тише обыкновеннаго. По моему мнѣнію г-нъ Славинъ одинъ изъ лучшихъ актеровъ нашего Театра. Г-нъ Красовскій въ небольшой роли Фельдфебеля былъ очень милъ. Про другихъ актеровъ, участвовавшихъ въ этой пьесѣ—молчу. Послѣ Карпатскихъ горцевъ, была дана шутка Графа Салмогуба: букеты или цвѣтобѣсіе. Шутка написанная талантливымъ авторомъ а *propos*—могла имѣть большой успѣхъ въ Петербургѣ, когда въ немъ раздавалась еще чудная пѣснь соловьевъ заморскихъ. Въ провинціи же она можетъ быть дана съ успѣхомъ, если только игра артистовъ заинтересовываетъ зрителя. Г-нъ Красовскій, въ роли чиновника Тряпки былъ очень смѣшонъ, не прибѣгая ни къ какимъ фарсамъ, онъ былъ простъ, естественъ, слѣдовательно очень хорошъ. Г-нъ Ленскій (купецъ Луковницынъ) былъ хорошъ. Этотъ артистъ, кажется смотритъ на искусство, съ настоящей точки зрѣнія, и смотря по сбору, не усиливаетъ рвеніе, понимая, что его прямая обязанность быть всегда хорошимъ, сколько позволяютъ силы. Г-нъ Славинъ, (начальникъ чего-то) былъ тоже очень не дуренъ, но за то г-нъ Самойловъ, вызванный за первую пьесу, кажется совершенно опочилъ на лаврахъ, и въ водевилѣ не-зная роли, игралъ очень дурно—странно, неужели вызывы и аплодисменты убиваютъ дарованіе. Г-нъ Бѣшенцевъ слишкомъ старъ для молодыхъ ролей—вотъ все, что могу сказать про него. Г-жа Голованова въ роли Милковой была очень не дурна. Г-жа Немчинова (старуха помѣщица) выполнила бы свою роль очень хорошо, ежели бы не сбивалъ ее съ толку г-нъ Самойловъ. Дѣвица Соловьева въ маленькой роли невѣсты, была не дурна—отъ нее можно ожидать въ будущемъ хорошую артистку—разумѣется, при возможномъ стараніи съ ея стороны.

Изъ актеровъ, неучаствовавшихъ въ этихъ двухъ спектакляхъ я долженъ съ удовольствіемъ указать на г-на *Барышева*. Вертопраховъ, влюбленныхъ молодыхъ людей въ комедіяхъ и водевиляхъ, онъ играетъ очень мило и непринужденно; хорошо-бы

было присоединить къ этому и всегдашнее званіе роли, говорятъ, что прежде онъ игралъ еще лучше, не знаю причины этому.....

Кончаю статью мою тѣмъ же, чѣмъ и началъ, похвалою содержателю Ярославскаго театра г-ну Алексѣеву. Костюмпрвка, декорацин, всё это въ большомъ порядкѣ, слѣдовало бы ему обратить болѣе вниманія на внутреннѣе достоинство театра, и глубже вникнуть въ способности каждаго артиста; а то выборъ пьесъ и раздача ролей не всегда бываютъ удачны. Надѣясь на лучше-будущее, мы благодарны и за то, что есть.

К. ДОВОДЧИКОВЪ.

1846 года

Ярославль.

РАЗНЫЯ ИЗВѢСТІЯ.

Въ теченіе этого мѣсяца, скончался отъ удара, заслуженный Артистъ Императорскихъ театровъ, г. Байковъ. На-канунѣ смерти своей, онъ игралъ роль Бенпо въ Фра-Дьяволо, и публика наша, утѣющая цѣнить долгую службу, нѣсколько разъ ему апплодировала.

— Но вотъ новость пріятная: талантливый авторъ «Дугласа», «Музыканта и Княгини» и «Владимира Заревского», написалъ, говорятъ, новую драму: «*Каменное Сердце*».

— Другая пріятная новость — пріѣздъ г-жи Андреяновой, искренно радующій не только любителей *балета*, но и любителей изящнаго.

ГОРОДСКІЕ СЛУХИ И ИЗВѢСТІЯ.

— На Александринскомъ театрѣ монтируютъ, какъ слышно, новую драму, прекрасно переведенную: *Испанскіе любовники*, и предполагаютъ возобновить нѣсколько хорошихъ пьесъ стараго репертуара; а между тѣмъ, драматическіе писатели принялись за работу, и носится слухъ, что извѣстный нашъ драматургъ *П. Г. Ободовскій*, пишетъ пьесу для бенефиса первой нашей артистки *В. В. Самойловой 2-й*; для бенефиса *Н. В. Самойловой 1-й*, написалъ оригинальную драму въ стихахъ *А. А. Григорьевъ* и, имѣя еще много почти оконченнаго запаса въ портфель, трудится надъ переводомъ Шекспирова Ричарда, который, слышно, будетъ данъ въ бенефисъ *А. М. Максимова 1-го*, и гдѣ г. Максимовъ явится самъ въ роли: *Ригардъ. А. П. Славинъ* трудится надъ драмою, изъ извѣстнаго романа *Басурманъ, И. И. Лажечникова* и — оканчиваетъ, для бенефиса *А. А. Мартынова*, русскую быль изъ временъ Петра I: *Смотръ невѣсть въ Липиемъ саду при Петрѣ Великомъ*. Первый же нашъ водевилистъ *П. А. Каратыгинъ*, вѣроятно, подаритъ намъ въ свой бенефисъ оригинальными русскими водевилями его сочиненія, а неутомимо-дѣятельный *П. С. Федоровъ*, конечно, не оставитъ нашъ журналъ своими прелестными водевилями; но самая утѣшительная, самая драгоценная новость, если только справедливъ слухъ, это та, что талантливѣйшій авторъ *Смерти Ляпунова*, написалъ новую драму и новую

комедію, которыя и будут поставлены нынѣшнею зимою.. Сколько наслажденія, наслажденія высочайшаго должна ожидать публика отъ даровитаго его пера. — Дай Богъ, чтобы сбылись эти слухи!..

— Французскій и нѣмецкій театры, готовятъ тоже много новаго къ зимѣ и — идетъ молва, что на роли Брессана ангажированъ весьма даровитый французскій актеръ *Довлуи*.

Если все эти слухи сбудутся, — много прекраснаго подарить намъ будущая зима!

— Въ мастерской извѣстнаго художника г. Каржова, мы видѣли портреты нашихъ молодыхъ — даровитыхъ артистовъ А. П. *Славина*, и г-на *Марковецкаго*. Сходство удивительное, рѣзецъ художническій, отдѣлка и чистота превосходныя!.. Намъ говорили, что г. Каржовъ хочетъ издать галерею портретовъ артистовъ и артистокъ новаго поколѣнія... Начало такъ хорошо, какъ нельзя болѣе желать! — При слѣдующихъ книжкахъ «Репертуара» мы дадимъ нашимъ читателямъ портреты нашей русской Плесси — В. В. Самойловой 2-й, и несравненнаго А. А. Мартынова.